

An aerial photograph of a mountain valley with a winding river. The image is overlaid with several bullet holes of varying sizes, some of which are positioned over the author's name and the title. The author's name is in yellow and white stylized letters, and the title is in red stylized letters.

**ЮРИЙ
ЯКОВЛЕВ**

**Рассказы
для грузин**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Семёнович Яковлев

Рассказы для друзей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41650694

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказы о том, как мы жили, дружили, любили, шутили, о чем мечтали. О службе, встречах и событиях, которые были в Афганистане и на китайской границе. Просто с юмором и теплом про наше детство и Одессу. Это наша жизнь, она нам нравится. О друзьях и для друзей. В оформлении обложки и в тексте книги использованы фотографии из архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Афганистан	6
Про любовь на войне	8
Рассказ капитана Пенягина	12
Лопата	15
Вертолётчик Саня Петренко	21
Смелым быть просто	31
Где-то в ущелье Дарваз	38
Д е з и н ф о р м а ц и я	44
Ветеран «чужой» войны	48
Ангел-Хранитель	51
Его звали Зурон	55
Люди и звери	63
Граница	70
Наша коррида	70
Как это начиналось	74
Юность имени Дзержинского	80
Зимой на границе	89
На Памире	94
Для Андрея Семенова, то, что рассказывал ему 35 лет назад	98
Камчатка	103
Папин рассказ	109
Продовольственная программа	117

Печальная рыбалка	122
Одесса	124
Детские воспоминания	124
Почему я не стал артистом?	132
Одесса, лето, конец шестидесятых	136
Привет от муравья	141
Спорткоманда	143
Базарная, 25	157
Двадцать девятый трамвай	162
Черешня	166
Самбо	168
Робик	170
Это для Лены	178
Это про пейджер	184
Маньяк	186
Поход выходного дня	188
Балет	196
Иглотерапия	199
Одесская шляпа	207
Про кирпич, не для детей	210
Катя из Москвы	212
Ошибка	218
Соевый соус	221
Страховой случай	224
Фабрика	231
Шумахер	233

Эх, дороги	236
Водный аттракцион.	240
«Сателлит» еще одна жизнь	243

Афганистан

Про любовь на войне

В тот вечер басмачи нас не обстреливали. Застава, или «загранобъект погранвойск на территории ДРА», располагалась высоко в горах, на склоне ущелья, на перекрёстке караванных троп. Там внизу, под нами, шумела прозрачная река и виднелся мостик возле кишлака. Чуть правее, на крутом склоне за речкой, в пещере, за арчей (это такой можжевельник) была позиция пулемета ДШК, из которого они били по нашим вертолётам короткими очередями утром со стороны восходящего из-за гор солнца, чтобы мы не могли их засечь по вспышке. Крупные пули не свистели, а шипели, как проносящиеся с огромной скоростью камни.

Был тихий весенний вечер. Пахло чабрецом и ещё разными цветущими травами, запах которых смешивался с запахом горящих дров. В соседней землянке готовили ужин. Все офицеры – два капитана и один старший лейтенант – собрались в штабной землянке, где единственным развлечением, после прочтения двух имевшихся книг и старых журналов «Огонёк», была игра в «шиш-беш», в которую все уже играли автоматически, думая о чём-то другом.

Вот заговорили о своих любимых женщинах, которые ждали их в Союзе. Капитан разведчик, по имени Женя, показал фотографию своей жены. С первого взгляда была видна яркая и заметная всем красота.

И что, ты надеешься, что она сейчас с такой внешностью и одна? – спросил Саня, командир заставы, капитан.

А что ты ей подарил на восьмое марта в прошлом году? – поинтересовался «зампобой» (заместитель по боевой части), старший лейтенант.

Я ей подарил голубой пеньюар, дома ходить.

Так вот сейчас с неё кто-то снимает этот пеньюар, – продолжил капитан, глядя в глаза разведчику Жене. Уж очень ему хотелось вызвать муки ревности.

Это вы от зависти. Да, красавица. Но мне лучше есть торт сообща, чем дерьмо в одиночку, – спрятался он за спокойным цинизмом, хотя на самом деле так не думал.

Да, а пеньюар снимают, уже сняли, – продолжил старший лейтенант, желая всё-таки вывести Женю из равновесия.

А вы молча кушайте, что дают, торта вам не хватило.

Ладно, – решил примирить всех капитан. – Некрасивых женщин не бывает.

А что, как говорят, бывает мало водки? – поинтересовался «зампобой».

Нет, бывает мало Афгана. Когда здесь долго посидишь – все красавицы.

Через несколько дней разведчика Женю ранили. Ранения бывают, как в кино, – в руку или в ногу, когда всё быстро заживает и герой уже заглядывается на молоденьких санитарок в госпитале. А бывают и другие, когда пуля разбивает

мочевой пузырь, и

раненый ходит с привязанным на боку мешочком, куда всё скапливается, и тогда он смотрит на санитарок совсем другими глазами.

У Жениной судьбы был выбор – ангел-хранитель распорядился по-своему. Пуля попала в висящую на поясе спереди гранату «Ф-1» и рикошетом прошла ногу. Судьба явно готовила его для любовной истории.

Женю отправили лечиться в госпиталь, в Союз. Вы думаете, подошла к симпатичному капитану, героически раненному в героическое место, молодая медсестра, и всё началось?

Да, подошла, да, молодая, да, обнажила герою «крутую задницу», как сказали бы теперь, сделала укольчик и ушла. Обычная до банальности любовная история не состоялась.

А к герою-разведчику срочно приехала жена-красавица. Сняла хороший номер в гостинице. Но Женю не отпустили в город: рана не зажила, да ещё и на костылях. Чтобы ничего не случилось, – отказать всегда легче, меньше ответственности.

Вечером жена подогнала такси к ограде госпиталя, и наш разведчик перебросил через высокий забор костыли, а потом и сам, с божьей помощью, перелез. У них была чудесная любовная ночь – весенние ночи в Средней Азии тихие и уже теплые.

С рассветом Женя вернулся через тот же забор в госпиталь, никто не заметил его отсутствия. Целый день спал, а

вечером – опять через каменный забор к своей любимой.

Когда возвращался, злые охранники изловили героя и повели «на допрос» к начальнику госпиталя.

Я тебя выпишу недолеченным, – пригрозил начальник госпиталя. – Ты мне тут заразу всякую принесёшь, бегаешь по разным бабам.

Я не по бабам, я к любимой жене.

И тут прозвучала фраза, поразительная по своей логике.

Не ври. К своей жене на одной ноге через двухметровый забор не бегают!

2015 г.

Рассказ капитана Пенягина

Вы умеете приседать на одной ноге «пистолетиком», вытянув вторую ногу вперёд?

А он умел, при своих 90 кг веса делал это каждый день. В туалете. Нога плохо сгибалась в коленном суставе. После ранения. Это врачебная тайна? Да ему всё равно, он умер в этом году. Жалко, первыми уходят те, кто знал о войне больше других. Да, больше всего знали о войне офицеры в звании от лейтенанта до подполковника. Они вели эту войну. Может, и полковники с генералами тоже воевали, но больше на карте в штабах, мы их не видели на той войне. Особенно в самых забытых богом местах. И рядовые знали о войне, но у них свой взгляд на неё, часто ограниченный их функциональными обязанностями. Правду говорил один ветеран Отечественной войны: «Все бежали – и я бежал, все стреляли – и я стрелял...» Так честнее, чем пересказывать книги о направлении главных ударов и замыслах полководцев. Хотя бывает и так, что и офицер ничего не понял, а рядовой узнал и понял всё о войне. Недавно я сказал немолодой уже женщине, что служил в Афганистане, она заулыбалась и с пониманием предмета произнесла: «Я знаю, вы там варили суп из маковой соломки и жарили пирожки с гашишем»! У кого-то и такой рассказ имел место. У каждого был свой Афган.

Мы сидели с Пенягиным в землянке на стульях, сколочен-

ных из снарядных ящиков. Крыша землянки была сделана неудачно, летом дождей не было, а зимой она протекала.

На потолке натянули полиэтилен, по которому капли дождя стекали в подставленный металлический ящик – «цинк» из-под сигнальных ракет. Ещё по натянутому полиэтилену бегала крыса, барабаня лапами, а два раза проползала змея. А трогать их нельзя было, чтобы не пробить натянутую пленку. Крыса, пользуясь неприкасаемостью, показывала нам зубы. Такой вид снизу. Оскал или улыбка – не поймёшь. На стене под потолком были чёрные пятна – это разведчик так уничтожал фаланг или скорпионов. Вытаскивал пулю из патрона, вставлял туда пожеванную бумажку и стрелял из автомата в насекомых.

Пенягин рассказывал, как его ранили.

Служил он тогда не на горном участке Афганистана. Это из других округов офицеров присылали в Афган на два года, а в Среднеазиатском пограничном округе офицеры ездили «за речку» как в обычную командировку. Расположились они своей заставой ММГ (мото-маневренной группой) в безводном месте. И ездили на автомобиле ГАЗ-66 с прицепной бочкой за водой к реке. Это был риск попасть на мину, но надеялись, что расстояние до своих совсем небольшое. И вот Пенягин поехал старшим за водой. Когда возвращались, бойцы попросили остановиться возле бахчи, поменять парочку арбузов на имеющиеся у них мыло или соль. Он запретил останавливаться, и, объезжая лужи, в которых

стали часто ставить мины, на полном ходу они поехали к себе на базу. Когда проезжали мимо бахчи, попали в засаду. Первые пули разбили ветровое стекло автомобиля. Одна пуля попала в колено капитану. Осколок стекла угодил в лоб водителю, потекла кровь на глаза, и он от испуга на ходу выпрыгнул из машины. Пенягин упал руками на тормоз и сцепление и заорал что было сил: «Назад в машину»! Этот крик подбросил водителя с дороги, машина ещё не остановилась, а он уже запрыгнул на своё место и нажал на газ.

В это время в кузове под тентом бойцы вели свой бой. Пулемётчик сквозь брезент на звук выстрелов выпустил длинную очередь. Повезло, что в кого-то попал, и это вызвало замешательство у басмачей в самый опасный момент. Входящую машину они выстрелили из гранатомета. К счастью, граната попала в деревянную часть кузова, струя рассеялась, обожгла и ударила ниже спины бойцу, который отстреливался, высунувшись из-под тента над кабиной в передней части кузова. (А почему «к счастью»? Потому что попадающая в железную деталь граната образует струю из расплавленного металла и твердых частиц, которые убивают. А так – только синяк и ожог.)

Пенягин закончил рассказ со своей обычной улыбкой на добром лице:

– Вот теперь в туалет ходить неудобно, а в гору по тропе – так даже меньше устаё

2015 г.

Лопата

Такую кличку ему дали бойцы ДШМГ. На самом деле он майор Шевчук, начальник штаба десантно-штурмовой маневренной группы Московского погранотряда. А ещё там был опытный сержант, из Москвы, высокий крепкий парень, фамилию уже и не помню, но звали его Гена, ну и кличка, конечно, «Крокодил». Вот, после того боя он собрал бойцов, и они постановили: кличку «Лопата» больше не использовать. А почему, собственно, «Лопата»?

Всегда заставлял бойцов окапываться, а на Памире это проблематично.

Однажды нашли место, где можно окопаться на краю обрыва, под которым была осыпь из мелких камней, и далеко внизу шумела горная река. Но этот участок оказался древним заброшенным кладбищем. Один, как бы сейчас сказали, «продвинутый» солдат, из городских, собрал добытые при раскопках желтые черепа и сложил на краю обрыва в большую пирамиду.

– Что это за безобразие? – спросил Шевчук у бойца.

– Это «Апофеоз войны». Художник Верещагин.

– Вот ты у меня получишь на орехи, вместе с Верещагиным. Местных не наблюдаете?

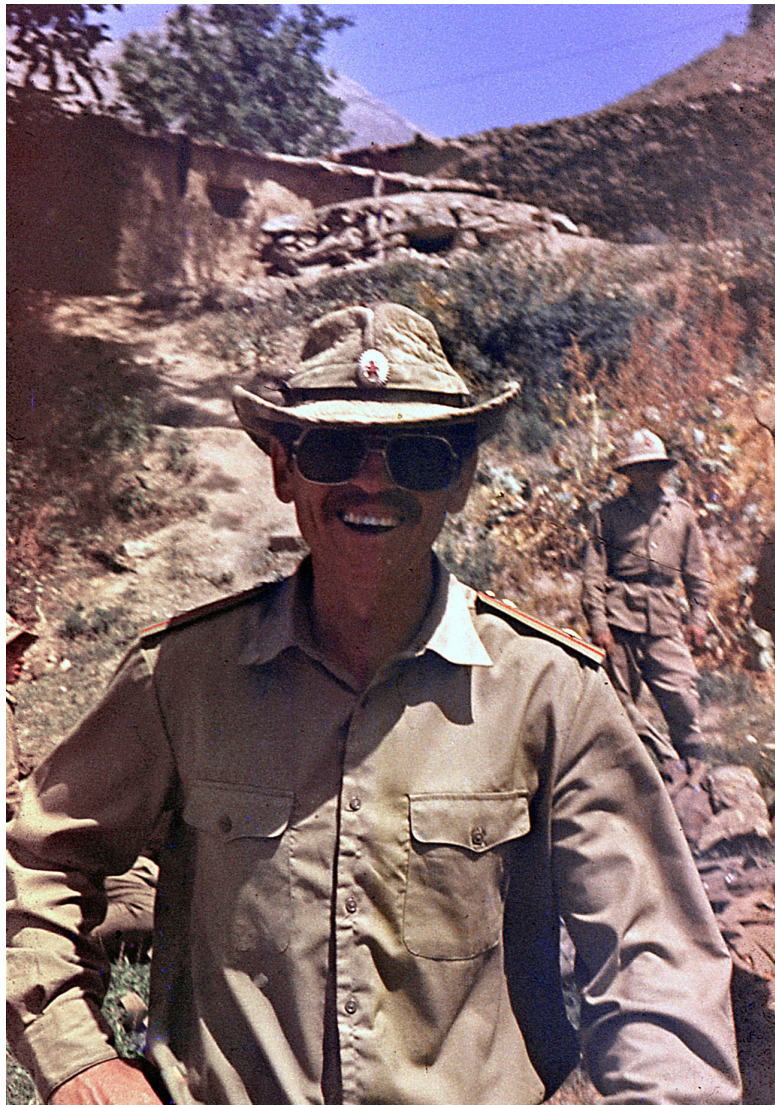
– Нет.

Шевчук подошёл к страшной пирамиде и начал сапогами

сталкивать черепа с обрыва. Черепа прыгали по осыпи с сухим стуком, как пластмассовые шары, и их уносила река. Это не было страшно. Вот только потом, после Афгана, это снилось уже в качестве кошмара.

А тот бой был на год раньше. ДШМГ высадили на вертолётах в местность не такую, как у нас на Памире, а с более пологими горами. Надо было ловить банду «Инженера Башира», который получил из Пакистана ракеты класса «земля-земля» для обстрела советской территории.

Ошиблись с местом высадки на несколько километров. И это стало известно бойцам. Дело уже шло к вечеру, и было принято решение перебазироваться утром в точку, обозначенную на штабных картах. Шевчук

поставил задачу окапываться. Бойцы возмутились: завтра уходить, а тут приказ рыть окопы. Они начали ворчать и лениво ковыряться лопатами, – можно и без окопов залезть в спальники. Шевчук рассердился и, проходя по

позициям, чуть ли не пинками подгонял «войско». К ночи добился своего: все вырыли окопы.

Собрались отдыхать.

В этот день у фельдшера группы был день рождения. Солдаты решили отметить его салютом. Ровно в 12 ночи, сделать вид, что кому-то что-то показалось, и открыть стрельбу. Сигнал к стрельбе – граната, брошенная фельдшером. Настала полночь. Фельдшер вытащил чеку из гранаты и выглянул из окопа. Но бросать гранату было нельзя, к ним двигалось большое вооруженное подразделение. Все решили, что это «сарбозы», афганские солдаты, которые тоже участвовали в операции. Фельдшер всегда оказывал им медицинскую помощь.

–Сарбозы, раненые аст (есть)?– крикнул он.

– Шурави сарбоз, сдавайсь, – услышал в ответ, и гром выстрелов.

– Ну, нет раненых, так будут, – сказал фельдшер и бросил свою гранату.

Многие бандиты были под воздействием наркотиков и пошли прямо через боевые порядки застав. Некоторые из них падали перед окопами, но многим удавалось прорваться в

темноту.

Бойцы Селищев и Фёдоров сидели в своём окопе, когда началась стрельба. Сначала подумали, что это «праздничный салют» в честь фельдшера.

– Посмотри, что там происходит, – попросил Фёдоров. Селищев встал и выглянул через бруствер.

– Ну что там? Почему молчишь? И голову опустил. Тебе плохо? – Фёдоров сам встал и повернул к себе Селищева. И увидел пулевое отверстие на лбу у товарища и остекленевшие глаза. В это время над бруствером окопа появились три басмача, которые стреляли на ходу. Фёдоров в оцепенении закрылся телом Селищева, но сразу опомнился, оттолкнул мёртвого друга, закричал и длинной очередью скосил бандитов. Более двадцати моджахедов остались лежать перед нашими позициями. Остальные ушли в темноту, в сторону гор. После этого боя Фёдоров стал терять сознание, если офицеры повышали на него голос. Все это знали и старались общаться с ним спокойно.

Старший лейтенант Мартьянов стрелял из своего окопа, когда граната взорвалась рядом, за бруствером. Он потерял сознание, а пришёл в себя через 15 минут. Собирался в отпуск, поэтому отказался от госпитализации. Через несколько месяцев я его встретил в вертолёте. Он держался за голову, а глаза были красного цвета. После стрельбы контузия дала о себе знать. Подлечили, отправили служить в Хорог, на Памир. Там тоже ему не очень повезло. Басмачи начали

обстреливать дорогу на советской территории. Мартьянов во главе группы на БТРах выехал к месту обстрела. Дорога была памирская, вдоль реки Пяндж. Спешили, задели за скалу, и БТР упал с крутого склона в реку. Мартьянов остался жив. После госпиталя его отправили служить в Прибалтику. Где он сейчас? Никто не знает.

Столько было интересных людей, всех и не вспомнишь. Вот разведчик Юрий Шутов, майор Шутов.

– Я здесь не ем рыбу.

– Здесь, «за речкой», выбирать не приходится, – говорю ему, – всё лучше, чем консервы.

– Нет, рыбу не ем.

– Религия не позволяет?

– Нет, воспоминания. Река прибила к берегу труп неизвестного афганца. Мы вместе с представителями местной власти стали его вытаскивать. У него была проломленная голова, видны мозги. Когда его оторвали от воды, большая рыба выпрыгивала вслед за ним и продолжала есть мозги. Как в фильме ужасов. Не ем рыбу.

– Главное, чтобы она нас никогда не ела, – заметил Шевчук. Бывшая «Лопата». Сколько он спас людей, заставив окопаться бойцов перед тем боем? Да, надо знать, что лопата спасает бойцов. Конечно, и умелый санитарный инструктор, и вертолётчики, и опытные умные командиры спасают. И ангел-хранитель. Но и лопата – тоже. Кого не спасёт – того в последний путь проводит. Сентябрь 2016 г.

Вертолётчик Саня Петренко

Я не помню, как мы с ним познакомились. Может, в офицерской «приезжке» – комнате для приезжих офицеров в Калай-Хумбе, а может, в вертолёте при частых моих перелётах по заставам ММГ и ДШМГ (мото-маневренных групп и десантно-штурмовых маневренных групп), разбросанных по ущельям Афганистана для прикрытия дальних подходов к нашей границе.

У Сани была открытая приветливая улыбка и тёмно-карие глаза на молодом лице.

Вертолётчики в Афгане – это уважаемые люди. Особенно, которые летали на МИ-8. Это был незаменимый вертолёт. Тем более что на нашем горном участке, где дорог не было, только караванные тропы. Он и грузовик: привозил дрова, и еду, и боеприпасы. Это и военная техника: мог нанести ракетно-бомбовый удар, поддержать с воздуха, и, может, самое важное, – это и скорая помощь, чтобы спасти раненых. Это и наш «Чёрный тюльпан» – забирал «двухсотых». В горных условиях вертолётчики летали мастерски. Часто садились, зависая над скалами, цепляясь только одним колесом за камни. На нашем участке запомнились такие фамилии: Кашин, Быков, Помыткин, Имангазиев, Райков. Цыплёнков с Восточного округа. Да много их было, настоящих героев. Иногда их внешность была обманчива.

Вот Быков, невысокого роста, с простым славянским лицом, говорит офицерам: «У вас тут шиповник растет, насобирайте, буду пить отвар, врачи рекомендуют». А в небе он «отважный сокол». Когда в горах наши попали в засаду, ещё продолжался бой, были убитые и много раненых, он будничным таким голосом сказал в эфире: «Не поминайте лихом, иду на посадку за ранеными». И забрал их, хоть и получил пробоины в корпусе вертолѐта от пуль и осколков гранат.

Так, я хотел рассказать о Сане Петренко.

Был туман в горах. Может, это просто низкие облака, высота над уровнем моря – 2000 метров. Какое там было море поближе? Индийский океан? Туман, вертолѐты не летают.

Сижу на «точке» Пашар, которая разместилась на гребне скалы возле одноименного кишлака. Уже две недели не могу улететь, а надо попасть на высоту 3600, «Чашм-Дара». Уже и продукты заканчиваются, а вертолѐтов нет. Ночью выпало много снега. А утром раздался гул моторов пары МИ-8. Прозвучала обычная команда: «Борты! Объект к бою, разгруз-погруз команда на площадку!»

Прилетел Саня. Я схватил свой рюкзак и автомат и попросил его высадить меня на

«Чашм-Даре» Он согласился – будут пролетать мимо. На «Чашм-Даре» попытались

сесть, но вертолётная площадка была не почищена, лежал глубокий лёгкий снег, который сразу взлетал вверх, и вертолёт тонул в снежных потоках. Саша повернулся ко мне.

– Сесть не можем, летим в Союз, в город Пяндж.

– А назад?

– Назад – не знаю, когда.

– Так положите меня на место, где взяли.

– Топлива мало, если сделать ещё одну посадку, может до Пянджа не хватить. Но есть вариант, если прыгнешь на Пашаре на ходу в сугроб метров с четырёх.

– Хорошо, прыгну.

Я снял с себя рюкзак и автомат. Рюкзак тяжёлый: вещи, боеприпасы, а автомат – стальной. Думаю, в полёте они меня обгонят и упадут первыми. Поэтому выдерну их из вертолёта во время прыжка. Я ошибся, они летели за мной и попали по спине в момент приземления.

Вертолёт нырнул в ущелье и скрылся за скалой. И тишина. Только кто-то из бойцов тихо хихикал на посту.

Следующий раз была весна, и мы с Саней летели на «Шхаро», где в то время басмачи стреляли по каждому вертолёту. Пошли на снижение, Саша поворачивается и с хитрым лицом говорит:

– Стреляют, может, опять прыгнешь, чтобы не садиться?

– Без снега, надо пониже пролететь.

– Ну давай, пора.

На этот раз я рюкзак надел на спину, а автомат взял в руки.

И открыл дверь.

– Стой, стой! – закричал Саша. – Я пошутил. Высота ещё 200 метров, я подсяду за скалу.

– Хорошие шутки, а если бы я не посмотрел и прыгнул?

И ещё запомнился эпизод. Многое забылось, особенно фамилии, названия рек и кишлаков. А вот это запомнилось. Новый 1986 год. Объект «Калай-Куф». Переводится как «Крепость на реке Куф». Говорят, была крепость, но камни растащили на строительство домов в кишлаке. 30 декабря, идёт мокрый снег. Надежды на вертолёт нет никакой. А у меня есть разрешение съездить на Новый год к жене и четырёхлетней дочке в город Хорог.

Пошли мы со старшим лейтенантом Гурьевым за ёлкой-арчей.

Арча – это такой можжевельник, похожий на ель. Сказал об арче, отвлекусь и про Гурьева. Боевой офицер, участвовал в операциях, не боялся ходить в головном дозоре. Перед заменой его хотели и наградить. Но у него в подразделении трое бойцов-разгильдяев выменяли на мыло у афганцев наркотик: опиум-сырец («чарс» они его называли) и накурились до невменяемости. Разгильдяев-наркоманов отправили в Союз с «лишением льгот», которые потом всем таким восстановили. Гурьев уехал по замене из Афганистана без наград, но с выговором в личном деле. Поэтому награды там – дело случая. Могли наградить, когда надо было наказывать, и наоборот. Главными наградами были жизнь и здоровье. Когда я только приехал на два года в те края, там провожали одного офицера в Союз. Он уже прослужил в Афгане два года, лицо было чёрное от загара, худое и с

усами (фильтры от пыли, как говорили). Такими там все становились. Он посмотрел на меня, ещё бледнолицего.

– Ты, наверно, хочешь здесь получить награды и звания?

– Нет, я не об этом мечтаю.

– А о чём?

– Хотел бы за два года не быть убитым, раненым, контуженым и не заболеть желтухой.

– Ты слишком много хочешь! – и они все стали смеяться.

И вот с Гурьевым мы выбрали ёлку-арчу. (фото автора)

Подняли нижние ветки, чтобы срубить, а там прикреплена противопехотная мина, и оттяжка спуталась под снегом. За пять лет войны уже было много таких потерянных мин. Мы решили её не трогать, срубили другое дерево, а к этому потом послали сапёра.

Бойцы стали наряжать «ёлку». Связисты разобрали конденсаторы, достали алюминиевую фольгу, сделали из неё украшения, начистили до блеска гильзы разного калибра, колпачки от мин. А мне так хотелось домой! Но продолжал идти сильный мокрый снег. Вдруг связист сообщает, что вышел на связь вертолёт, он у входа в ущелье, не может залететь по погодным условиям. И это оказался Саша Петренко.

Я поздоровался с ним и попросил.

– Забери меня, Саня, домой на Новый год, если сможешь.

Пауза.

– Ты очень хочешь домой на праздник?

– Ну как тебе сказать. Не рискуй, конечно.

– Будь готов, сейчас прилечу.

А снег продолжал идти, гор не видно. Сквозь снег послышался звук мотора, и из снежной мглы появился вертолёт. Подсел, выгрузили посылки и письма бойцам, забрал меня и взлетел в снежную круговерть. В кабине было прохладно, а по Саниному лицу от напряжения тёк пот. Он шёл по ущелью буквально на ощупь.

Я успел к Новому году. Какой был замечательный праздник! Ёлка,

молодая веселая жена Лена, и подарки от Деда Мороза дочке, и торт со взбитыми сливками, ещё теплый, и шампанское. А если посмотреть с улицы – то окно запотевшее на кухне, – значит, уют и готовят что-то вкусное, и разноцветные огоньки в комнате, где ёлка. Спасибо Саше.

После Афганистана, в 1990 году, я был у него в гостях в Петропавловске-Камчатском. Он остался таким же приветливым, улыбочивым человеком, без всякого «послевоенного синдрома». Потом нас всех судьба разбросала по разным городам, а политики нас поделили и по разным странам.

2015 г.

Смелым быть просто

После этого боя в горах замполита Г-ва перевели из Афганистана в Союз, подальше от своих сослуживцев. Знали, что его не простят. Ещё утром его предупредил по радиостанции разведчик Долгов, что басмачи в эту ночь готовили свою засаду на тропе, ниже нашей заставы. А он это скрыл от других офицеров. Поставил жизни подчинённых под угрозу. Хотел сам стать «великим полководцем» и победителем, внезапно зайдя в тыл к противнику на помощь головному дозору. Тут и почёт, и награды. Да вот заблудился в темноте среди крутых скал и, когда начался бой, не смог спуститься к реке.

Был тихий вечер, какие бывают на Памире ранней весной, когда пахнет талым снегом, мокрым брезентом и оружейным маслом. Маслом всегда пахнет – автомат всегда при тебе.

Капитан Гена Цеханович вместе с прапорщиком Костей Ямщиковым готовились к выходу в ущелье, где возле речки планировали организовать засаду на басмачей. Они вместе с двумя тройками бойцов будут идти первыми – в «головном дозоре». Все надели белые маскировочные халаты. Волнение, сборы, побольше боеприпасов, гранат.

Вот они уже идут по тропе вниз, вдоль ручья. Впереди три солдата, затем Гена с Костей. Гена высокий, худой, когда улыбается – лицо становится задорным, как у мальчишки. Костя – с очень короткой прической. Отчаянный воин, всегда готов побеждать. В Союзе очень часто дрался и попадал в милицию. Его в Афганистане несколько раз представляли

к боевым наградам, но как съездит в отпуск, так за ним приходит сообщение из милиции, и награду отменяют. Он это объяснял своей отзывчивостью. Вот опять приехал из отпуска с синяком на спине, по форме – чёткий отпечаток обуви с рифлёной подошвой.

– Да, – говорит, – вижу, бьют втроём одного, я сразу и вмешался.

Простой парень из Поволжья. Жалко, что его потом серьёзно контузило бандитской гранатой. Я видел в санчасти деревянный подоконник возле его кровати, весь погрызенный, как бобром. Это у него так болела голова, что он хотел отвлечь боль на свои зубы.

Он учил, как просто быть смелым на войне.

– Смерть и ты – это несовместимые понятия. Пока есть ты, нет смерти, а когда есть смерть – тебя уже нет.

– А если у меня ещё жена и дочка?

– Да, конечно, им ты можешь капитально подгадать своей смертью. Как и я родителям.

А Гена из Белоруссии. Кто-то его спросил, чтобы он делал, если бы басмачи были у него на родине.

– Я бы не сидел сейчас здесь, в землянке, а гонял бы их по лесам и болотам.

Вот они спустились ниже, к ущелью, где снег уже растаял. Гена дал команду снять маскхалаты. Ещё несколько минут ходьбы, и показался из темноты дувал одиноко стоящего дома. И тут началось. Два пулемета, десятки автоматов и вин-

товок «бур» открыли огонь по головному дозору. Первые три бойца успели ответить автоматным огнем, бросить гранаты в противника и залечь среди камней. Но прятаться возле ручья было негде. Басмачи стреляли, кидали гранаты, скатывали сверху огромные камни и орали: «Шурави сарбоз, сдавайсь!» (Откуда только слово такое узнали, лингвисты хреновы!)

Цеханович упал среди камней, стал лихорадочно соображать, какое найти правильное решение. В это время пуля попала в камень возле лица. Прятаться было негде, и он инстинктивно повернул лицо в другую сторону. Но и там пуля высекла искры из камня.

– Костя, надо отходить, нас здесь перестреляют.

– Теперь нельзя уходить, в первой тройке бойцов есть раненые.

– Но на месте оставаться нельзя – слишком большая плотность огня.

– Свяжемся с базой, попросим помощи.

– Пуля попала в радиостанцию.

– А где наш пулеметчик? – спросил Гена у связиста.

– По закону подлости у него заклинило пулемёт, камушек попал или осколок.

В наступавшие паузы в стрельбе было слышно, как кричал рядовой Головченко из первой тройки. Лучше бы он матом ругался. Ему гранатой или очередью из пулемёта оторвало руку, и над ущельем слышался его жуткий крик: «Мама, ма-

мочка! Неужели я умираю?»

И опять: «Мама, мамочка!» И очереди из пулемёта на звук его голоса.

–Ну раз нельзя оставаться на месте и отступить нельзя, один выход – пойдём наступать, прикроем раненых, – предложил Константин.

–Да, только уничтожим вот этого, что высовывается из-за камня, в пятнадцати метрах от нас, стреляет и прячется.

Дождались, когда он высунется, и уничтожили его из двух автоматов. Потом пошли в атаку: один прикрывает огнём, другой делает перебежку. Константин чуть выше, а Гена на нижней тропе. К Косте под ноги скатилась граната, и он прыгнул вниз, попал на спину капитана. Гена закричал и начал с ним бороться, думал, что пытаются живьём взять. Рядом взорвалась очередная граната, но осколками не задело.

Подполз фельдшер Трохимчук.

–Товарищ капитан, я поползу к Головченко, окажу помощь.

–Подожди, пробьёмся, там двумя пулемётами с флангов басмачи не дадут тебе прохода.

–Он ждёт помощи, я фельдшер, я обязан, – и пополз вперёд. Его все начали прикрывать огнём, он даже дополз до раненого, но когда развернул в темноте белые бинты, их стало хорошо видно, и пуля вошла ему в грудь.

В это время граната попала рядовому Перцову в капюшон зимней куртки. Он слышал, как там шипит горящий запал.

Его рука изогнулась невероятным образом, схватила гранату и выбросила в камни, где и произошёл взрыв.

Басмачи начали уходить, услышали, как с соседнего объекта бежала большая группа бойцов выручать своих. Они пускали ракеты и стреляли перед собой, чтобы не попасть в засаду.

К этому времени Головченко умер, а Трохимчук был ещё жив и спокойно сказал, что рана у него слишком серьезная, можно не тратить на него бинт.

Через год один из басмачей перешёл на сторону власти и рассказал нам, что их было тогда восемьдесят человек, и удивился, что в такого высокого капитана не попали. Гена улыбнулся:

– Неудобно было стрелять: я, когда лежал, сгибался буквой «Г». А в букву «Г» не знаешь, как целиться, вдоль или поперёк.

Потом Гена был в отпуске. Вернулся в Афганистан, рассказал, как первый раз в жизни потерял над собой контроль. Заехал в Москву, где на улице Парковой был «чековый магазин» – там продавали иностранные товары за чеки «внешнеторга», и там можно было купить подарки друзьям и родным. Походил по магазину, посмотрел, как упитанные и бледнолицые сотрудники посольств тратят огромные деньги, а худые и загорелые воины-интернационалисты пытаются что-то купить на свои небольшие сбережения. Выходит он на улицу, и к нему подкатывается модный парень: «Командир, продай

чеки».

–И тут,– говорит Гена, – так стыдно, я его схватил, повалил на землю, начал трясти. «Там люди воюют, а ты здесь чеки сшибаешь, гад!» Потом опомнился, отпустил его, извинился, тот ему в ответ: «Ну не хочешь продавать, так не продавай». И убежал.

–Гена, так у тебя послевоенный синдром! –говорю я ему.

–Какой послевоенный, война ещё не кончилась.

–А больше ты ничего странного за собой не заметил? Ну, может, сны повторяющиеся?

–Нет. Но знаешь, смотрел фильм про Отечественную войну, там люди гибли, а у меня слеза навернулась, как у старушки.

–Ну вот видишь, приедет доктор, на следующий отпуск пропишет валерьянку.

–Лучше сто грамм коньяка.

–Можно и двести, чтобы вернуться в мирную жизнь.

2015 г.

Где-то в ущелье Дарваз

Вечером подул ветерок, и москиты перестали кусаться. Хуже москитов только земляные блохи, которые залезают под одеяло и не дают спать. Можно поспорить, конечно, кто из кусающихся в Афганистане был хуже всех. Но москиты – маленькие, светлые, в отличие от комара, подлетают без звука, кусают – не чувствуешь, но потом чешешься до крови.

Но и блохи – тоже сволочи кусачие и бесшумные. Один лейтенант-«двухгодичник» (были такие, призванные в армию после института), на постоянном посту, прикрывающем заграничную заставу с господствующей высоты, изобрел эгоистичный способ защиты от блох. Он вечером раздевался, залезал на стол и давал команду «отбой» солдатам. Бойцы ложились в спальники. Он ждал на столе, когда блохи разойдутся по вкусным отдыхающим солдатам, затем сам, как блоха, прыгал в свой спальник и быстро застёгивался. Говорил, что помогало.

Был вечер, мы сидели в такой вот беседке: вокруг снаряженные ящики с землёй – защита от пуль и осколков, скамейки – из снаряженных ящиков, стол – из снаряженных ящиков, игра на столе «шиш-беш» – из снаряженного ящика, сверху натянута маскировочная сеть – из снаряженных ящиков? Нет, обычная сеть.

Офицеры были собраны с разных районов Афганистана

для усиления на период проведения крупной боевой операции. Это называлось «сводная десантно-штурмовая группа», или «сбродная», как иногда сами её называли.

Разговор начался, как в детских стихах: «А у меня в кармане гвоздь, а у вас»? Откуда гвоздь в кармане у офицера в Афганистане? Не было гвоздя.

Кто-то позавидовал, что у нас на высокогорном участке много вкусной воды. А у них в пустыне – красноватая вода, из-за которой в первую неделю службы все страдают от поноса, потом организм привыкает. К чему он только не привыкает! Зато никакие проверяющие начальники никогда не приезжают. Кому хочется обдристаться?

– А к нам сюда в горы тоже никто не приезжает. Стреляют, и дуканов нет, чтоб что-то купить, – сказал майор

– Обдристаться – это совсем не страшно, – поддержал «культурный светский» разговор капитан и рассказал о том, как у них офицер от страха потерял дар речи. Во время боестолкновения выскочил из-за угла дома и стрельнул в басмача, но автомат только щёлкнул – патроны кончились. Басмач усмехнулся и поднял свой автомат, но кто-то из наших бойцов срезал его из-за дувала. А офицера увезли в госпиталь восстанавливать речь. Восстановили. Молодые санитарки быстро восстановили. Они любят разговорчивых.

– Давайте о чем-нибудь повеселее, – помрачнел майор. – Я вам расскажу весёлую историю.

Это случилось на пограничной заставе в Туркмении. Пограничный наряд – два солдата и сержант с собакой – шли по границе. Ночь, жара, вечное недосыпание. Осталось до стыка с соседней заставой совсем немного. Сержант решил отдохнуть.

– Вы идёте до стыка, докладываете оттуда на заставу, а я посплю немного здесь. Собака будет меня охранять.

Так и сделали. Двое бойцов ушли, а сержант отпустил с поводка собаку и лёг на траву под куст. Минут через двадцать он проснулся и через прищуренные глаза увидел сидящую рядом собаку. Собака обычно убегала, когда он пытался брать её на поводок. Сержант решил схитрить: длинный

брезентовый поводок был в руке, и его легко можно было набросить на собаку. Собака оказалась неестественно сильной и резвой. Потасила нарушителя пограничной службы по траве и камням. Он присмотрелся уже широко открытыми от ужаса глазами и увидел, что поймал гиену. Пришлось быстро отпустить один конец поводка. Тут и смущенная собака вернулась к сержанту. Почему не гавкала? Не ответила.

– Так в Туркмении нет гиен, – усомнился кто-то из офицеров.

– Есть, достаточно.

– Гиены – это маленькие такие собаки?

– Нет, это шакалы, а гиены – большие.

– А у нас на заставе тоже был смешной случай, – сказал капитан. – Я разрешил наряду досмотреть кино. Привезли фильм: «Миллион лет до нашей эры». Там про всякую нечисть, которая обитала на земле миллион лет назад. Только вышли в дозор – сразу бегут назад и орут: «Динозавры на границе»! Рассказывают, что на контрольно-следовой полосе обнаружили огромные следы, посветили фонарем и в темноте увидели мохнатое чудовище со светящимися глазами. Сажусь на машину, едем на границу. В свете фар вижу двух верблюдов. Пришли из Афганистана, первый раз на этом участке границы. А следы у них действительно огромные.

Началась стрельба на одном из постов. Майор выглянул наружу.

– Ох уж эти боевики из «сбродного» ДШ! Лупят трассирующими пулями. Себя обозначают и пшеницу в поле возле кишлака могут поджечь. Передайте им, что ещё один бесцельный выстрел – весь объект будет сидеть в окопах до рассвета.

Наступила тишина.

– Завтра постреляют. Завтра уйдём в горы вытеснять басмачей за перевал.

2016 г.

Дезинформация

– Какая это дезинформация? – Кричал на меня полковник. Его лицо покраснело, вытянулось. «Дыня созрела», – подумал я, глядя на его голову. Его не любили в контрразведке за природную глупость, странным образом сочетающуюся с мелкой хитростью. Голова у него была удлинённая в горизонтальном направлении, как среднеазиатская дыня. Меня просили его ближайšie подчинённые привезти из Афганистана кепку шестьдесят третьего размера от нововведенной формы «афганки». Хотели, чтобы на его «дыню» налезла. С трудом нашли на складе.

– Это дезинформация? – распаялся он.

– Ну назовите по-другому, – пытался оправдываться я.

– Дерьмо это, а не дезинформация! Дезинформация должна быть заранее подана нам на утверждение, согласована в Москве с Генеральным штабом, оформлены все письменные документы. И тогда мы были бы все награждены! А мы бы и вас не забыли! А так – одна самодеятельность и безобразие!

Зачем я ему сказал об этом при докладе по оперативной обстановке? Лучше бы молчал. Я и так многое не докладывал, зная, как могут испортить дело или судьбу людей неадекватной реакцией вот такие дынеголовые большие начальники.

Все началось ещё поздней осенью. Высаживаюсь с вер-

толёта в ущелье реки Куфаб, где стоял маленький гарнизон. Вместе с прикомандированными миномётчиками всего семьдесят человек. Встречаюсь со своим товарищем из разведки, Юрой Шутовым.

– С первым горным снегом вас! Как обстановка в горах?

– Да, имеются нехорошие сведения. Хотят наш объект уничтожить, захватить склад с оружием. Отчитаются в Пакистане о своей боевой активности и получают за это очередную порцию денег. Знают, что мы не проводим операций в горах в зимнее время. Наглеют, по ночам строят огневые позиции для ДШК вокруг объекта. Днём мы их разрушаем из СПГ (гранатомёт), а ночью они опять восстанавливают. Начать наступление хотят уничтожением вертолёта при посадке.

– Ты докладывал командованию? – спросил я.

– Да, но они считают, что это дежурная информация, ничего необычного. Да и снег уже идёт.

– Что будем делать, тёзка? Может, напугаем какой-нибудь дезой? Кого они боятся?

– Среди них ходили страшные слухи о жестоком афганском спецназе из Кабула.

– Заставим их поверить, что в строгой тайне готовится зимняя операция с использованием этого спецназа.

– Да, я попрошу местного ХАДовца (ХАД это служба безопасности), не очень надёжного сотрудника, тайно подготовить места в школе для ночевки 500 человек спецназа из Ка-

була, – предложил Юра.

– А я буду встречаться со своим помощником из числа афганцев, у которого брат в банде, и объясню его задачи в период операции. Не выдержит, предупредит брата. Чтобы у басмачей была объёмная информация из разных источников, ещё должен «проговориться» в беседе со старостой кишлака переводчик-таджик на другом объекте, в верхней части ущелья.

И опросы местных жителей активизируем с главной темой: где будут зимовать «моджахеды».

После разговора пошёл на наш пост, возвышающийся над кишлаком, поставил на крышу землянки две большие блестящие банки. Это означало, что с наступлением темноты встречаемся с афганцем с позывным «Южный» в условном месте.

– Зачем вы устанавливаете эти банки, товарищ капитан? – интересуются бойцы на посту.

– Вы, главное, не убирайте, – посмеялся я. – Вот пойду на верхний пост и буду их сбивать из снайперской винтовки.

– Ну вы нас хоть предупредите по телефону, мы спрячемся.

– Обязательно предупрежу.

Встреча, как и планировалось, состоялась в полной темноте, какая обычно бывает в горных кишлаках.

Выполнили с Юрой все, что намечали, и стали ждать, что получится.

Через две недели разведчик встречает меня словами из мультика.

– Ура, заработало! Бандиты не только отменили нападение большими силами на объект, а ушли в соседнее ущелье на зимовку. Но там «кормится» местная бандгруппа, которая не желает делиться продуктами с пришельцами. Между бандами возник конфликт, и они уже неделю воюют между собой. А у нас тишина настала. Неожиданный результат! Достойный наград!

Да и мы сами тоже красавцы, когда живые! Это главное.

– Конечно, но всё-таки приятно, что мы что-то умеем в оперативной работе!

– За это и выпьем! Я тут привез из Союза разрешённые литры и даже колбаску копчёную. Вот это награда! Зови офицеров на ужин.

И чёрт меня дернул доложить это дынеголовому! Хорошо хоть выговор не объявил. А вот мой непосредственный начальник наградил денежной премией в размере тридцати рублей. Немножко смешно, но тоже приятно.

2016 г.

Ветеран «чужой» войны

Серёга Наконечный. Один из людей, к которым применимы только положительные характеристики. Бывает такое. Скажете, хорошо умеет скрывать свои недостатки? Так это тоже плюс. Говорят, когда-то был очень жадный человек, который скрывал всю жизнь этот свой недостаток. Такой оказался щедрый человек.

Я помню Сергея во время службы в Афганистане. Ещё совсем молодой солдат, он был фельдшером в комендатуре. Оказывал помощь больным и раненым.

Иногда его посылали по навесному мостику через реку Пяндж с автоматом и медицинской сумкой в афганский кишлак, лечить наших сторонников. Другой бы настоял, чтобы любой выход или вылет в ДРА был зафиксирован для последующих льгот, но Сергей – он скромный, работающий. Физически очень сильный человек. И как часто бывает с такими крепышами – бог ему даёт доброту.

В лихие девяностые годы мы создавали в бандитской Одессе коммерческую службу безопасности для защиты бизнеса. Вспомнили всех знакомых афганцев, пригласили Сергея. Он тогда работал фельдшером на скорой помощи.

Ни разу не пожалели, что взяли его к себе. Во время сопровождения и охраны грузов он всегда был старшим группы. Сам работал и всей группе скучать не давал. Всегда чем-

пион по физической подготовке. Его все любили и уважали. Очень справедливый, сдержанный, – я мечтал назначить его руководителем безопасности на одном из предприятий.

Жил Сергей за городом, в частном секторе. Двое детей, воспитанные, умные, спортивные. И хозяйство: с огородом, с погребом, всё в цветах, ухоженно, уютно. За что он ни берётся, все у него хорошо получается.

Ну что сказать? Я старый чекист, недостатки людей вижу сразу. Но это не тот случай. Разве что считать недостатками скромность да отсутствие стремления урвать себе побольше любым способом? Но я не настолько современен, чтобы считать наглость достоинством.

Случилось с Серёжей несчастье: во время сбора грецких орехов сломалась большая ветка, и он упал с высокого дерева и серьезно травмировался.

После выхода из больницы работать не смог. По медицинским показаниям он должен был получить инвалидность. Пришёл в соответствующую организацию в городе Овидиополь. Там сидит надменный толстый чиновник.

– А что ты сделал для государства Украина, чтобы получить инвалидность? – спрашивает жирный на смеси украинского и русского языка.

– Я платил налоги всю жизнь, работал, – стараясь сохранять спокойствие, ответил Сергей.

– Вот если бы ты воевал, тогда другое дело, – забубнил чинуша.

– Я воевал, – скромно ответил Серёга.

– Ты воевал в АТО?– удивился толстый.

– Нет, в Афганистане.

– Да то была имперская война, а не украинская. Она не считается.

Так хотелось дать ему по морде. Природная сдержанность помогла. Только очень расстроился Серёжа. Как же мы их допустили к власти? И уйдут они не завтра.

И я не знаю, как это случилось. Пока мы зарабатывали на хлеб насущный и не занимались политикой, они проползли, как гады. Такая вот сказка, где зло побеждает добро. Конечно, ещё не конец сказки, да вот жизнь быстро проносится. Быстрее сказки.

2016 г.

Ангел-Хранитель

У моего Ангела-Хранителя круглое лицо, весёлые глаза, румянец на щеках виден сквозь сильный загар. За облаками и в горах много солнца. Он добрый, с юмором и улыбкой. Скорее полный, чем худенький.

Не знаю, как его зовут. Он меня сопровождал с детства, когда я серьёзно заболел – он стоял среди консилиума врачей районной больницы. Они были почти все участниками войны, той самой, Отечественной. На них она наложила отпечаток ответственности и решительности. Только сейчас понимаю, как нам повезло, что нас окружали такие люди! Ну и мой ангел тоже им помогал. Только мы этого ещё не знали.

Явился он мне значительно позже. Я тащился по аэродрому возле кишлака Калай-Хумб со своим рюкзаком и автоматом, в разгрузке с магазинами и в горных ботинках с «триконьями», стальными зубцами на подошве. И он мне явился. Помахал рукой из вертолёта.

– Привет! У тебя билет до какого аэропорта? Ты вообще купил билет или зайцем полетишь? – пошутил Ангел.

Мы там со всеми были на «ты». И с Ангелом тоже.

– Зайцы летают очень плохо и только вниз. А мне вверх, на самую высокую точку, на Чашм-Дару, где снег и лёд. Мне сказали, что борт номер шестнадцать меня отвезет.

– Зачем тебе тот борт, он полный брёвен, будет сначала

разгружаться на Новобаде, а мы идём в паре с ним, сопровождать и прикрывать во время посадки, и выгрузим тебя на Чашм-Даре беспосадочным рейсом.

– Тогда я с вами. Пусть брёвна летают отдельно, люди отдельно.

Ангел знал, что шестнадцатый борт при посадке перевернётся и загорится. И у меня не будет шансов остаться живым среди брёвен.

Я не спросил, как его зовут. Ангелов-Хранителей не надо звать, они сами приходят.

Он был прикомандирован с экипажем из Магадана. На самом деле это не так. Ангелы не живут в Магадане. Они в небе. И в магаданском тоже. А Хранитель прикомандирован ко мне без экипажа. Или у них там взаимопомощь, как в экипаже?

А когда женишься, Ангел-Хранитель помогает или просто смотрит с интересом? Он же точно знает, хорошо ли это кончится для его подопечного. Когда говорят: «Я держу руку на пульсе», это означает: «Я ни фиги не делал и не буду делать, чтобы помочь тебе или повлиять на ситуацию». Мой Ангел держит меня за руку. Очень незаметно. Совсем не на пульсе. Какую свободу выбора он нам даёт? Вот, помню, на первом курсе познакомился с девушкой. Красивая. Говорит, что у неё одна мечта: купить бриллианты.

Тогда ещё не было песни про «лучшие друзья девушек – это бриллианты». Мне это тогда показалось забавным. Мо-

лодым все кажется забавным. Но ведь кто-то влип в эти бриллианты? Ангел меня потащил от неё подальше. И так несколько раз.

Подозреваю, что он вмешивался в мою судьбу. Он парень с юмором. Всё подсказывал: «Ну-ка ответь москвичке, которая мечтает поехать за границу, что поездка будет не за, а на границу». Вот она и растворилась в дали. Так он и подвёл меня к счастливой любви.

А на трассе Киев – Одесса? Он был со мной. На скорости сто тридцать километров в час я заснул. Один был в машине, весна, солнышко пригревало. Ещё и выпил таблетку от головной боли, которую нельзя пить за рулем. Это я потом прочитал. Мне снился хороший сон. Солнечный дом, поле. Ангел не спал. Он начал трясти мое плечо: «Вставай, вставай!»

Я понял, что уже утро, и открыл глаза. Машина ехала с той же скоростью по обочине ровной дороги. Немного осталось до кювета. Сон улетел стремительно вместе с Ангелом.

А я вспотел от страха. Моментально, как тогда, на лошади. Вспомнил поездку на пост Хабарасу на китайской границе. Семь часов верхом. И обратно семь часов. На обратном пути лошадь шла шагом, было тепло, и я задремал. Тропа вилась вдоль ручья, и кони переходили то на один, то на другой берег. Тут моя лошадь решила не перейти, а перепрыгнуть ручей. Ангел-Хранитель не сдержал её, стоял и смеялся, как сонный лейтенант взлетел над лошадьёю, а потом при-

землился мимо седла на луку –железную скобу перед седлом. Смешно, но так больно, что весь мир стал фиолетовым, а гимнастерка потемнела от пота. Конечно, у меня к нему есть претензии, почему не предупредил, почему не остановил, когда я хотел сказать глупость или что-то лишнее. Он оправдается. У него другие функциональные обязанности. Он хранитель, а не суфлёр. Но ведь позвонил в Одессе, предупредил, что сфабриковали «дело» на многих страницах и всё подслушивают, подглядывают, да записывают. Что пора уезжать до лучших времён.

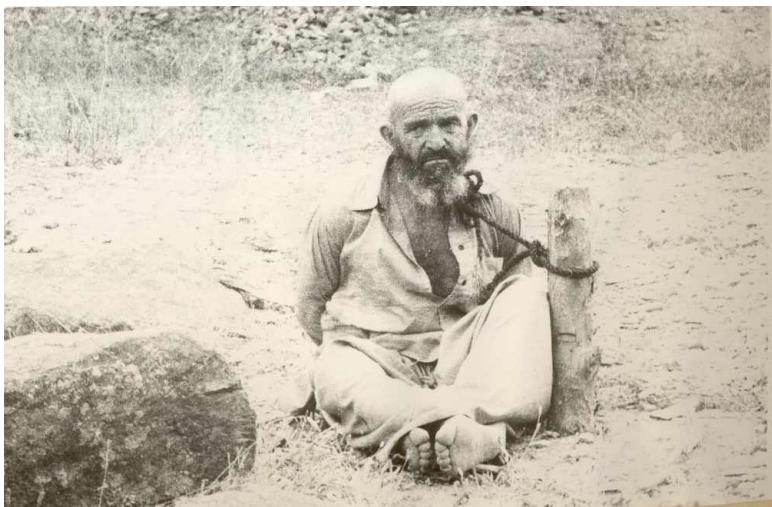
– Не для того тебя хранил, чтобы ты окончил жизнь в подвальном помещении СБУ.

– А для чего? – Не знает. Секрет его Шефа, заказчика охраны. А он исполнитель. Ну и дай бог здоровья Ангелу. И пусть Шеф объявит ему благодарность за хорошую службу с отметкой в личное дело. А я постараюсь поменьше его беспокоить своим поведением. Пусть сложит крылья и отдохнет немного.

2017 год

Его звали Зурон

Рядом шумела чистая горная река Куфаб. Она бежала вниз к реке Пяндж, в сторону Союза. На её берегу сидел пожилой афганец.

Это был Зурон. Связанный по рукам и ногам, привязанный грубой верёвкой к вбитому в землю колу. Афганцы такой верёвкой привязывают свою скотину. Зурона поймали местные жители. Хотя, опасаясь мести басмачей, расскажут своим землякам, что это сделали мы, «шурави».

Новая народная власть построила в кишлаке школу. При-
слали из Файзобада учителей. Школа такая себе, без стекол в
окнах, в зимнее время ученикам объявлялись длинные кани-
кулы. А как потеплеет, по горным тропам к школе шли уче-
ники. Да вот в банде Зурона оказались «настоящие мусуль-
мане» ваххабиты. В Афганистане я впервые услышал про
ваххабитов и сначала решил, что это просто люди избанды
некого Абдул Вахоба, был и такой в этих горах.

Зурон решил, что учителя в школе преподают неправиль-
но, не так, как он своей лысой головой понимает ислам. Бан-
да сделала налёт на школу. Восемь учителей были схваче-
ны, приведены к реке, где Зурон лично перерезал им горло.
А такой благообразный старичок! Я даже убрал часть фото-
графии, на которой видно нас с солдатом – переводчиком,
из советских таджиков, и связанного телохранителя Зурона.
Всякое бывает: кто-нибудь разместит в интернете или СМИ
фотографию с комментариями, что советские чекисты изде-
ваются над стариками.

В семидесятых годах в Высшей школе КГБ занятия по во-
енной подготовке проводил ветеран Отечественной войны,
который участвовал в уничтожении банд ОУН-УПА после
войны. Тема занятия: «Войсковые мероприятия по прочёске
лесной местности». Он нас учил, чтобы мы дисциплиниро-
ванно вели цепь по лесу, намечали «рубежи выравнивания»,
при огневом контакте отправляли на место боя резерв, а вся
цепь оставалась бы на месте. В его практике были случаи,

когда после провокационных выстрелов вся цепь сбивалась, бойцы шли на подмогу, а банда уходила из ловушки. Приходилось всё начинать с начала. На привалах он нам рассказывал, как озверевшие националисты после окончания войны уничтожали партийно-хозяйственный актив и даже врачей и учителей.

– А зачем учителей?

– Так они, по мнению бандитов, могли научить детей интернационализму и коммунистическим идеям. А им нужен национализм и смерть «ворогам».

А кто эти «вороженьки», о которых даже в современном украинском гимне упоминается, что они «сгинут»? Список гибкий. Дежурные враги – жида, москали и поляки. Теперь поляки временно вычеркнуты из списка, жида под вопросом, а москали поделились на «ватников», «колорадов», «сепаратистов». Произошли ещё и мутации: появились «жидобандеровцы» и русскоязычные бандеровцы.

Бандиты убивали учителей. И ваххабиты, и бандеровцы. Идеология отличается, результат одинаковый.

Я потом взялся курсовую работу писать по истории органов ВЧК-КГБ, о тактике действий опергруппы «Ходоки», которая вела борьбу с националистическими бандами. Создавалась группа из числа жителей Карпат, многие из которых воевали в конце войны в рядах Советской армии. Разве была у меня мысль, что бандеровцы воскреснут на Украине и станут «героями»?

Теперь переписывают историю. Вятрович из «Института национальной памяти» и его компания бесстыдно фабрикуют «документы», которые должны свидетельствовать, что учителей, врачей и других мирных жителей уничтожали именно группы НКВД – МГБ, чтобы вызвать недовольство местных жителей. Живых свидетелей тех времён всё меньше. И всё больше на Украине тех, кто «обманываться рад».

В Афганистане мы тоже формировали такие группы из числа бывших моджахедов и сочувствующих народной власти горцев. Работа с такими людьми должна быть тонкая и очень деликатная. Они работают в интересах своей Родины, своего народа, «светлого будущего». У них родственники в каждом селе, их там знают. И они не роботы, чтобы выполнять любые инструкции. Представляю, что было бы с нами, если бы мы дали им задание убить учителей, для того чтобы вызвать недовольство местных жителей бандитами. Они бы могли нас расстрелять на прощание и уйти к басмачам. Так вот, учителей в афганском кишлаке убил Зурон! Может, тоже перепишите историю и скажете, что это мы резали учителей в Афганистане? Чтобы вызвать недовольство Зураном. Пошлите туда в командировку Вятровича и его подручных. Они найдут «документы». Подтвердят.

Как они подтверждали «голодомор». Это такое слово, означает, что русские украинцев уничтожали с помощью голода. Американское изобретение времён Ющенко. Его жена-американка раскручивала кампанию. И все забыли, что у

коммунистов был «классовый подход». Могли уничтожить дворянство как класс. А вот уничтожить по национальному признаку – это обвинение совсем не по адресу. Этим занимались националисты и фашисты.

Звонок Вятровича в СБУ одной из южных областей Украины.

– Дайте данные, с фамилиями, сколько человек в вашей области умерло от голода в 1932-33 годах.

Опять звонок через пару дней.

– Почему так мало? Посчитайте всех, кто умер за этот период.

Посчитали, передали.

– Маловато будет. Добавьте всех, кто умер ещё и в 1934 году.

Добавили.

Как досадные недоразумения воспринимаются националистами разоблачения, что обнародованные украинскими политиками фотографии голодомора на самом деле сделаны в Поволжье или в Америке в начале двадцатого века. Или в документах МГБ, якобы свидетельствующих о провокационных расправах на Западной Украине советской власти над своими врачами и учителями в послевоенные годы, стоит подпись секретаря, которая была принята на работу в КГБ в шестидесятых годах.

Догадываюсь, что всё уже исправили: и документ, и фото-

графии убрали, и активных докапывающихся унасекомили.

А в последние годы ложь о событиях на Украине видна без глубоких исследований и аналитики. Вот, известный удар украинского самолёта-штурмовика по центру Луганска. Погибли мирные жители. Погиб бывший военнослужащий заграничного «Убагн» погранвойск СССР в Афганистане Александр Гизай. Он выжил в сложных боевых условиях, а погиб в центре города Луганска. Всё очевидно. Вменяемые власти должны были извиниться и пообещать найти и наказать виновных. Но не на тех напали! Началось дурацкое враньё про кондиционер, который взорвался на окне городской администрации.

Любой факт украинской повседневности начинаешь перепроверять – обнаруживаешь ложь. Вот Порошенко поехал в Европу с куском обшивки автобуса, который, по его словам, был уничтожен «сепаратистами» при обстреле блокпоста в районе Волновахи 13 января 2015 года. Верю только своим глазам. И что вижу на фотографиях? Ни одного следа крупного осколка от ракеты БМ-21, обшивка не деформирована, передние и задние стёкла целые. На ступеньках просматривается поражающий элемент от мины направленного действия МОН. Снарядов «Града» с такими элементами не выпускалось. Но ведь имеются съёмки удара, по блокпосту. Рассказываю свою версию другу, тоже бывшему офицеру, ветерану афганской войны.

– По моей версии, взрывом «Града» вырвало большой ку-

сок мерзлой земли, который прилетел к посту, ударил по мне. В результате она развернулась на сто восемьдесят градусов и взорвалась. Есть же съёмки момента взрыва.

(Хотя самому мне такое объяснение напоминает выступление адвоката в Европе, защищавшего арабского насильника. Якобы насильник нечаянно споткнулся и упал на девушку, и так всё получилось в падении.)

– Ты знаешь, я разговаривал с адекватным полковником, который служит в районе «АТО», – начал объяснять друг.

– И что он рассказывает?

– Да плюется, что не может научить слабоумных солдат ставить МОН вогнутой стороной к противнику. Вот так они и поставили мину на посту возле Волновахи. А кто-то из пассажиров автобуса сбегал «в кусты».

– А как же съёмки обстрела? – спрашиваю друга.

– Съёмки были в другое время и в другой день. Там всегда стоит какой-нибудь автобус, картинка всегда одинаковая.

А зачем Порошенко обманывал, что в день трагедии с «Боингом» на Донбассе ни один военный самолёт Украины не поднимался в воздух? Оказалось, что поднимались. Диспетчеры знают. В сложных операциях всегда что-то идёт не так, как планировалось. И тут у военного самолёта не выпускалось переднее шасси. Ему искали аэродром без бетонной дорожки, чтобы посадить на фюзеляж. Нашли под Днепропетровском, аэродром «Майский». Туда приехали СБУшники в чёрной форме, выгнали всех до единого с аэродрома.

Самолёт приземлился. Его в этот же вечер распилили на части, накрыли тентом и с наступлением темноты вывезли с аэродрома. Зачем такая секретность? Какое отношение к сбитому «Боингу» имел этот самолёт? Узнаем через много лет или никогда?

Разве можно жить в семье, основанной на лжи? А создать крепкое государство? Семья не сохранится. И государство не получается.

2017 г.

Люди и звери

Люди

Если начинался обстрел, то чаще это происходило на закате. Бандиты знали, что с наступлением темноты могут уйти по ущелью. Или в первой половине ночи. И уже так повелось, что офицеры, которые служили на этом объекте в афганских горах, ложились спать очень поздно. Ходили на проверки постов или играли в «шиш-беш», так там назывались нарды. Сверху нас прикрывал маленький пост, назывался «Микрон». Старшим там был офицер-«двухгодичник», были и такие в нашей армии. Высокий симпатичный лейтенант, кандидат в мастера спорта по борьбе самбо. Тёмным безлунным вечером звонит по телефону командиру объекта.

– Товарищ майор, часовой доложил, что камушки посыпались с осыпи; у меня автомат с ночным прицелом, я вышел из землянки, посмотрел, а на тропе сидят пять вооруженных душманов!

– Ну так расстреляй их!

– Не могу, товарищ майор, я их вижу, а они меня нет, это как убийство.

Майор отнесся к этому с пониманием – уже третий год на войне.

– Хорошо, гранату сможешь в них бросить?

– Сейчас попробую.

Через некоторое время раздался взрыв. Потом доклад по телефону.

– Они услышали, как я ходил звонить, и стали уходить по тропе. Я им вслед бросил гранату.

В его голосе звучала радость, что не пришлось убивать.

Мы стали обсуждать, как в наших людях глубоко сидит заповедь «не убий», и что это нормально.

– Душманов нельзя жалеть, – сказал майор, – они под Чатнивом убитым из засады бойцам разрезали горло и язык вытаскивали. Им что овцу зарезать, что человека. Не зря у них идёт 1365 год. Жестокое Средневековье.

– Мы же не они, у нас 1985 год.

Все с этим согласились. Кто-то пропел появившуюся в тех краях песенку: «Здесь в сердцах уживаются ярость и жалость, и по-прежнему в душах надежда жива». Жалость.

Однажды группа с объекта вышла организовать засаду к мостику через горную речку и по пути движения наткнулась на крупную банду, которая шла в соседний кишлак. Головной дозор был из опытных бойцов. Бросили по гранате, открыли огонь по вспышкам выстрелов и отступили вместе с основной группой, на объект. Без потерь. У молодого офицера в горячке после боя появилась идея обстрелять кишлак из 120 мм миномета. Но опытные офицеры сразу ему объяснили, что этого делать нельзя. Мы не звери.

– Стрельни и садись сразу писать объяснительную. А завтра пойдешь объясняться со старостой села и местными вла-

стями по поводу убитых или раненых мирных жителей.

Обработали тропы из ЗУ-23 и на этом успокоились. Да, афганское население было для нас людьми. По кишлакам были очень редко. А по городам – никогда. Люди и на войне – люди.

Звери

Вот мы и дожили до 2014 года. На Украине. В Одессе. И вдруг в людях проснулась звериная ненависть. К своим. Или к бывшим своим. Что для этого должно было произойти? Воздействие на подсознание пропаганды или, может, крикнуть сто раз «Слава нации, смерть врагам», «Слава Украине, героям слава», «Слава нечистому» вместо традиционного «Слава Иисусу», и что-то необратимое произойдёт в душе, в подсознании? Ведь учили нас методу самоприказа для преодоления стресса: скажи себе 100 раз: «Спокойно» – и начнёшь успокаиваться. Скажи человеку много раз, что он свинья, и запахнет свиньёй. Особенно если говорить будут большим хором.

Вспоминаются чьи-то психологические исследования о том, что людоеды никогда не ели людей. Люди – это они сами, а ели они не людей, а врагов, которые нелюди. Но это троглодиты, а современному человеку как внушить, что его одноклассник, сослуживец или родственник теперь «вата», «колорад» или «сепар», а совсем не человек, и его можно убить и съесть? Оказалось, что можно внушить это не только молодым, не читавшим ничего длиннее СМС и не утруждавших

себя мыслью, но и вполне образованным людям.

Один мой бывший сослуживец поехал воевать в так называемую АТО. Я думал, что он из денежных соображений, говорил ему, что лучше утонуть золотом, чем всплыть дерьмом, – оказалось, что его сознание тоже тронулось 1365 годом.

Когда приехал назад, мы у него спрашивали, как же можно убивать своих людей?

– Да какие они свои? Все уголовники. Я посмотрел, как их тела закапывали в траншею в районе Краматорска – все они синие от татуировок. Если бы им Россия не дала оружие, мы бы их удавками передушили.

– А зачем?

– Они же враги.

– А чего они хотят, поговорить с ними не пробовали?

– Они враги, они пришли на нашу землю.

– Сам же говоришь, большинство – местные...

Знакомый сотрудник СБУ «инструктирует»:

– Если кто-то из ваших попадет на «бытовом сепаратизме», ну скажет что-то вразрез с официальной точкой зрения, то главное, чтобы с ним не поступили «по-фронтовому».

– А как это—«по-фронтовому»?

– Да тут «фронтовиков» приняли на службу «по-фронтовому»— это не получив доказательств, по одному доносу, схватить человека, надеть мешок на голову и пытаться, пока признается. Потом обыск и обязательное обнаружение гра-

наты. Хотя в последнее время практикуются больше «жесткие задержания». С поломкой рёбер... Да мало уже осталось в следственном изоляторе сепаратистов и изменников родины, всего человек 50. Жизнь нормализуется. Времена меняются. Меняются ли?

Спрашиваю ещё одного офицера, как же там стреляют по Донецку, – мы даже в «чужом» Афганистане такого не делали.

– А я тоже спросил артиллериста, как можно стрелять по городу, где живут люди?

– Яки там люди? Люди уихалы, залишились террористы та сепаратисты. Огонь! – скомандовал артиллерист.

Людоеды не ели людей. Только террористов и сепаратистов с другой стороны острова, тех, которые не люди.

Одесса, дом профсоюзов. Выберу психологические моменты, характеризующие событие. Вот все уже сгорели. Одесский подонки звонит на идущую в прямом эфире передачу Шустера и торжественно объявляет, что якобы у всех сгоревших российские и приднестровские паспорта. И студия зааплодировала! Не один человек, не два, большинство присутствующих! Сожгли не людей, а приднестровцев и россиян! Людоеды не едят людей! Потом оказалось, что погибшие – свои, одесситы. Да аплодисменты уже улетели, назад не вернёшь. Съедено.

А выпрыгивающих с третьего-четвёртого этажа на асфальт добивали контрольным ударом в голову! При этом

кричали: «Смерть врагам и слава Украине»! Это им, по-видимому, давало возможность приобщиться к очень большой социальной группе, растворить свою ответственность, получить социальную поддержку. А было ли в их подсознании понятие «не убий»? Не вложено, не запрограммировано родителями и обществом? Или убито специальным «вирусом»?

Из здания слышится женский крик: «Помогите»! Из окружающей толпы: «Хай тебе Путин поможет»! Смех и опять: «Слава Украине»! Прославили. Но Путин не помог. И бог не вмешался. Они были очень далеко и не слышали. Не слушали.

Игоря Немодрука, прошедшего этот кошмар, поразили некоторые наблюдения. Ему, лежащему в крови, какой-то «футболист» в военных ботинках зафутболил под глаз с такой силой, что мясо слезло со щеки. А потом подошёл молодой человек с электрошокером. Приставил его Игорю в бок, нажал и стал с улыбкой заглядывать в глаза, наблюдать реакцию. А на небольшом удалении стояла молодая пара. Парень, как на экскурсии, показывал рукой на тех «патриотов», которые в это время разбивали битой головы сидящих или лежащих перед ними окровавленных людей, а девушка улыбалась. (А у нормального организма при таком зрелище возникает рвотный рефлекс. Однокашника Алексея рвало во дворце Амина, а когда через несколько месяцев вручали Орден Красной звезды – накатили воспоминания: пропитанное кровью ковровое покрытие и этот запах, –выбежал из зала,

опять вырвало. Здорового мужика.)

А эти улыбки как объяснить? Пляска людоедов перед поеданием поверженного врага? Почему не съели?

Если не хотели есть, то как всё это можно понять? Уничтожение «колорадов» для спасения своей любимой картошки? Так и «картошку» совсем не спасли.

Сказать: «гражданские войны самые жестокие» – тоже мало что объясняет.

Особенно в Одессе, где войны ещё не было. Может, виноваты компьютерные игры? Плохих орков или инопланетян убить всех.

Написал, чтобы сделать вывод в конце: «Не понимаю». Как люди становятся зверьми? Есть ли для них обратный ход? Хотелось бы верить, что есть. В начале Отечественной войны тоже многие наивно верили, что вот сейчас немецкие рабочие передошат фашистов, не дадут нас в обиду. И не понимали. Люди не понимают зверей.

2015 г.

Граница

Наша коррида

Нет, я не испанец. И корриду не люблю. Я уважаю животных. Даже после того случая с зайцем на охоту не хожу. Да, я запрыгнул в воронку, оставшуюся от войны, такую, заросшую низким колючим кустарником. Там был заяц. Он метался в разные стороны, потом засунул голову под густой куст терновника и замер. Я рассмотрел его: шерсть с колючкой и клещи в ушах, от таких же мы лечили нашу кошку. Я ему похлопал в ладоши, он подпрыгнул и убежал под аплодисменты. Это была последняя охота.

Но я не об этом хотел рассказать. Про корриду. Испанцы дурят бедное животное красной тряпкой, издеваются над ним, при этом наряжаются и двигаются, как настоящие геи. Их теперь вот так культурно называют.

Это случилось в те годы, когда ещё никто не знал этого слова, как и многих других новомодных. А я был одет в лёгкий спортивный костюм и без красной тряпки. Зачем мне красная тряпка, если я побежал на зарядку?

Да, надо оставаться спортсменом даже в далёкой комендатуре Бахты на китайской границе. Рано утром, если не был в командировке на границе, я бежал в степь к длинному та-

кому пруду и делал там зарядку.

Привычка! Вся жизнь в спорте: два года срочной службы в спортивном подразделении, где тренировки по борьбе самбо два раза в день, потом учёба в Москве и «защита спортивной чести» учебного заведения на десятках соревнований. Вроде кто-то вечно хотел лишиться этой чести. Плюс участие в ведомственных соревнованиях по боевому самбо в команде знаменитого Долматова. Это я к тому, что я был самонадеян, считая себя если не более сильным, то уж точно более быстрым и настойчивым, чем бык. Ах да, и более умным, чем это животное.

И вот я стою на берегу пруда, делаю зарядку, машу руками. Вдали, в степи, пасётся стадо коров. Одна корова отрывается от стада и бежит в мою сторону. Умная корова, знает, что возле пруда трава сочнее. А может, пить очень хочет, вон как быстро бежит. Вы уже поняли, что это был бык.

Он остановился в десятке метров от меня и начал рыть землю копытами.

Я ещё надеялся все решить переговорным путем, выразил глубокую озабоченность ситуацией, а сам посмотрел на пруд. Вода холодная, а берега грязные. Ещё не хватало, чтобы меня, спортсмена, бык загонял в грязную воду. А бык побежал на меня.

Я принял боевую стойку: колени полусогнуты, руки полусогнуты в локтях перед собой.

Вспомнилось, как мы прыгали на тренировках через спор-

тивного коня, как гимнасты – через стойку на руках на спине этого коня и, сделав «подъём разгибом», приземлялись на ноги. Этот вариант я отбросил – у спортивного коня не было рогов, и он не бежал. А тут бежит, рогами вперёд. Я оценил его скорость: убежать и подставлять спину было неразумно. Решил, как в боевом самбо, продемонстрировать уход с блоком с линии огня пистолета: уйти в сторону и чуть вперёд, отбив голову с рогами, и ускорить своё движение за счет отбива. Тут важно начать движение ни мгновением раньше – чтобы противник не поменял направления удара, ни мгновением позже. И максимальная скорость.

Получилось удачно. Хотя удар у него оказался сильней, чем я ожидал. Я думал, что коррида кончилась, тем более что зрителей не было, кроме зелёных лягушек в пруду. А жаль: пусть бы испанские геи в обтягивающих штанишках надели себе на грудь красную тряпку и сделали то, что делаю я. А зрители бы посмотрели. Знай наших. Это наша коррида.

Оказалось, что эта неудача очень разозлила быка. Это простительно – такое и у людей бывает. Он опять ко мне бежит во все копыта. Я повторил прием. Ещё раз пять или шесть – мы с быком быстро сбились со счёта. Но я же не зря в начале написал, что умнее быка, – я был лейтенант, а бык вообще без звания. Если бы он тренировался, как я, десяток лет, то он бы быстро меня одолел. И я придумал. Встал на краю обрывчика возле пруда: бык должен очередной раз промазать и охладить свой пыл в воде и грязи. Он попал точ-

но в грязь, но не охладился, а ещё более разгорячился, роет землю, как кошка перед туалетом. Вот опять летит на меня, грязный. Теперь я решил с ним побороться. Ушёл от удара и схватил пробегающего задиру сзади за рога. Думаю, как скручу ему рога и переднюю подножку сделаю, чтобы свалился. Он оказался слишком сильным и на четырёх ногах. Мы были в разных весовых категориях. Мало того что он меня измазал грязью, не хотел падать, так он меня поднимал высоко в воздух, но мне удавалось становиться на ноги, когда он опускал рога. Судьи бы оценили с его стороны только активность в борьбе, ни одного броска, но и с моей стороны не было успеха. В голове роились дурацкие мысли: «На службу опоздаю, позавтракать не успею». Но главная мысль – вечный русский вопрос: «Что делать?»

В очередную атаку я его опять поймал за рога и решил проверить, может ли добро победить зло? Начал ему чесать шею под подбородком. И произошло чудо. Бык расслабился и начал тихо мычать. Я его осторожно отпустил, продолжая чесать его подбородок. Он шёл рядом. Я ему чесал подбородок до самой дороги. Потом быстро, не оглядываясь, побежал домой. Судя по отсутствию топота, кроме моего, он меня не преследовал. Да, добром можно добиться большего, чем грубой силой.

2015 г.

Как это начиналось

Начальник отдела кадров в Алма-Ате, куда я прибыл по распределению, был откровенен.

–Для нас приезд специалиста со знанием китайского языка –большая неожиданность. Ну, ладно, поедете в Маканчинский погранотряд, там китайцы скот по нашей территории перегоняют, вот и поговорите.

–Со скотом?

–Да, –рассеяно ответил начальник. Потом опомнился: –Лейтенант, что вы себе позволяете?!

Самолёт прилетел в село Урджар, дальше автомобилем. Ещё из окна самолёта Як-40 наблюдали эту природу: степь, без деревьев. Мы –это я, молодой спортивный лейтенант, и стройная красавица жена Лена, с которой мы поженились два месяца назад.

Нас встретили и привезли в Маканчинский погранотряд. Поселили в «генеральский» номер в военной гостинице, назывался «люкс», но без туалета, зато с холодильником и ковриком на полу. Повели в столовую. На стене казармы болтался оторванный жестяной плакат с сохранившимися словами «настоящим образом», а под ним лежало несколько мёртвых голубей: «Был сильный ветер»,–объяснил сопровождающий нас дежурный. Да, там были ветра... Но мы ко всему были готовы –молодые и, главное, любили друг друга.

На следующий день приехал полковник, и нас попросили переселиться в другой номер, в проходную комнату, через которую ходили ещё один молодой офицер и его жена. А через два дня приехала группа проверяющих, и нас опять переселили: Лену в женскую общую комнату, а меня в мужскую. Но это было ненадолго, нам предложили пожить в чьей-то чужой квартире, а потом дали «нашу», двухкомнатную. Было впечатление, что до нас в этой квартире жила огромная белка, которая вместо орехов стаскивала в дом всё ненужное, а потом охотники её внезапно прогнали. Мы целый выходной вытаскивали всякий хлам на помойку. Из достопримечательностей той квартиры запомнилась кровать. С так называемой «панцирной сеткой», которая не регулировалась и проваливалась под тяжестью наших молодых и стройных тел почти до пола, а ночью пыталась в таком пружинном гамаке набросить нас друг на друга. Это такая кровать-разлучница: ни спать, ни любить. Мы плюнули на панцирную гадость и надули по резиновому матрасу, которые предусмотрительно привезли с собой. Хотя почтовый груз со швейной машинкой, электрообогревателями и посудой ещё не прибыл, и вся наша собственность переносилась нами в чемоданах.

Запомнились вечера в Маканчах, когда мы с Леной выходили в степь и смотрели на звёзды. После захода солнца воздух становился прозрачным и прохладным, а звёзды начинались прямо перед глазами над горизонтом, –не надо было и

голову задирать, —образовывали большую расписную чашу и заканчивались за другим горизонтом. Казалось, что некоторые звёзды звенели в тишине.

Село было недалеко от отряда, мы ходили туда в магазин. Вот как покупали капусту у казаха в сельском магазине.

—Дайте мне один кочан капусты.

—Капуста понимаю, а что же тебе ещё дать кроме капусты, какой кочан?

—Дайте один капуста,— пояснила Лена.

—Ну, так бы сразу и сказали.

Зашли в парк. Районный центр— значит, положено иметь парк. Из домика в центре парка доносилась музыка времён войны, про синий платочек. И это был тир, где сидели два русских деда, ветерана войны. Тогда все, кому больше сорока, казались дедушками и бабушками. Для них время войны было как вчера, они этим жили. Да ведь и прошло тогда после войны чуть больше 30 лет. А сейчас после моего Афгана—31 год, а всё как вчера.

—Ну, лейтенант, покажи боевую выучку! —предложил один из дедов. Я стрелял хорошо, показал боевую выучку, а Лена стрельнула лучше меня, деды оживились, помолодели, стали подшучивать над молодым офицером.

Недолго мы жили в Маканчах, пришёл приказ о переводе меня в комендатуру, в село Бахты.

Была зима с сильными ветрами и морозами. А в Бахтах нам дали огромную квартиру с дырками на улицу в стенах

и стёклах. В этой квартире много лет никто не жил. Лена долго плакала, может, целую минуту, потом пошла в магазин и купила много оконной замазки, которой замазали дыры. Утеплили только одну комнату, где спали и где нас согревали два масляных радиатора. Стало хорошо и уютно. А когда пришло лето – купили два велосипеда, посадили огород возле арька, который надо было открывать и закрывать.

И ещё, весной, я ехал верхом на лошади по горному участку хребта Тарбогатай, а вокруг цвели большие розовые цветы, похожие на пионы, назывались «Марьины коренья». Я их насобирал большой букет и привез Лене. А то привез степного ёжика, маленького с огромными ушами, который оказался ежихой. Она нам принесла нескольких ежат. Выходили, вырастили и отпустили в степь. На велосипедах ездили на речушку Эмель, шашлык жарили, рыбу ловили. Дружили с местной жительницей, переселенкой с Украины, звали её «тётя Катя». Она была «знатной трактористкой» в период покорения целины. Мы ей отдавали все лишние крупы, которые получали на офицерский паек, а она нам яйца, курятину. Иногда Лена ездила на базар, всего 60 км, в село Урджар. Там жили немцы, и на базаре у них были и фрукты, и молочные продукты.

Климат в Казахстане степной, резкоконтинентальный – жарко днём, прохладно ночью. В сентябре выходим мы с Леной из солдатского клуба, где смотрели кино (офицеры и их семьи всегда садились на последние ряды), и чувствуем – хо-

лодает, будет мороз, помёрзнут наши помидоры. Пришли домой, взяли фонарики, а вместо ящиков два многострадальных чемодана. Нашли в темноте свой огород и собрали помидоры. У всех помёрзли, а наши постепенно зрели на подоконнике до самого Нового года!

Оказалось, что без телевизора (там не было вышки-ретранслятора) можно жить и больше общаться, больше петь песен, а ещё мы там читали книги вслух, по очереди. И смотрели на звёзды. И мечтали.

Конечно, большую часть месяца я проводил в командировках, на границе, а дома – это всегда праздник. Помню, приехал после длинной поездки по границе. Лена наготовила еды, натопила дровами титан – это чтобы мыться горячей водой. (Она прочитала этот рассказ и вспомнила: «Я ещё специально хорошо одевалась к твоему приезду. Сшила себе красное платье с вязанным верхом». А я замечал тогда, во что она одета? Думаю, замечал. Да, одежду замечал. И то платье помню. И мясо со специями в горшочке помню. Печенье хрустящее, «конвертиками», с грецкими орешками и корицей. А вот маникюр – чисто женская фишка. Можно заметить после фразы: «А я была сегодня на маникюре». Или конкретно: «Посмотри, какой у меня маникюр!» Ну да, маникюр. Это неправильная реакция. Правильная: «Как красиво!» Про маникюр – это уже из более позднего периода. Там этого не было.)

Покушали, я помылся, и тут зазвонил телефон: «Товарищ

лейтенант, на заставе «Кара-Бас» получен пакет. Машина за вами вышла». Это значит, задержали китайца при переходе границы, надо ехать опросить, перевести, что расскажет. Вернулся домой через неделю.

Праздник продолжился. Мы дома, мы вместе – и это праздник.

2015 г.

Юность имени Дзержинского

Они все были стройные, спортивные, весёлые, взрослые, с умными лицами.

Они выходили из этого учебного заведения возле Белорусского вокзала, а я, девятиклассник, смотрел на них с завистью.

Прошло три года, и вот я, рядовой погранвойск, еду в Балашиху, как мне объяснили, «двадцать пятый километр, остановка ДОРНИИ». Там будет подготовка и сдача экзаменов. А потом учёба на иностранном факультете Высшей Краснознаменной школы КГБ при Совете Министров СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Такая именитая школа, что Дзержинского пришлось вставить в конец названия, и уже весь СССР получался имени Феликса. Но школа действительно того стоила!

Начальник курса – Александр Афанасьевич Говоров. Со временем начинаешь понимать, что он не только легендарный контрразведчик, участник Сталинградской битвы и один из организаторов контрразведки в партизанских отрядах, но и отличный воспитатель. Со своеобразным тонким юмором.

– Я не спрашиваю, почему Вы опоздали, товарищ слушатель, я спрашиваю, почему вы ОПОЗДАЛИ? Остановилось метро, так летайте самолётом, но опаздывать вы не должны!

– Вы преступно нестрижены! Но Вы же серьёзный человек!

До сих пор ношу документы только в кармане с клапаном и застёжкой. Не терял. И ни разу не опоздал.

Взаимное уважение учащихся и преподавателей. Обращение к преподавателям по имени и отчеству, а не по званию.

Вот полковник Пономарев. Работал в разведке в разных странах, подходит к группе слушателей, стоящих перед дверью, где идёт сдача экзамена.

– Что вы волнуетесь, не бережёте свои нервы? Они вам ещё в будущей жизни очень пригодятся.

Думаем, сейчас расскажет про тяжёлую нервную работу. А он продолжает:

– Для жены, для детей ваших...

Гражданское право, Герой Советского Союза Ларкин. С одной рукой и одной ногой. Для нас, молодых и здоровых, тогда казалось естественным, что Герой – значит не сдаётся, не спивается, а продолжает работать. Даже глупые загадки придумывали: что такое: семь рук, семь ног, одна звезда и одна женщина – это кафедра гражданского права. А Ларкин – один из лучших снайперов Великой Отечественной.

Криминалистика, полковник Ландышев. Рассказывал, как в конце сороковых ему, молодому следователю, объявляли выговоры «За либеральное отношение к подследственным». Когда только пришёл на службу, следователь сказал ему: «Я пойду пообедать, а ты его коли». На столе лежало шило, Лан-

дышев смотрел на него и решал, как будет увольняться. Когда вернулся следователь, он ему заявил, что живого человека шилом никогда не сможет колоть.

– «Коли» – это вопросы задавай. А не шилом.

Его наука – криминалистика – не пропала даром. Недавно встречался с бойцами, которые служили со мной в Афгане. Они стали вспоминать.

– А помните, как Вы душманский ДШК, что не давал нам жизни, обнаружили?

А я уже и не помню.

– Да как же, нашли в глубоком снегу след от пули, воткнули туда длинную палочку и сказали, куда смотреть через бинокль. Мы сразу и обнаружили грот под арчой.

Так и учил Ландышев.

А преподаватели по иностранным языкам? Они стали для нас просто родными. Мне достался китайский язык. Ещё в Балашихе при поступлении в высшую школу приехали преподаватели отбирать на какой-то козырный иностранный язык. Проверяли слух. Я так старательно спел им песню «Берёзовый сок», что меня объявили годным к изучению китайского. За мной на комиссию шёл мой друг Слава Пугачёв, я его успел предупредить, что проверяют слух для учебы китайского. Слава вышел расстроенный, говорит, что у них могло сложиться впечатление о его неадекватности.

– Спойте песню, любую.

– Извините, мне медведь на ухо наступил, слуха нет. (А

учился в музыкальной школе, и со слухом всё в порядке.)

– Ну спойте как сможете.

– Давайте я вам лучше станцюю.

– Спасибо, танцевать не надо.

Слава получил английский язык, что и хотел.

Мы использовали жизнь в Москве для культурного развития. Ходили в театры. Один раз Слава умудрился купить билеты в театр Сатиры на все спектакли сразу, мы ходили туда целый месяц, получали удовольствие от игры Андрея Миронова, Анатолия Папанова и других талантливых актеров.

Слава проходил срочную службу в Чехословакии, говорит, на старинной инженерной машине. На руле было нацарапано «На Берлин». Он умел подшутить над товарищами. Едем в метро. Он делает страшное лицо.

– Контролёр идёт, где наши билеты?!

Все лихорадочно начали искать билеты в карманах, потом сообразили, что в метро нет билетов. Или вышел после занятий в фойе школы и подпёр плечом закрытую половинку стеклянной двери. Образовавшаяся толпа начала кричать и толкать эту закрытую дверь, пока он, улыбаясь, не отошёл в сторону.

Военная подготовка – в Балашихе, в лесном лагере. Асфальтированные дорожки, соснами пахнет, а в глубине леса – покореженная взрывами железная дорога. Там во время войны тренировались специальные группы перед заброской в тыл врага. Это нам казалось, что прошло очень много вре-

мении с тех пор. 38 лет. А вот для Александра Афанасьевича, начальника курса, это было буквально вчера.

Ночное ориентирование в лесу. Нас разбили по группам, азимуты, пары шагов. Мы попали в одну группу со Славой. Взяли с собой фонарик, карандаши, лист чистой бумаги, транспорир и даже фанерку, чтобы подложить. Добежали до первого ориентира, а дальше стали прокладывать маршрут на бумаге. Нашли конечную точку, определили направление на неё и пошли к намеченной цели. Военная хитрость. По пути пришлось обойти озеро, но конечная точка оказалась на дороге, где уже ждал группы полковник. Мы же не бессовестные, поэтому решили выйти на конечную точку третьими или четвёртыми. А пока замаскировались и стали долго ждать. Вот идёт треск по лесу, выходит первая группа. В лесу вечером был дождь, выходявшие из леса были мокрые насквозь. Пришлось нам углубиться в лес и потрясти друг на друга деревья. Потом и мы вышли на ориентир. И долго ждали заблудившуюся группу, пускали сигнальные ракеты.

Или после «штурма штаба противника» и изъятия «секретных документов» бежим за старым полковником, участником Отечественной войны, к «вертолёту», в роли которого автомобиль ГАЗ-66. За спиной тяжёлая рация, полная боевая выкладка. Поворачиваюсь к Саше Филимонову:

– Давай увеличим темп, загоним «старого лося» и дальше все пойдем пешком!

Взвинтили темп, полковник тоже. Мы выдохлись, пошли

трусой. А полковник говорит: «Как хорошо бежать по лесу! Каждый день пять километров бегаю». Мы переглянулись.

Нас приучали самостоятельно мыслить, делать выводы, много читать. Вот преподаватель Попов, «история государства и права СССР»:

– Кто из вас читал «Бесы» Достоевского?

Поднялась парочка рук.

– Как я вам могу рассказывать об истории государства в 19 веке, если вы не читали «Бесов»? Это разговор со стеной!

Прочитали.

Курс был очень дружный. Были ребята с Кавказа, из Прибалтики и Средней Азии. Со всей страны. Однажды на лекции по теме «Торжество советской национальной политики» преподаватель привёл пример:

– Вот посмотрите на наш зал, здесь есть представители всех национальностей нашей страны.

– А евреи? – раздался вкрадчивый голос из зала.

Преподаватель сразу не нашёлся, что ответить.

– Ну кто виноват, что среди нас нет евреев?

Весь зал хором:

– Евреи! – и стали хихикать, как над цитатой из анекдота.

В нашей группе все были очень светлые, приветливые ребята. Вот Андрей Якушев, спортсмен, занимался плаванием, носил короткую причёску и делал по утрам массаж головы щёткой.

– Зачем? – спрашиваю.

– Чтобы не полысеть к 40 годам, как отец.

Не полысел. В свои четверть века получил пулю в голову на центральной лестнице при штурме дворца Амина в Афганистане. Вечером перед штурмом он меньше думал о себе, чем о других. Такой вот был у них диалог с нашим однокурсником Алексеем Гуменным:

– Алексей, там же есть женщины и дети, как мы будем стрелять, чтобы их не зацепить? Я лично постараюсь их оставить живыми.

– Я тоже не собираюсь в них стрелять, спи уже, завтра на месте разберёмся.

Так он и не разобрался.

Андрей Семёнов, он же Сэм, умел рисовать карикатуры, оформлял стенгазеты, которые были произведениями искусства. Левон Абрамян – культурный, приветливый, судьба ему приготовила 10 лет тюрьмы в Армении как результат борьбы кланов за власть; улыбчивый казах Марат Жалмагамбетов – без вести пропал в бандитские 90-е в Алма-Ате. Лучший китаист Коля Амуров, который легко переводит стихи древнекитайских поэтов. Командир нашей группы Саша Филимонов, дослужившийся до больших звезд на Северном флоте, трудолюбивый Володя Жуков. Да все ребята на нашем курсе были талантливые и неповторимые.

Часто нас спрашивают: «Как же вы не сохранили государство? Конечно, общественный строй мог меняться, но государство в его границах, за которое стояли наши предки?»

Мы не были бандитами или нелегальными деятелями. Всё подчинялось командам сверху. Так и должно быть – иначе хаос.

Володя Жуков служил в Москве, я ему адресую этот же вопрос через много лет на вечере встреч выпускников. Что я мог видеть с Камчатки, где служил в это время?

– Да, в Москве состоялось совещание руководства. Там доложили аналитическую справку, что для спасения СССР необходимо арестовать около 1200 активных деятелей, выступающих за развал государства. Тут председатель КГБ Бакатин покраснел и начал кричать:

– Вы что, крови хотите? Не будет этого!

И этого не было. Только кровь ещё и сейчас льётся. Человеческий фактор? Свинский.

Вспомнил, что был у Володи на свадьбе. Его отец вместе с другими бывшими партизанами брянских лесов рассказывал про их боевые дни.

А в средней школе, в центре Москвы, в Бауманском районе, был организован музей партизанской славы, куда партизаны отдали свои письма и реликвии. Спросил у Володи, прошло ведь много лет, работает ли этот музей в школе.

– Ты знаешь, в 90-е годы школа преобразовалась в козырную гимназию. Им нужен был кабинет для чего-то, они закрыли музей.

– А экспонаты раздали родственникам партизан?

– Нет, собрали в мешок и выбросили на помойку. Вот

теперь и получили козырное поколение из таких гимназий. «Индиго».

– Ты хоть шум поднял по этому поводу?

– Нет, узнал поздно, и школа своя, где учился, как-то неудобно.

На выпускном вечере наш первый начальник курса Говоров пожелал нам, чтобы у нас были начальники не «добренские», а строгие, но добрые. Такая и высшая школа была. Добрая. А с начальниками – кому как повезло. Кому – «добрые», а кому – «добренские».

2016 г.

Зимой на границе

Мы бежали по дороге вдоль контрольно-следовой полосы. Ночь, а светло как днём. Так бывает зимой в степи, в Семипалатинской области.

Там впереди, где заканчивается степь и начинаются горы, на заставе Май-Булак, офицеры даже сани приобрели, чтобы лошадей запрягать и кататься со своими молодыми жёнами именно в такие снежные ночи, когда снег отражает луну, а тишина звенит в ушах. А сейчас он скрипит у нас под ногами, нам ещё скрипеть снегом осталось 15 километров. Мы – это я, молодой лейтенант, и водитель, рядовой пограничник Саша. Если бы не было ветра, то мороз в 30 градусов был бы даже приятен. Но ветер, собака. Поддувает под куртку и холодит колени.

Поздно мы выехали. Начальник соседней заставы Решетников предложил дожждаться ужина: в этот день забили заставскую свинью и намечались блюда из свеженины. Дождались, пока совсем похолодало. Вода была слита из радиатора ГАЗ-69 и стояла в ведре у повара на плите. Залили перед отъездом, но было слишком холодно, в автомобильной печке сразу подмёрзло.

– Сейчас поедем – оттаёт, – сказал розовощёкий водитель Саша. Поехали.

Не оттаяло. Он вёл машину, прижавшись лбом к перед-

нему стеклу, где мы процарапывали в изморози маленькую щёлочку, которая сразу замерзала.

Была надежда, что доедем. Но машина начала чихать и заглохла. В баке замерз конденсат.

Немного повозились, пытаясь завести мотор, позвонили на заставу от ближайшего столба с телефонным разъёмом. На заставе один автомобиль оказался на выезде, другой неисправен, предложили пригнать для нас коней. Но мы отказались: лучше сами побежим, как кони, чтобы не замёрзнуть. И вот скачем рысью к заставе «Первомайка».

Там Юра Морданов.

Спокойный, хозяйственный начальник заставы. Только очень невезучий. Говорят, жить будет долго. А может, везучий. На охоте продирался сквозь кусты, а его зам стрельнул из дробовика, подумал, что заяц. И попал. Обоим – выговоры. Потом устроили гонку, кто быстрее по камням: конь с Юрой или УАЗик. Конь споткнулся, Морданова после падения еле откачали. Опять выговор. Потом идёт по селу. Пьяный казах подошёл и закричал: «Это ты был с моей женой!» – и палкой по носу. Вылечили, без выговора. Потом пьяный тракторист на тракторе К-700 въехал в автомобиль ГАЗ-66, там, конечно, Юре прижало ногу, еле вытащили. Я ему сапог разрезал и штанину. Оказалось сильное растяжение и ушиб. Ему потом сапог было жалко. Но это потом, а тогда его невозможно было снять.

Ещё молнией ударило на постоянном посту в горах: стоял

возле решётки на окне, смотрел на летний снег. Молния попала в решётку, он потерял сознание. Выжил. Ещё отравился икрой рыбы маринки.

А последнее: пошли мы рыбу бить острогой на речку, куда она заходила на нерест. Огромные рыбины из озера Алаколь. Рыбу надо было осветить фонарём, потом быстро отвести луч фонаря, чтобы она не проснулась и не убежала, и бить острогой. С нами был подполковник, начальник штаба погранотряда. Вода была не очень прозрачная, и когда мелькнула нога начальника штаба в резиновом сапоге, Юра, конечно, поспешил ударить, пока не сбежала. Посадили мы подполковника на коня вместе с острогой в ногу и поскакали в санчасть вытаскивать. Всё обошлось.

Встретились два начальника соседних застав на рекогносцировке. Молодые, по 25-27 лет, но уже очень взрослые люди. Они ежедневно самостоятельно принимали решения. Надо было организовать всю службу на участке границы и жизнь пятидесяти человек. И питание, и учебу, и быт, и спорт, и развлечения, и праздники. «Сработки» сигнализации, тревоги, задержания нарушителей, красные от вечного недосыпания глаза. Сколько их было, таких молодых офицеров, отдававших все свои силы границе? Тысячи.

А с ними настоящих солдат-пограничников десятки тысяч.

Китайская граница. Тогда было очередное напряжение в отношениях с Китаем, начался китайско-вьетнамский кон-

фликт. И Решетников предлагает Морданову:

– Юра, хочешь, про нас напишут во всех учебниках истории?

– Это ещё как?

– А вот принесём по гранатомету и обстреляем китайский пост. Обстановка сейчас сам знаешь какая. И в учебниках будет написано: «Третью мировую войну начали Морданов с Решетниковым»! Такой пограничный юмор.

Или вот, возвращается с границы тревожная группа, и старший докладывает Решетникову:

– «Сработка» произошла из-за замыкания верхних нитей козырька рыбой!

– Рыбой? Да там и реки нет, вы что, с коня упали?

– Рыбу принёс большой орёл, положил на провода и стал расклёвывать!

Пока вспоминал и смотрел на сверкающий снег и лунный свет, прибежали на заставу. Водитель побежал греться в баню – суббота, баня с парной натоплена. Оказалось, подморозил пятку. А меня совсем от холода развезло: вырвало, заболела голова. Померили температуру – 35 градусов. Позволили в погранотряд доктору. Дали мне трубку.

– За тобой присылать вертолёт, или ещё выдержишь?

– Да должен выдержать.

– Пусть тебе дадут грамм 150 коньяка и укроют тулупами.

– Коньяка нет, есть спирт.

– Ну разведите водой спирт.

От спирта температура выросла до 36 градусов, и стало совсем хорошо.

А приятно было, что за тобой стоит огромная страна, много хороших людей, готовых полететь тебя спасти. Бесконечная граница с заставами, где собрались добрые, мужественные парни, которые очень рано выросли.

2015 г.

На Памире

Его фамилия Соколов. Он лейтенант из старшин, закончивших офицерские курсы. Мы встретились с ним на заставе «Маил Толгазы», что в переводе с казахского означает «мыльная земля». Да, весной и во время дождя она становилась мыльной. Но был конец лета, и в окно канцелярии видна была белая поверхность солончака с выступившей на поверхность солью. Ни намылить, ни смыть. Деревья на заставе пытались сажать даже в больших полиэтиленовых мешках, но соль проникала, и деревья засыхали.

Соколова перевели на эту забытую богом заставу с высокогорья по состоянию здоровья.

Он простудил почки. (Такой вот курорт подобрали для выздоровления.)

Я попросил подробно рассказать, как это произошло, для моей коллекции пограничных рассказов. И вот что я услышал.

—Больше я не надеваю синтетических носков. Это из-за них я простудился. Четверо бойцов не простудились, они были в теплой обуви, а я в офицерских сапожках и синтетических носках. Так ведь и выехал с заставы только поменять постоянный пост в горах.

Ехали на автомобиле ГАЗ-69. Был такой легковой автомобильчик с тентом, если кто не знает. Горы красивые, все в

снегу. Дорога была вырублена в скале, на склоне глубокого ущелья.

Ехали молча, я думал о чём-то хорошем, о семье. Вдруг впереди упала белая пелена, как туман. Я давно в горах, сразу понял, что сейчас пойдёт снежная лавина. Крикнул шофёру: «Назад!» Но было поздно, лавина была огромная, сзади уже полетел снег. Нашу машину подхватило с дороги, как щепку, и понесло вниз.

Запомнилось, что летели мотором вперёд, кто-то при ударе лавины лбом включил щётки дворников (они включались тумблером над передним стеклом), а водитель отчаянно вращал руль то в одну, то в другую сторону. Наконец автомобиль упёрся в какую-то скалу и развернулся боком к лавине. Снег стал вытеснять нас из машины. Я увидел, как мелькнули мимо моего лица сапоги водителя, потом и меня выбросило неизвестно куда. Через секунду с удивлением заметил, что темно, но руки и голова в свободном пространстве. Пощупал вокруг и понял, что лежу под машиной. Рядом чьи-то ноги. Я начал раскапывать, оказался сержант, командир отделения. Вместе мы стали копать вокруг, нашли двоих бойцов. Четвёртого не могли найти. Достали из автомобиля две лопаты, продукты, которые везли на пост, паяльную лампу. Пытались топить снег этой лампой, но кислород сразу выжигался, и нечем было дышать, так что работали только лопатами. Долго решали, в каком направлении копать, чтобы не упереться в скалу. И начали прокладывать тоннель под

небольшим углом вверх. С направлением работ нам очень повезло: через несколько минут наткнулись на четвёртого солдата, который был жив и здоров, только замерз и сильно упал духом, ждал смерти. И запах от него шёл не самый лучший. Привели его в чувство и поставили в общий график работ: каждый копает два часа, потом отдыхает. Знали, что нас ищут, стреляли, но понимали, что слой снега сверху очень большой, нас не слышат. Сначала отдыхающая смена возвращалась к машине, но на вторые сутки начались обвалы в нашей норе, и мы приняли решение держаться всем вместе. Очень понравилось, что бойцы в трудную минуту сплотились, никто не сачковал, поддерживали друг друга. Руки у всех были стертые до крови, но никто не жаловался. На третьи сутки уже работали по мере сил, непрерывно копать не могли. Я сел и пытался пробивать ногами снег. И вдруг увидел свет! Все сразу оживились и быстро выкопались на поверхность. Метрах в двухстах от нас большая группа солдат во главе с подполковником, начальником тыла погранотряда, пыталась нас найти. Увидели, обрадовались, подошли к нам. Подполковник осмотрел нас и спросил, где ещё два автомата. Я ему ответил: «Там» – и показал вниз. Он дал команду двум солдатам спуститься по ходу и искать оружие. Я ему сказал: «Не советую, там всё обваливается». Но он поступил по-своему. Хорошо, что ход обвалился в самом начале, и полезших туда солдат откопали всего за час.

Соколов закончил рассказ и посмотрел через окно на бе-

леющий солончак, про который здесь говорили: «Зимой и летом одним цветом».

– Тебя хотя бы наградили за мужество и спасение своих солдат?

– Нет, сказали, что за утрату двух автоматов не будут наказывать, раз уж все спаслись.

За окном начался ветер, который погнал по соленой степи ажурные шары сухого растения – перекати-поле.

– Завтра опять систему на границе надо будет чистить от «перекатиполиков», – вздохнул Соколов.

2015 г.

Для Андрея Семенова, то, что рассказывал ему 35 лет назад

Чтобы увидеть самую красивую звезду, надо поехать в казахскую степь зимой. Там, со стороны Китая, она взойдет над горизонтом. Переливается розовым и зелёным светом, а называется – Сириус.

– Давай поедem поохотимся на лису, – предложил начальник заставы.

– Не ездй с ним, – посоветовал зам по боевой подготовке.

– Почему?

– А ты представь, мороз 20 градусов, ветер, на шее автомат, в одной руке у тебя включённая фара, другой цепляешься за борт подпрыгивающего по полю ГАЗ-66, будут течь, извини, сопли, а вытереть их не сможешь даже рукавом, так как руки заняты. Испытаешь истинное наслаждение от охоты.

Всё так и было. А лисы оказались грамотные, убежали в тонаправление, куда стрелять нельзя – или в сторону Китая, или в район нашего тыла. Зато какой красивый был Сириус! И тишина, когда машина застряла в глубоком снегу и мотор заглушили. И днём красиво.

Вот едем по степи на УАЗике одного такого вредного подполковника. Начальник разведки Шумаков и я, молодой лейтенант, с командировочными вещами, с пистолетом на боку и со знанием китайского языка. Китайцы по старым догово-

ренностям перегоняли по нашей территории свой скот в обход гор. Вон там впереди китайские пастухи сидят вокруг костра, что-то варят. На привале.

– Как поздороваться по-китайски? – спрашивает подполковник у начальника разведки.

Тот подмигивает мне.

– Цюй гэ ципа.

– Цюй гэ ципа, цюй гэ ципа, – повторяет подполковник, чтобы не забыть. (На самом деле, это китайское ругательство, эквивалентное нашему «пошёл ты на хрен».)

– Водитель, остановись возле них, – командует подполковник. Открывает дверь, маленький, толстенький, с красным лицом, как синьор Помидор из сказки, приветливо, как ему казалось, улыбается.

– Цюй гэ ципа!

Пастухи схватили свои палки и начали ими угрожать. Улыбка слетела с лица подполковника. Колобком метнулся в машину.

– Поехали!

Повернулся к Шумакову.

– Вы мне что-то не то сказали!

Спрашивает у меня, что значит «цюй гэ ципа».

– Это вежливая форма приветствия, с пожеланием легкого пути.

– А почему они так отреагировали? – спрашивает у Шумакова.

– Я предполагаю, что это выходцы из недружественных племен Синцзян– Уйгурского автономного округа Китая (тоном ведущего из передачи «Вокруг света»).

А вот мы с офицером разведывательного отдела приглашены в семью знатных казахских животноводов. Нам приготовят традиционное казахское блюдо – бешбармак. Пришли, разулись, сели на ковёр к большому круглому столу с очень короткими ножками. Хозяева принесли огромное блюдо с мясом и лапшой и устроились вокруг стола. Есть надо без вилок и ложек, руками. Казахи, конечно, мусульмане, но водку употребляют. Им лично на этот счёт пророк ничего не говорил. Понять его можно – разве докричишься в степи до каждого?

Разлили по стаканам. Самый старый аксакал произнёс тост за пограничников, которые глаза и уши народа. И в знак уважения мне дали круглый глаз, по-видимому, коровий, а товарищу досталось ухо. Я ему позавидовал: грызть вареное ухо вполне можно, если чуть напрячь свою волю, ну и настроиться философски. Не противно же нам куснуть за ухо любимую женщину. А глаз – нет. Глаз, казалось, смотрел на меня и знал, что я его не съем, потому что я боялся даже на него смотреть. Мы так и не встретились взглядами. Варианты поведения в голове не возникали. Скинуть незаметно под стол? Так скатерть свисает со стола до самого пола. Что же разведчик будет делать с ухом? Вот он, как ребёнок в игре, поднес ко рту и понарошку покушал это ухо. А во

время очередного тоста потянулся рукой за бешбармаком. Я следил за руками «фокусника». Он быстрым движением выкопал в лапше ямку, похоронил нежеланное ухо. Ловко подменил его на кусок мяса. В следующий тост такой же фокус проделал и я с глазом. Но тут мне дали очередной деликатес: какую-то голубоватую жилу. Я её добросовестно пытался укусить, но она оказалась упругой, как резина.

– Её не кусать, а сосать надо за щекой, – улыбнулся хозяин.

– Я такого не встречал, какая это часть туши коровы?

– Это под гривой у лошади.

Да, вкусы у людей бывают разные, а восток – действительно дело тонкое.

Лучше бы дед сказал, что пограничники – это наша ягодица с приключениями или наша грудинка и вырезка.

Приехали на заставу, сидим в канцелярии. Вдруг в спальном помещении шум, крики.

– Лови его, заходи от двери, чтобы не сбежал!

– Ты посмотри, как прыгает, гад!

Животное какое-то забежало, а может, заползло? Гадов полно на участке заставы! Спешим туда.

Маленький худенький повар ловко, как белка, скачет по кроватям, уворачиваясь от сослуживцев. При нашем появлении охота прекратилась.

– Он нам компот с половой тряпкой сварил! Мы уже половину выпили, а потом её нашли. Спрашивали же, почему странный вкус, а он говорит: «Фрукты прошлогодние».

Стали разбираться. Рабочий по кухне поставил на плиту бак с водой и тряпкой, чтобы помыть полы тёплой водой. Куда-то ушёл, а повар обрадовался, что такой заботливый со-служивец: знал, что ему компот готовить, засыпал туда сахар и сухофрукты. Пришёл рабочий, стал искать свой бак с водой, не нашёл и поставил другой на плиту.

Чем кончилось? Разобрали на комсомольском собрании. А потом нашли более старательного повара.

Вот это всё я и рассказывал, когда мы шли с Андреем по улице Горького, а потом сидели в кафе, много лет назад.

2016 г.

Камчатка

С чего начать рассказ про Камчатку? Как смешать в одно блюдо снег, грибы, красную икру и запах океана? Получится салат по-камчатски.

До Афганистана был молодым офицером, перспективным, а потом – глядь (не путать первую букву) – уже опытный, майор-переросток, как один товарищ шутил, «майор Советского Союза».

В Афганистане выдавали сигареты «Памир». Там на коробке человек с котомкой за плечами и палкой в руке изображён. Кто-то предложил расшифровку: «после Афганистана майор ищет работу». ПАМИР. Но сначала была Камчатка. Хочется вспомнить что-нибудь основательное, о службе, важное такое, почти героическое, а вспоминается совсем другое. Интересные разговоры с Володиёвым Асеевым, с которым делили один кабинет. Или как я жёг протоколы партийных собраний, когда всё рассыпалось, а я оказался последним секретарём парторганизации отдела. Критиковали, ставили на вид, голосовали – и в печку.

Надо что-то красивое, о воинской дружбе, о службе Родине вспомнить. А возникают весёлые картинки.

Вот мичман Клыженко, серьёзный мужчина. Печальным голосом рассказывает, что опоздал в театр.

– Я так красиво оделся, и надо было уже выходить.

– И что помешало? Снег пошёл?

– Нет, гораздо хуже и печальней.

– Что может быть на Камчатке печальней снега, когда он не кончается? Мой сосед бегает всю ночь с лопатой, откапывает крышу у своих «Жигулей». А владелец жёлтого «Запорожца» не откапывал, так утром бульдозер чистил снег и раздавил в лепёшку автомобиль.

– Одетый как на свадьбу, я решил ещё раз почистить туфли. Нажал на тюбик с кремом – он не выдавливается. Нажал сильнее – не выдавливается. Нажал со всей силы и повернул посмотреть, что там мешает. И вдруг большой чёрный червяк крема выпрыгнул из тюбика и лёг точно на голову, рубашку и костюм. Пришлось мыть голову и менять одежду.

И так он всё печально и трагически рассказал, что трудно было удержаться от смеха и выразить сочувствие.

Или ещё, захожу в секретную часть в штабе и вижу любопытную картину. Мичман решил спустить воздух из батареи, для чего принёс чёрный резиновый шланг, надел одним концом на трубу батареи, а другой высунул в форточку на улицу. И включил кран на батарее. Давление оказалось слишком большое. Шланг чихнул паром, от реактивной силы влетел назад в помещение, и стал извиваться и прыгать, обдавая всё вокруг паром и брызгами. Мичман ловил этот шланг и упорно толкал в форточку, откуда шланг вырывался назад, погреться в тепле кабинета. Потом я выключил кран.

Борьба прекратилась. Шланг поник, побеждённый. Или за-
таился до следующего раза...

– Да ты просто Лаокоон!

– Не надо меня оскорблять, у меня и так все документы
залиты водой.

– Это комплимент. Был такой мужик бородатый в Древ-
ней Греции, со змеем боролся, статуя из мрамора стоит в
Одессе. Только он был голый, помогли ему два сына, а змея
не такая шустрая. А у нас – горячая, темпераментная змея.
И сыновей нет.

Так долго на Камчатке ждёшь прихода весны и короткого
лета! Вот конец апреля и перила у лестницы появились над
сугробами, протаяли. Значит скоро лето!

А вот и тепло. Первый раз надел летнюю форму, иду
часть, весь чистый и красивый. А на пути лежит круглая та-
кая картофелина. Свеженькая на вид. Кто же знал, что она
уже была замороженная и размороженная несколько раз и
внутри совсем сгнила! Чистая и круглая, как маленький мя-
чик, лежит на моём пути. И никого вокруг, перед кем ве-
сти себя степенно. Подобрал ногу и красиво пробил, как пе-
нальти. Разлетелась она по всей моей одежде. И пошёл я, как
мичман Клыженко, домой, переодеваться и чиститься.

Володя Асеев успокоил меня, когда я добрался на служ-
бу. С кем не бывает! Вот он в детстве хотел бросить через
открытое окно испорченным помидором в знакомых ребят,
что играли в футбол во дворе. Но почему-то попал в верх-

нюю часть своей оконной рамы. И брызги на потолке и повсюду. Он тоже много забавных вещей рассказывал про себя и про своих сослуживцев. Например.

– Жена уехала «на материк», а я решил сварить сгущёнку.

– Так это очень просто, пару часов варить банку в кастрюле с водой– и готово.

– Да, только я забыл про неё и пошёл в кино. Прихожу домой, а у меня на кухне пожарники сидят. Сгущёнка дала очень много дыма, после того как выкипела вода, и банка взорвалась...

Соседи побеспокоились. Выпили мы с пожарниками, закусили и разошлись.

Или ещё. Рассказ про офицера. Назовём его «Валера О.». Приходит этот Валера на службу.

– Хотите, расскажу совершенно новый анекдот?

– А как же без анекдота в начале рабочего дня?

– Так слушайте. Муж ушёл на суточное дежурство в порт. А его жена встретила с любовником. Так все анекдоты начинаются. И тут мужу что-то срочно понадобилось забрать дома. Заходит он в комнату и видит: на стуле висит пояс от чужого пальто. Открывает он шкаф – а там я сижу...

– А не надо было встречаться на её территории.

– А мы и не встречались на её территории. Утром я её провожал до дома, а она предложила зайти попить кофе. И когда раздался звонок – мы пили кофе. Я ей посоветовал сказать, что одноклассника встретила, но она испугалась и затолкала

меня в шкаф.

– А чем закончился анекдот?

– Он меня убил, и весь отдел веселился на поминках. Да ничем не закончился.

А ещё запомнилось, как мы с Володей Асеевым попали одновременно в госпиталь, «на горку» – здание на пригорке. На Пасху нам в столовой давали яйца. Не крашеные, – время не пришло, но уже яйца. Конец «перестройки». Володя посмотрел на меня из противоположного конца столовой, мы встретились взглядом. Он встал и бросил мне яйцо через зал. Все затихли и стали следить за полётом яйца. Так вся страна следила за полётом первого спутника Земли. Яйцо летело в тишине по правильной траектории к моему столику, где я его успешно поймал. Зал, ещё не привыкший к летающим яйцам, изумился.

Ну и, конечно, летом не только рыба, но и грибы, ягоды, шишки с кедрового стланика. Каждый выходной в июле-августе мы с женой Леной и дочкой Тоней шли в лес за грибами или ягодами. Жимолость, княженика, голубика, шикша. Иногда из военной части выделяли целый грузовик для поездки семей офицеров на природу. Вот, помню, в Нальчево ездили. Когда подъезжали к берегу океана, увидели медведя. Он тоже посмотрел на нас, не очень заинтересовался нами в качестве пищи и быстро убежал в лес. После этого мы собирали грибы, шишки. Лезу я по кедровому стланику, слышу, кто-то впереди меня замер, ветки перестали трещать под

ногами, потом дрожащим женским голосом говорит: «Скажите, пожалуйста, Вы не медведь?». Правильно, к медведю надо обращаться на «Вы». «Нет, в паспорте у меня такого не написано, думаю, что не медведь». «Спасибо!» – обрадовался голос.

Поверила. Никакой бдительности. А вдруг я обманул?

Когда прилетаешь в Петропавловск-Камчатский или улетаешь «на материк», видно, что город отвоевал у природы самую каёмку, краешек вдоль берега залива. А господствуют – горы, сопки, леса. Да и пусть себе господствуют. Не надо вмешиваться в эту красоту и гармонию.

2017 г.

Папин рассказ

Он так мало рассказывал про войну. Мы с ним разговаривали очень давно. Он ушёл из жизни, когда я ещё не был в Афганистане, и подробно его не расспросил. Только эпизодами.

Что на его шапке осколком снаряда оторвало ухо. А его товарищу, такому широкоплечему сибиряку, который мог поднять и нести в атаку пулемёт Максима, мина попала в спину, и хоронить было нечего.

Что было самым страшным? Это голод и холод в окопах на Сахалине, когда ждали нападения японцев.

О чём они тогда говорили в окопах? О мирной жизни. О еде старались не говорить. Развлекали друг друга анекдотами и историями. Вот одна из них.

Был у них большой начальник, полковник Босый. После войны стал командующим погранвойсками. Приезжает с проверкой на границу. Решил переночевать, а свободных кроватей нет. Ему постелили постель на место сержанта, ушедшего в наряд. И забыли предупредить бойца. Ночью он приходит после службы и видит, что на его месте кто-то спит. Сержант растолкал наглеца.

– Давай освобождай моё место.

– Я Босый! – отвечает полковник.

– А мне похрен, босый ты или обутый, вставай и уматы-

вай!

– Да я полковник Босый!

Или ещё рассказывали страшную историю, что их заставу бандиты вырезали в тридцатых годах. Сняли часового и всех спящих убили шомполом в ухо. А повар спасся. Залез в котёл с крышкой. Только ноги обжёг.

Через сорок лет мне такую же историю рассказывали на каждой заставе китайской границы. И удивлялись, что мне это известно. Легенды живучи.

Все писали рапорты о переводе на запад, на фронт. И те, кто рвался в бой, и те, кто мечтал поест по фронтовым нормам.

Я запомнил из папиных рассказов, что в мороз лучше не прыгать и не

бегать для согревания. Если чуть вспотеешь – ещё сильнее замёрзнешь. Лучше сжаться в клубок вместе с товарищами, пригреться и терпеть холод. Если нельзя разжечь костёр.

И ещё «сивучий жир». Очень противный, но другой пищи зимой не было. Кого не рвало – тот сохранял работоспособность. Папу не рвало.

Посылали команды охотников в лес, но животные как почувствовали, ушли из района границы. От цинги пили хвойный отвар. Японцы провоцировали столкновения, нарушали границу, стреляли, а нашим была команда не поддаваться на провокации. Опять не поддаваться на провокации, как с немцами в 41-м. Он всё это видел, в армии с 1939 года.

До призыва в армию он успел окончить курсы учителей и поработать в школе. Красноярский край, село на берегу реки Кемчуг. У его отца была пасека. И каждый год охота на пушного зверя. С детства моему папе надо было экономить патроны, метко стрелять. Поэтому всегда он был лучшим снайпером в военной части. И знак носил «Ворошиловский стрелок»

Вызывают его к командиру. Там уже находятся двое друзей отца. Лучшие спортсмены части. Они принимали участие в соревнованиях по боксу, и по поднятию тяжестей, и по всем другим видам спорта. Так было тогда принято.

– В частях укрепрайона оказался предатель, – хмуро начал говорить командир. – Он бежал к японцам. Принимал участие в строительстве укреплений, знает систему нашей обороны и может выдать японцам ценные сведения. Сейчас он находится на японском сторожевом посту. Но в ближайшее время его поведут или повезут в штаб, который находится от поста на расстоянии двух километров. Ваша задача – перехватить его живым или уничтожить. Для чего незаметно перейти границу и сделать засаду на японской стороне. Вы двое попытаетесь сделать это без шума. Если не получится – старшина Яковлев будет стрелять. Первая пуля в предателя, потом в конвоирующих японцев.

Взяли сухой паёк и вышли в ту же ночь. Начало лета, но листва уже густая и высокая сахалинская трава. Это помогло перейти границу и устроить засаду на дороге.

Двое бойцов расположились в кустах возле насыпи. А отец залез на старое дерево, откуда был хороший обзор и сектор обстрела.

Вот и рассвет. Долго ли ждать? Попробуйте залезть на дерево и посидеть там пятнадцать минут. Даже на самых широких ветках. Отнимаются и ноги, и спина. А они ждали три дня. Без достаточных запасов воды и со скромным сухим пайком. По дороге проходили японские военнослужащие, проезжали автомобили, но перебежчика в них не было. Напряжение предельное, каждую машину надо было брать на прицел и принимать решение. На третий день они увидели на дороге двух японцев, которые вели перебежчика. У него были завязаны глаза, связаны руки. Его подталкивали конвоиры, чтобы знал, куда идти.

Вот поравнялись с засадой. Бойцы бесшумно выскочили из кустов и ударом по голове оглушили японцев. Их пленник слышал шум и начал вращать головой. Но его молча стали подталкивать к нашей границе, и он продолжал идти. Только успели пересечь границу, как японцы объявили тревогу на посту и побежали вдоль своего рубежа. Глаза развязали предателю уже на территории нашей части. Он оказался ченцем, из числа тех, которые против советской власти.

Прогнали японцев с Сахалина и Курил. Идёт 1946 год, а в запас всё ещё не увольняют. Семь лет срочной службы. Во время войны папе предлагали несколько раз аттестоваться на офицерскую должность, но он отказывался,

хотел вернуться к учительству в далеком сибирском селе, куда и дорога была только по реке. Вернуться к мирной жизни, пасеке, охоте, рыбалке. А офицеры должны будут продолжать военную службу. Так и проходил всю войну старшиной.

Он не умел ни хитрить, ни обманывать. И тут подходит к нему хитрый друг.

—Семён, мы можем уволиться из армии раньше всех.

–Это как?

–Надо написать рапорт на поступление в военное училище в западной части страны. Затем не поступить в него. Говорят, что в таком случае не отправляют назад в часть, а увольняют!

Так они и сделали. Приехали в Харьковское пограничное училище. Всех участников войны собрали в один взвод. А выпускников десятых классов – отдельно. Построили всех. Начальник училища вышел перед строем и задал вопрос: «Кто из вас передумал сдавать экзамены в наше училище, шаг вперёд!» Весь взвод участников войны сделал шаг вперёд.

–Вы шагайте назад. Те, кто воевал, принимаются в училище без экзаменов.

Ну вот, схитрили. Что теперь делать?

Подошёл к отцу один умный командир. Объяснил, что уже семь лет стажа за плечами, есть смысл продолжить службу. А если демонстративно не учиться, то можно получить и уголовную ответственность. Время такое суровое.

Вот так папа стал офицером. И мечтал всю жизнь поохотиться в Сибири, завести свою пасеку, собирать кедровые орехи.

В детстве перед сном мне рассказывал про удачную охоту, про ночевки в тайге, про повадки пчёл, какие они умные и организованные, про речку Кемчуг. А про войну –совсем

мало. Нельзя детям страшные истории рассказывать перед сном. Чтобы хорошие сны снились.

2017 г.

Продовольственная программа

Хотите, передам дух времени? В Одессе продавались сувенирные консервы.

Банка пустая, запечатанная, на ней надпись «Одесский воздух». Дочка повезла в Америку – там не поняли, какой ещё особый воздух. А тут дух эпохи, начало восьмидесятых. Ещё жив Ильич. Тот, который Леонид Ильич. Как мы к нему относились? Не было ни любви, ни ненависти. Как можно ненавидеть человека, о котором каждый день слышишь анекдоты? Вы любите свежие анекдоты? Как вы относитесь к Абраму и Саре? Вот так мы относились к товарищу Брежневу.

Сейчас хотят сказать, что мы очень плохо жили в то время. Может сложиться впечатление, что мы проводили время, стоя в очереди за «Докторской» колбасой. Про колбасу сразу вспоминается мамин инструктаж, перед очередным моим отъездом на учёбу в Москву после каникул.

– Не ешь колбасу, не порти себе желудок!

– А что же кушать, чтобы не портить?

– Лучше зайди в кафе или столовую и поешь жиденького. На второе – мяса или рыбы, сметанки возьми.

Когда смотришь статистику потребления мясных продуктов на душу населения, то получается значительно больше, чем сейчас. Хорошие продукты «доставали» несли, везли.

Мужчина чувствовал себя охотником, несущим в дом добычу. Это повышало его статус и настроение. Не отставали и женщины. Будто готовились к голоду. Если человек идёт, то в руках у него тара, заполненная чем-то или ещё не заполненная.

Ну и в больницах, пионерлагерях, санаториях, домах отдыха, в армейских столовых все старались повесить потребление мяса на ненасытную душу населения.

Ещё не хватает? Тут Леонид Ильич и провозгласил продовольственную программу.

Приезжаю на пограничную заставу Одесского отряда, которая называется «Каролино-Бугаз», по названию курортного посёлка на берегу моря. Застава ведёт наблюдение за проходящими судами с помощью РЛС.

Всего 14 человек. Старшина заставы, прапорщик Сафин, выполняя продовольственную программу, выкармливает 15 свиней. Гордится, что свиней у него больше, чем личного состава. Каждое утро едет заставская машина за пищевыми отходами на соседние базы отдыха. Огромные свиньи готовятся внести вклад в продовольственную программу партии.

Утром вижу грязную машину ГАЗ-66.

—Где это вас носило ночью?—спрашиваю старшину.

—Время сейчас такое. Осень. Как говорит русская пословица: «Одна ночь – зиму кормит».

—Правильно «один день».

—Не всегда получается. Приехали в колхоз, попросили ка-

пусты для заставы на засолку – не дали. Жадные. Пришлось ночью собирать. Ночь кормит зиму.

–Вам же солёную привезут в бочках.

–Там не умеют солить. Мы делаем вкусную капусту, для себя. И рыбу сами ловим – местные власти разрешили поставить одну сеть в лиман для заставы. И с другими заставами делимся.

А вот и знакомый корреспондент военной газеты пожаловал. Уже был здесь, написал статью про жизнь на заставе.

–Солдаты прочитали, все смеялись над одной неточностью, –говорю ему.

–Какой неточностью?

–Там о прапорщике, который заглянул в казарму и сказал: «Тише, солдаты спят после службы». И осторожно закрыл дверь.

–Вы думаете, что я не знаю, что он устраивает общий подъём, если кто-то неаккуратно сложил свою одежду? Я знаю. А пишу так, чтобы человек прочитал и подумал: «Вот как правильно себя вести».

Застава полностью выполняла продовольственную программу. А если потребуется вино для гостей? Приезжали и артисты, и поэты, и герои войны, и даже члены экспедиции на Северный полюс во главе со Шпаро отогревались.

На южном склоне лимана жил дед. Известный винодел. Когда-то снабжал вином своего знакомого глазного хирурга академика Филатова. Запомнился разговор с ним. Я искрен-

не заинтересовался, как правильно делать вино.

–Мне уже семьдесят два года. Сам уже вино не пью, –начал с улыбкой дед. –Но для друзей и знакомых стараюсь. У меня красивое, вкусное, прозрачное вино.

–А почему прозрачное? – поинтересовался я.

–Тут нет секрета. Надо очень тщательно мыть бочку, чтобы никаких бактерий или дрожжей не осталось с прошлогоднего вина. И вино должно быть «живое».

–А в бутылках «мёртвое» вино?

–В бутылках разными способами прерывают процесс брожения, и в бутылках бывает вино вредное для здоровья. А от моего вина голова не болит.

–Почему же от вина иногда у людей болит голова?

–От нарушений древней технологии приготовления вина. Вино не должно соприкоснуться с металлом. Только деревянная, стеклянная или эмалированная посуда и все детали пресса. Но главное – правильное выращивание винограда. Плоды винограда активно всасывают всю ту «химию», которой его обрабатывали. Всё это оказывается в вине, и от такого вина болит голова. Но чаще – от сивушных масел.

–Откуда в вине сивушные масла, это же не самогон?

–Когда хотят сделать вино слаще, добавляют сахар. Он в процессе брожения образует сивушные масла. Девушки любят сладкие вина. Но надо знать, что у такого вина две боксёрские руки. Правая бьёт в голову, а левая – по печени.

–Вы каждый год делаете одинаковое вино?–спрашиваю я.

–Вино получается каждый год разное. С одного виноградника. Влияет погода, солнце, микроорганизмы, условия брожения. Вино – это сложная жизнь. Как и наша.

Возвращаемся с заставы рано утром. Перед въездом в Одессу небольшая пробка. Скопились десятки молоковозов, доставляющих по утрам в город свою продукцию.

Если вспомнить всё это, то получается, что не так и плохо было с продовольствием. Да, бананов не было. Кто-то скажет, что свиней должен выращивать фермер, а не старшина заставы. И это правда, не поспоришь. Но я же говорю о том, что было.

До того, как пришли бананы.

2018

Печальная рыбалка

Эту историю я услышал в афганском вертолёте. Кто-то скажет, что в вертолёте ничего нельзя услышать, мотор громко работает. А мы сидели в том вертолёте, который подбили при посадке ещё два года назад. Он не загорелся, корпус вертолёта был целый. Его принесли на брёвнышках солдаты после отсоединения тяжёлого мотора. И отсоединять было непросто. Набора вертолётных ключей не было. Что не смогли открутить автомобильными ключами – отсоединяли накладными зарядами взрывчатки. О, я ещё крестовину взял себе в рюкзак, она не отсоединялась и была подвижно соединена с двумя железяками, как сустав. Кто-то сказал, что она подходит на «Жигули», и ей износа не будет. Хотел подарить другу, когда поеду в отпуск. Я её таскал в рюкзаке по всему ущелью почти месяц. Я пропитался запахом вертолётной смазки. Я повёз надоевшую железяку с собой в отпуск через весь Союз. Я её подарил другу. А она не подошла по размеру. Но всё было не зря. Друг её подточил на заводе и вставил в свои «Жигули». Ей не было сносу. Представляю, сейчас автомобиль давно сгнил, рассыпался в труху, а среди ржавчины сияет, как памятник, моя крестовина.

Из корпуса вертолёта сделали офицерскую столовую. Обложили его каменным дувалом, забором таким, от осколков и пуль. Стало культурно и уютно. Обедаем.

–Старшина, разберись, почему у компота странный привкус и запах, – тоном боевого приказа произнёс майор, командир мотоманевренной группы, стоящей заставами по всему ущелью.

–Обязательно разберусь.

–Только сам проверь, у повара не спрашивай, он уже неделю говорит нам, что сухофрукты пересохли, потеряли качество.

Разбирался он недолго. На складе поселилась крыса. Чтобы её прогнать, старшина сам взял у местных кота и закрыл на складе. Кот решил, что ящик с сухофруктами будет ему прекрасным туалетом. Вот откуда был и вкус, и запах. Да, брезгливым нечего делать на войне.

Одесса

Детские воспоминания

Все воспоминания о раннем детстве –эпизодами, обрывками, невозможно определить, что было раньше, что позже. Детство было светлое. У кого-нибудь бывает тёмное детство?

Сначала мы жили в школе. Все учились в школе, а мы и жили в школе. В маленькой комнате, и ещё была кухня с печкой. Мама была директором начальной школы в городе Находке. Школа –бревенчатая, два этажа. А папа–офицер-пограничник. Ещё у меня была старшая сестра Валя.

Вокруг школы –асфальтированная площадка и цветы. Школа на склоне сопки –это горы там так назывались. И с площадки были видны горы вдаль, а поближе –болото и озеро Солёное. Его никто не пробовал, но оно так называлось, все верили в его солёность. По лесу и по болоту текли ручьи.

Возле озера они образовывали рукава, и мы там ловили на удочку рыбу со странным названием «гальян». Город-порт, много моряков, мы знали, что такое «гальян» –туалет на корабле. А рыба –«гальян». Маленькая, но вкусная. В начале лета болото становилось фиолетовым –это цвели болотные ирисы. Обычно они жёлтые, а на Дальнем Востоке – фиолетовые.

Летом на площадку перед школой выставляли на покраску деревянные парты. Запомнилось, как мы с Валеё сидели на этих партах и ели необычное для тех краёв лакомство –сливы. Их называли «сливки». Потом было удивительно узнать, что из молока тоже могут быть сливки.

В школе был хор. Там пели песни, которые мне не очень нравились. «То берёзки, то рябины, кустракиды над рекой». Кто такие кустракиды? Пацаны обзывались «кастратами» – так-то понятно, объяснили, а «кустракидов» никто не объяснил. (Уже сейчас в интернете узнал, что не один я заметил «кустракидов». Мы пели одинаковые песни.) И ещё –страшную песню: «Ленин всегда живой, Ленин всегда со мной». Страшно. Как Кошей бессмертный, но я уже точно знал, что Ленин умер, а теперь вот он ходит где-то рядом. Хотя для детей это был добрый дедушка. И с ним связаны воспоминания о самом торжественном событии в моей жизни. Приём в пионеры. Возле памятника Ленину. Вот были «малолетки» октябрята, и вдруг все одноклассники повзрослели, засветились яркими красными галстуками.

Но это было позже.

Сестра играла на пианино песню: «Из края в край вперёд иду, сурок всегда со мною». Ну это нормально и не страшно, что он «всегда со мной». Дрессированный. У нас тоже была собака Альфа, потом её украли. Не очень дрессированная. А у тех, кто в песне, –сурок. Он зверёк –привязался. А с Лениным что-то напутали. Потом уже я узнал, что это слова Ге-

те, музыка Бетховена. У кого-то ручная белочка, а у великих людей сурок. А Ленин со мной, потому что он у нас в голове. А что в голове, то не вытащить оттуда.

И книги были на этажерке, которые пугали своими названиями: «Дети подземелья» и самая страшная—«Мёртвые души».

А была песня, которая мне нравилась. «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах»—мы её пели с папой, когда шли в парную баню в погранотряд, несколько километров по лесу вдоль ручья. Назад уже в темноте шли, глаза привыкали, и было светло.

До четырёх лет меня мыла в женской бане мама. Но в четыре года, я это помню, обратил внимание в бане на молодую красивую учительницу, мамину подружку. У неё была такая красивая фигура, что я уставился на неё и остолбенел. Они ходили в баню большой компанией, все начали смеяться, что-то говорить моей «избраннице» и маме. После этого — только с папой, гордо и в погранотряд. Туда, где в парной мужики плескали воду в какую-то преисподнюю, и оттуда валил пар. Дубовый веник мы изготавливали в лесу, по пути. Там был большой дуб, который даже зимой не сбрасывал листву.

А у самой красивой учительницы скоро появился «ухожёр». Так мама сказала папе, а я слышал. Я понял, что это не на самом деле, как и «спиногрыз». Уши у красавицы он вряд ли сожрёт, как не грызут дети спины родителям. Лично я точно не грыз.

Скоро я сам увидел «ухожёра». Он привез её на самосвале. Такой выбражуля! Выгрузил пассажирку, а потом так нажал на газ, что грязь полетела из-под колёс. Хотел всем показать, какой он «крутой», как сказали бы сейчас. А тогда я только мог подумать: «Выбражуля!».

Если бы мы не жили в школе, то я бы написал первое слово «мама». Но мы жили в школе. Школьный хулиган из третьего класса со странной фамилией Переоридорога (школьники звали его «Пердидорога») научил меня писать мелом на асфальте слово из трёх букв. В тот редкий выходной, когда мама и папа были дома, я похвастался, что умею писать слова. И быстренько мелом на заборе изобразил. Им почему-то не понравилось, а папа заставил всё это стирать. Помню, как я тёр занозистую доску куском кирпича. Зато быстренько научили всем остальным буквам. И слова, как оказалось, есть плохие и хорошие. Так и цифры тоже – двойка плохая, а пятерка – хорошая.

Зима была тогда таинственная и загадочная. Мы с Валеёй узнавали о её начале по звуку совковой лопаты по асфальту: это дворничиха вставала очень рано, когда ещё темно, и чистила от снега дорожку к школе. Потом наступал Новый год. В школе стояла большая ёлка, привозили яблоки и мандарины, покупали конфеты, и учителя делали мешочки с подарками. После этого мы, детвора, лазили в ящиках из-под мандаринов и яблок, которые так вкусно пахли. И ни разу там не нашли в соломе и опилках оставшегося фрукта.

Дедом Морозом был папа. До сих пор помню, как я напугался, когда он зашёл домой и громким командирским голосом произнёс: «Здравствуйте, дети!»—и стукнул палкой в пол. Я полез под стол, начал кричать, а мама меня успокаивать, что на самом деле это папа, а не дед. Она под звук моих воплей пыталась раздеть «деда», содрать с него бороду, но это ей не удалось с первого раза. Потом я поверил, что это папа, а не ужасный дед со страшным дрыном в руке.

А вокруг ёлки дети водили хоровод. Я был медведем, шёл вокруг ёлки и пел: «Вперевалочку идёт косолапый мишка, он несёт в подарок мёд и большую шишку!» Я старательно косолапил. На мне была маска и коричневый костюм «с начёсом». А на Вале был костюм чёрта. Папа сделал ей хвост — внутри жёсткая проволока, которая цеплялась за детей-атеистов, доказывая, что черти существуют.

Через много лет я своей дочке Тоне в уши заячьего костюма вставил стальную проволоку. На новогоднем празднике у всех зайцев уши печально висели, а у нашего стояли и даже цеплялись за гирлянды! Всё повторяется.

Мы всегда хотели, чтобы у нас на ёлке игрушки светились! Брели у папы в «тревожном» чемодане сигнальный фонарик и светили на ёлку разным светом.

Детей было много, а телевизоров ещё не было. Все на улице катались на санках. У некоторых были тяжёлые, самодельные, которые гремели, когда катились с горки. На них ехало несколько человек, а если падали, то образовывалась «куча-

мала». Чуть постарше мы играли в хоккей на болоте. Там всё замерзало, лёд. Клюшки из веток деревьев, а шайба— банка консервная. Но азарт до самой темноты.

А ещё первые воспоминания о магазинах. В круглых стеклянных вазах, типа кубков, было насыпано печенье, конфеты. Конфеты были одинаковые по всей стране: круглые карамели с повидлом, маленькие подушечки, посыпанные какао, без фантиков. А в фантиках — «Ириски», «Ласточка», «Школьные», «Спортивные», (как «Школьные», только слишком сладкие), «Медведи», «Мишка на Севере», «Белочка». Были вкусные и натуральные напитки: «Лимонад», «Крюшон», «Крем-сода», «Пчёлка» —это с мёдом. В «Крем-соде» мы не видели ни крема, ни соды. В центре города продавались трубочки с кремом. Хрустящие. А один раз —фруктовое мороженое. Его накладывали в хрустящий стаканчик. Розовое, с изюмом. А в магазине возле кинотеатра «Буревестник» рыба всякая, горка крабов и судок с красной икрой и чёрной икрой. Мне там не нравилось —там селёдку продавали. Я не любил запах, и морды у селёдок были высокомерные.

Когда в СССР запустили спутник, помню, что мы все радовались, и было много новогодних открыток со спутниками. Ракеты иногда изображались даже с ручками и ножками. Зачем им руки и ноги в космосе? Да ещё такие тонкие, как у пауков? А когда полетел в космос Юрий Гагарин, мы очень гордились и вечером смотрели в небо, пытались его увидеть

среди звезд. И ещё запомнился журнал «Крокодил», там были нарисованы американцы в шляпах, спящие на атомных бомбах. Так они мне и представлялись — спят себе на бомбах, бедные. Злятся на нас, спящих на кроватях.

А ещё мы с папой ходили на футбол. Набирали в термос газированной воды. Там я узнал, что из судей можно делать мыло. И ещё много всяких слов про вратаря, пропустившего гол. А в перерыве звучала песня со словами: «Обойти друга друга ли, колоски помнёшь, ой ты, рожь!». И я их представлял, что они толстые, как слоны, не помещаются на тропе и топчут колоски. Но всё равно можно найти какой-то выход, думал я, чтобы не мять рожь. Ну пусть один присядет, а второй перепрыгнет.

Мы заходили в припортовую пельменную. Там обедали рабочие из порта. Они все были крепкие, как кони, и ели много пельменей. При этом поливали их стоящим на столах уксусом и сыпали много перца. А некоторые брали пельмени с бульоном, большую тарелку. И тоже всё съедали с аппетитом. Говорили громко, смеялись и много ели. Наверно, хорошо работали.

Возле леса у нас был огород с картошкой и ещё какими-то овощами. Мы там с мальчишками вытащили из земли свёклу, пытались грызть. Но она оказалась невкусная. Кто-то из развитых мальчигов сказал, что это не сахарная свекла. Вот сахарная была бы сладкая. А в лесу были вкусные стебли травы кислицы и почки дикого винограда и барбариса. Тоже

кисленькие.

Картошку мы копали всей семьёй. Там я увидел медведку. Её быстро убили, вредная она. Картошка не вредная, но мы её тоже съели за зиму.

В первом классе, в сентябре, мы с моим другом Васькой после школьных занятий пошли ловить рыбу. Рыба так кле-вала, что мы не могли оторваться до темноты, наловили по ведру. Припёрли домой и получили нагоняй от родителей за невыполненные домашние задания. А вы найдёте сейчас первоклассников, которые наловят ведро рыбы? Похвалить надо было. Другое время. Главное—работа, учёба. Родителей видели по вечерами в выходной. Сами разогревали обеды. Пробовали не разогревать, но тогда было совсем невкусно — жир в супе или борще плавал по поверхности кусочками. Самообслуживание. Особенно когда получили квартиру возле леса и переехали из школы.

Это раннее детство. А где место рождения?

Говорят, там, на берегу озера Солёное, бараки были, да их разрушили сразу, как люди оттуда переехали в квартиры. Страна строилась, кипела, шла вперёд.

2015 г.

Почему я не стал артистом?

Начну с первого класса той самой четырнадцатой начальной школы, что в городе Находке, на склоне сопки. Сначала я был танцором. Танцевали мы матросский танец «Яблочко». В красивой матросской форме. У меня была почти настоящая матросская бескозырка, я ей даже гордился некоторое время. Но тут кто-то из пацанов, внимательно изучив сшитый наскоро головной убор, заметил, что внутри имеется резинка от трусов. Все стали смеяться. Да, вечером от старой пограничной отцовской фуражки оторвали козырек, материи подходящей не нашли и использовали чёрные армейские трусы. Пришили ленточки и надпись «Аврора». Я танцую, а они смеются.

Больше не танцевал.

А вот на следующем утреннике декламировал стихи. О Ленине, не просто про зверушек каких-нибудь или там про Деда Мороза. Ещё и автор совпал по фамилии и имени со мной. Так и объявили: «Юрий Яковлев, стихи о Ленине. Читает ученик первого класса Юра Яковлев».

Мы долго репетировали перед этим с учительницей. Особенно вот это место:

«И сказал отец тогда

Ласково и строго:

– В жизнь сынок шагай всегда

Ленинской дорогой!»

–Ну что ты так тихо мямлишь: «Ленинской дорогой»?–возмущалась учительница.

–Надо громче?

–Да, как можно громче, про ленинскую дорогу.

Ну подождите, думаю. Это вам не трусы на голову надевать. Я вам себя покажу, как я умею.

И вот я читаю стихи, родители все слушают со скучающими лицами, дети совсем не слушают. Дошёл я до козырного места и так заорал: «Ленинской дорогой!», что они все вздрогнули. И дети, и родители, а потом начали потихоньку хихикать. Видно, они без понятий в поэзии.

Как-то не складывались отношения со сценой.

И в старших классах, уже в Одессе. Да, на КВН –там всё было в порядке. А вот на вечере английского языка я играл деда, который должен был говорить: «Дэвид Копперфильд?» И качать головой. Оказалось, что качать головой я не умею. Я могу головой кивать утвердительно и крутить отрицательно. А качать – получались наклоны корпусом, как на зарядке. Чуть-чуть научился перед зеркалом. К нам пришёл настоящий гримёр из киностудии, которая находилась через дорогу от школы. Он нарисовал мне морщины у глаз и приклеил усы и бороду. Получился какой-то монгольский старичок.

–Тебя разгримировать? –спросил он меня после вечера.

–Нет, я сам!–легкомысленно ответил я.

–Ну смотри, как хочешь.

Сначала я бегал по школе и заглядывал в классы, где ещё шёл последний урок. Это вызывало оживление. Потом надоело, и я попытался оторвать усы.

Но они намертво приклеились к волоскам. Было больно. Пример уже ушёл. В учительской мне дали одеколон. Я им отмачивал усы и отдирал. Не получилось. Оторвал только половину уса, которая теперь висела под носом. Поехал я домой продолжать экзекуцию. В автобусе пассажиры заглядывали мне в лицо и прятали свои кошельки подальше. Я это даже заметил. Но милицию никто не вызвал. Дома всё содрал с себя с болью. Сейчас этот процесс назвали бы красивым словом «эпиляция».

Ох и тяжёлая это профессия – артист!

А на вечере химии я был батюшкой, в чёрной рясе. Я должен был показать, как из пустого ящика вылетает, объятая пламенем, душа грешника. На дне ящика был насыпан фильтрат йодистого азота (до сих пор помню). Я в него ткну указкой, и он воспламенится. Но он недостаточно высох, мы торопились и поздно его сделали. И вот, вместо «объятый пламенем», к потолку потянулась тоненькая струйка дыма. Смех в зале. А может, душа такая тоненькая? Говорят же: «Тонкая душа поэта». Кто видел душу? Нет, так не смейтесь, будто у меня трусы на голове!

Тут ещё, как чёртик из табакерки, выскочил на сцену маленький пионерчик в красном галстуке, с заученным текстом про пламя, вознесшееся в небо. Пятиклассник нанятый, дол-

жен был меня, «священника»-старшекласника разоблачать. Я ему знаком показываю, что про пламя лучше помолчать, но он продолжал бойко вещать зазубренный текст, при этом наступил мне на рясу и чуть не разоблачил совсем. Я сначала дергался, под смех публики. Борода на веревочке съехала на шею, как ожерелье, и я коленом треснул пионера под зад, мне казалось— незаметно, чтобы он, собака, слез с рясы. Он оказался лёгким, слетел с рясы и рассыпал йодистый азот из ящика. Под ногами послышался треск и пошёл дым. Публика была в экстазе. Школьные хулиганы с последнего ряда кричали «браво».

Явно не сложилось у меня со сценой. Да я и не жалею
2017 г.

Одесса, лето, конец шестидесятых

Лето в Одессе –это море. Когда ты наклонился, чтобы обуться, а из носа вытекает морская вода. И в ушах вода. Кто-то, как большая цапля, прыгает на одной ноге, наклоняя голову к плечу, кто-то стучит себя ладонью за ухом, чтобы она вылилась. Бывает, и выливается. Завтра опять наберётся. И это нас лечит. Вот пломбир, купленный за 20 копеек на пляже «Дельфин», приносит ангину. А море её сразу уносит за горизонт, и все здоровы.

Лето мы проводили на диком пляже между «Дельфином» и «Стариком». Да, там на большой скале была надпись «Старик», потом скалу снесли и построили на её месте уродливый дом. А на нашем диком пляжике с большими жёлтыми камнями стоял сарай для лодки с надписью «Кабель! Якорь не бросать»! Там по дну шёл кабель, и в море между двух больших буёв плавали корабли, «размагничивались». Да, тогда было много кораблей с одесской припиской. Хорошо было в шторм поплыть к этому большому бую, взобраться на него и покачаться на волнах. Никто не запретит –спасатели в шторм в море не выходят.

Когда нам было по 13-14 лет, мы были увлечены подводной охотой. Самодельные подводные пистолеты. И много бычков. Бычок, который рыба, а не муж коровы.

Лист жести, костёр. На жести хрустящие мидии. Похру-

стывающие. Не поджаристой корочкой, а попадающимися песчинками. Может, это такой одесский жемчуг?

Виталька, Валера, Андрей и я. Грелись на солнце, мечтали. В хорошее время жили: кем хочешь быть – тем можешь стать. Виталька хотел быть художником и стал художником, Валера, у которого в комнате коммуналки всегда пахло канифолью и паяльником и пачками высились подшивки журнала «Радио», стал инженером и мастером на все руки.

Андрей – известным хирургом, а я начитался книг про разведчиков и тоже осуществил мечту. Или мечта была иной? Мечта всегда светлее жизни.

Стоп! Назад на пляж. Мы немного повзрослели, и девочки составили нам компанию вместо подводных пистолетов. Хорошие девчонки. Вернусь к мечте. Как без неё?

– Везёт тебе, ты можешь мечтать, кем тебе быть. А за меня уже всё решили, – пожаловалась Ленка Филатова, внучка известного врача. Скромная, симпатичная девочка, культурная и даже стеснительная. У нас все были симпатичные и умные девочки среди друзей. Ира Збандут, с яркими глазами, с нежной кожей, маленькая, хрупкая. Но рюкзак могла в походе нести тяжеленный. Или Ира Кролевская. Принесла нам в коммуналку Витальки и Валеры, где мы частенько собирались, суперсалат французский, сама делала. В состав входило много чего, но клюква и бананы – точно. Деликатесы залиты майонезом, который всё портил. Когда она ушла, мы отмыли под краном ингредиенты от майонеза и всё съели,

тем более, банан был тогда редким лакомством. Его могли привезти только спелым и ароматным, не было технологии созревания банана в камере с помощью вредоносного газа.

А Ира из Новгорода? Она приезжала к нам, как комета с неба, натуральная блондинка с фигурой артистки, с детской улыбкой и плавной русской речью. Мы все в неё периодически влюблялись, а она уезжала до следующего лета. Дочка известного художника Пустовойтова, умела видеть красоту в природе. Да нам всё равно, кем были твои родители – тогда такое время было, важно, кто ты сам есть на свете.

Когда я уже служил в армии, Ира пришла в гости на КПП. Все свободные от службы побежали смотреть на пришедшую красавицу. Оказалось, что это ко мне. А ведь солдаты были мужчины! Можете представить, что в нынешнее время молодой человек оторвется от своих «гаджетов» и побежит на кого-то смотреть? Сомнительно.

А какие мы себе электрогитары сделали! Как у битлов! С рогами, облицованные пластиком! И играли втроём. Старые приемники вместо усилителей! «И хочется пить нам, верблюдам, и трудно в песках нам идти!»

–Виталик, почему ты рисуешь такие болезненно-яркие картины, нельзя проще?

–Не рисую, а пишу. Ярко, громко – в глухое ухо надо кричать. Люди оглохли от современной жизни.

–Так они не слушают, а смотрят на твои картины. В слепой глаз надо кричать?

–Да, и в глаз тоже.

–Ты нарисовал сову, но у сов нет ушей.

–У сов?

–Ушей, а не усов.

На балконе у вредного деда была коллекция кактусов. Балкон на третьем этаже, на втором этаже балкона нет. Дом старый, этажи высокие. И мы решили похитить только один из сотни кактусов. Важен сам процесс. Наблюдали через бинокль. Изготовили длинную складную лестницу из трёх секций. Составили план побега, если будем обнаружены. Алиби. В назначенный день дед не ложился спать до двух часов ночи. В два часа тридцать минут лестница нашей конструкции пристыковалась мягкими концами к балкону. Все шло по плану. Похищение осталось тайной. «Игра» закончилась благополучно.

Море... И цвета было другого, и запаха. И кораблей было много, и катеров.

–Ой, смотрите, какое судно! На палубе много маленьких катеров! Это мама с детьми! – воскликнул кто-то из девочек.

–А где папа?

–А вон папа!–на рейде стоял «научник»«Юрий Гагарин» с характерными двумя большими белыми шарами.

Мы знали фамилии героев и названия городов-побратимов Одессы по названиям теплоходов, которые ходили по маршруту: Порт, Ланжерон, Отрада, Дельфин, Аркадия, 10-

я станция Фонтана, 13-я, 16-я. Билет стоит от 10 до 40 копеек. Очень удобно для прогулок. Морской круиз почти бесплатно. Можно было полюбоваться красивым городом без нынешних высочайших строений для новых высунувшихся «одэсытов».

А был зелёный мягкий берег, тёплый и добрый, который для людей, для нас.

2015 г.

Привет от муравья

Вода была холодная. Ещё и ветер, никак не согреться после плавания до волнореза. Упал на чистый песок (ну, тогда ещё был чистый песок), уткнулся носом в кулаки, пониже, где меньше ветра. И я его сразу увидел. Может, и он меня тоже, но не обратил внимания. Он был занят. Он тащил высохшую муху. И он был муравьём на этом пляже. Он волок её из ямки в песке куда-то, где этой мухи не хватало. Если бы он просто шёл себе с мухой, я бы и не обратил внимания, как не обращаю внимания на хозяек, несущих что-то с базара или из магазина. Потому что они не пытаются вытащить груз из ямы. А он пытался это сделать, а его сдувал ветер на самое дно. Что же он будет делать? Бросит свою воблу с крылышками? Или это для муравья другое, типа сухофруктов детям? Муравей немного подумал и потащил муху на противоположный склон. Его опять сдуло ветром. Настойчивое насекомое пробовало вытащить свою добычу во все четыре стороны, но результат был одинаковый: сдувало на дно ямки.

Этот сюжет я прерывал без развязки и спрашивал друзей, что бы они сделали на месте муравья. Ну, головы у них большие, высшее образование входит туда, ещё и место остается. Много места. Даже у тех, кто серьёзно учился. Вот их варианты.

—Надо прикопать муху, чтобы не украли другие муравьи,

сходить в муравейник за помощью.

–Да что здесь думать, тащить надо сильней, ждать, когда ветер стихнет.

–Надо подойти к делу основательно. Построить ступени, как на Потемкинской лестнице, и пойти прогулочным шагом, –это предложил будущий строитель.

–Галсы надо вовремя менять, и сама пойдёт, – сказал яхтсмен.

–Пусть найдёт палочку, похожую на альпиншток, и, опираясь на неё, тащит свой груз, – автор идеи увлекался горным туризмом.

–Да бросить её и другую найти, на ней свет клином не сошёлся,– предложила молодая девушка.

А я всё смотрел на муравья. Он крутился вокруг мухи. Откусил ей крылышки, уменьшил парусность и спокойно побегал дальше со своим грузом. Ветер больше не сдувал его.

Он что, соображает вот этой своей микроголовой? А как же мы, высшая форма разума?

–Не зазнавайтесь, прямоходячие! – прошептало насекомое на прощание. Или это ветер подул в ухо?

2017 г.

Спорткоманда

–Вы выберете себе лучшие матрасы. Мы вас призовём в армию на месяц раньше, чтобы не перехватили другие, желающие призвать спортсменов,—это нам так объяснял начальник спорткоманды погранвойск старшина Бардюжа.

А мы все тренировались у Робика в секции борьбы самбо. Официально –у Роберта Самвеловича Бабаянца в одесском «Динамо».

Робик сумел создать интересную команду спортсменов, дружный интернациональный коллектив. Это же Одесса. У нас тренировались три брата– красавца, похожие на древних спартанцев, греки Ярмаки, или такие евреи с умной технической борьбой Андрей Чернецкий и Яша Еленецкий, огромный и добрый Витя Погорилер, интеллигентные братья Лосины, да мы не спрашивали, кто какой национальности–русские, украинцы, грузины... Были и глухонемые спортсмены, известный Рухлядев. Ко всем относились с уважением и добром. И к старшим спортсменам, и к самым младшим. Это заслуга Робика. Или время такое было?

Вернёмся к нашим матрасам. Всю молодежную сборную города призвали в погранвойска и отправили на учебный пункт в Ильичёвск. Нам обещали, что будут только тренировки и соревнования, но пограничный учебный пункт–это три месяца, оказался обязательным. И оказался нелёгким. А

до его начала –погрузочные и прочие работы в военной части и в порту.

Сержанты у нас были с самыми сержантскими фамилиями: Ромашка, Тукало, Рог и Усик. Они не взирали на личности. Прыгун в высоту, Миша Иванов, после юридического факультета университета, постарше нас. Захотел договориться с сержантом Тукало о послаблениях в работе. Но сержант был не Лисицкий какой-нибудь, а Тукало.

–Товарищ сержант, давайте поговорим как культурные люди.

–Иди на хрен, работай!

–Ну товарищ сержант...

–Иди на хрен, работай!

–У меня нет слов, у меня нет слов, нет слов,–пошёл работать Михаил.

Сачковать мы не умели долго. Работали, как на тренировке. Потом научились.

Запомнились соревнования на учебном пункте по поднятию над головой ящика для патронов, залитого бетоном,–есть такой военно-спортивный инвентарь. Все заставы уже ушли в казарму готовиться ко сну, а отделение спортсменов всё ещё ставило рекорд –каждый поднимал этот ящик сотни раз!

На вечернюю прогулку учебная застава шла строем с песней. Пели про «тучи грозовые по ущельям снежных гор». А в тучах скрывались пограничники, «боевой несли дозор». По-

дошёл сержант Тукало, заглянул в рот громко поющему Коле Коцюбе, потом мне и не увидел вылетающих оттуда звуков. Уже темнело. И он решил, что мы просто раскрываем рот, как свежая рыба на Привозе. Все ушли в казарму спать, а мы с Колей продолжили прогулку строевым шагом с песней, которую демократичный сержант разрешил нам выбрать самим. Пели песню беспризорников, разбрызгивая лужи строевым шагом.

На учебном пункте всегда хотелось есть. Но однажды мы хорошо отъелись за пять дней. Как это произошло? Приходит Витя Глазунов, Глазик по-нашему. В детстве я с ним боролся на соревнованиях, когда мы весили по 50 кг. Он пришёл в борьбу из акробатики, и, как его ни бросай, он выворачивался, словно кошка, и вставал на ноги. В армии он был самый лёгкий из нас, 62 кг. Так вот, Витя рассказывает, как над ним пытался издеваться рыжий старослужащий ефрейтор, обитающий на вещевом складе: заставлял ходить строевым шагом, обзывал, приказал подметать его каптёрку, а наш сержант не хочет ругаться со старослужащим из-за нас. Последнее, что сделал рыжий, – брызнул своей зубной щеткой в лицо и нагло усмехнулся, произнеся своё обычное: «Салага!»

–Наверно, я его пару раз брошу на каменный пол,–сказал Витя.

–Тебя посадят за драку, в пограничных войсках порядки жёсткие, надо что-то другое придумать,–посоветовал Вова

Кротов.

Не помню, кто предложил наказание обидчику. В течение дня каждый из нас должен найти рыжего и наступить пяткой на его правую ногу, при этом вежливо извиниться, чтобы все видели. Начинает лёгкая весовая категория, Витя, потом Земляной, я, Слава Малецкий, Вова Кротов, а последний—Коля Коцюба, под 100 кг. После окончания нашего воспитательного воздействия на нарушителя воинских порядков поднялся большой шум, рыжего унесли в санчасть, разрезали сапог, слава богу, обнаружился ушиб и большая опухоль, переломов рентген не показал.

Нас построили перед начальником штаба отряда, и мы все рассказали, что это было стечение обстоятельств, мы не нарочно, ефрейтор очень ноги неудобно растопыривал на нашем пути. Начальник штаба, седой и умный участник Отечественной войны, отворачивался и незаметно смеялся, а потом объявил нам наказание — пять нарядов на кухню. Вот там мы и отъелись. Первый день было тяжело, потом привыкли и отъелись. После этой истории нас уважали и старослужащие, и молодые солдаты.

Много было забавного в нашей жизни на учебном пункте. Витя Глазунов вышел утром на физзарядку и жалуется, что сапоги за ночь ссохлись и страшно давят. Мы посмотрели, а он правый сапог перепутал с левым.

Незаметно подошёл и новый 1972-й год. Организацией праздничного стола занялся сержант Рог. Мы скинулись на

торты. Но сержант был Рог. Он пришёл из военторга и рассказал, что тортов не было, поэтому купил каждому по банке сгущёнки и много трёхлитровых банок маринованных огурцов на праздничный ужин. Из расчёта одна на троих. В полночь мы сосали сгущённое молоко через пробитые в крышке дырочки. Но это был праздник –мы были одесситами, такими, которые ещё существовали в то время, шутки, приколы и рассказы перевешивали все «тяготы и невзгоды военной службы». Лучшее всех рассказывал Слава Малецкий по кличке Шура Балаганов.

–Шура, расскажи что-нибудь «об жизнь» на Ближних Мельницах,–просили мы.

–Шо вам рассказать, вы все такие грамотные, а я не попал в тюрьму, как другие на моей улице, потому что когда была большая драка или маленький налёт на магазин, так я был на тренировке.

–Зачем нам подробный анализ твоей жизни, расскажи что-нибудь романтическое, –настаивали мы,–про любовь.

–Про какую любовь?

–Про первую.

–Ладно, расскажу. Она жила в соседнем переулке. У неё были голубые глаза и голубенькое платье. А у меня старый чёрный велосипед. Всё так красиво начиналось: летнее утро, я на велосипеде, а её мама послала с синим бидончиком за молоком. Она идёт с голубыми глазами и синим бидончиком, а я на велосипеде выписываю фигуры высшего пилота-

жа: то разгонюсь, то резко гальману, ну приторможу рядом с ней. Ей понравился мой пилотаж, и она уже посмотрела на меня два раза. Тут я набрался смелости и предложил подвезти её до магазина. И она согласилась! Села ко мне на багажник, и я её так гордо везу! И тут эта лошадь. В прямом смысле лошадь! Откуда она у нас взялась на Мельницах? Никогда не было там лошадей. А тут стоит, привязанная к забору, жрёт траву.

–Ты так хорошо едешь на велосипеде,–раздался нежный голос с багажника, –наверное, и на лошади умеешь скакать?

–Да, с детства в ночное ходил в деревне у деда, умею лучше, чем на велосипеде!

–Ой, покажи, как на неё садиться!

Я остановил велосипед и под восторженным взглядом красивых глаз стал соображать, как мне впервые в жизни сесть на лошадь. Всё ясно, залезу на забор и прыгну на неё. Так и сделал. Только лошадь испугалась и отошла в сторону. Я задел за неё ногой и упал рядом со своей первой любовью. При этом я так громко пукнул! Мы оба покраснели, она сказала: «Ну я пошла». А я залез на свой велосипед и погнал в обратную сторону. Вот так трагически кончилась первая любовь.

–И почему вы никто не плачете от моего рассказа?

–Шура, у тебя была такая весёлая жизнь до армии?

–Да нет, печальная жизнь. Отец выпивал. Если я вечером слышу, что Шарик взвизгнул, значит, батя опять выпивши,

и будет бой с Крокодиллом.

—Поясни, Шура,—крокодилы не водятся на Ближних Мельницах.

—Крокодил—это кличка моего соседа. Он был лысый, а голова плоская, как у крокодила. Все его звали Крокодиллом. А Шарик гавкал на батю, если он приходил пьяный и пытался пнуть животное ногой, но ни разу не успевал. Шарик был трезвый и быстро линял в будку. Крокодил тоже работал на заводе и частенько приходил домой «на рогах», хоть он и крокодил, а не олень. Он выходил во двор, что-то кричал и ругался на батю, ну типа вызывал в чистое поле на честный бой. Когда батя и Крокодил были трезвыми, они между участками построили не просто забор, а высокую крепостную стену, чтоб от пьяного греха подальше. А вот когда батя был навеселе и более, он вставал со своей стороны крепости и достойно отвечал, наращивая тяжесть своих прилагательных, на агрессивные недипломатические заявления соседа. Было обычно 7 часов вечера, и конфликт с Крокодиллом нарастал. В 8 часов конфликт становился горячим и вооружённым. Крокодил ставил к стене лестницу, брал молоток и шёл на штурм. Батя тоже приставлял лестницу и с дрючком в руке шёл в бой. Было много шума, противники были достойными, казалось, что они пытаются поразить друг друга своим смертоносным орудием.

Но оба понимали опасность последствий, поэтому схватка была бесконтактной. В 9 часов приезжал милицейский воро-

нок, забирал гладиаторов, а к ночи их выпускали как представителей рабочего класса, которым завтра на работу.

– Шура, а ты работал до армии?

– Да, я был разнорабочим на заводе «Январского восстания». И один день работал электриком.

– Расскажи, как это было.

– У нас был хороший завод. Даже заказы для обороны выполняли. Один раз срочно изготовили два маленьких и очень мощных насоса на подводную лодку. Всё было очень секретно, их сделали, испытали, покрасили специальной краской и поставили сушиться. До следующего дня они исчезли. Высохли совсем, испарились. Набежали люди в «штатском», стали всех опрашивать и быстро нашли насосы. Двое работяг уже поливали из них огороды на даче в районе Бугаза. Оправдывались, что взяли на испытания. Испытателей не стали сажать, простили, потому что очень обрадовались, что нашли насосы.

– А как ты был электриком?

– Да, вызывает меня начальник цеха и рассказывает, что поступило указание растить молодые кадры. А молодой кадр – это как раз я. Почти непьющий, спортсмен.

– Ништяк, – говорит начальник цеха, – будешь электриком. Разряд повышать. Лампочку умеешь вкрутить?

– Умею.

– Иди, пусть тебя научат подключать сварочный аппарат.

Мне выдали плоскогубцы с синими ручками и отвертку.

Я вставил инструмент себе в карман на груди, чтобы все видели, и стал ходить по заводу, посматривая на всех сверху вниз. И не пошёл учиться подключать сварочный аппарат.

А на следующий день сварщик позвал меня и говорит, чтобы я подключил сварочный аппарат.

– Умеешь? – спрашивает.

Все прислушались, и я ему ляпнул, что умею, я же электрик. Он ушёл, а я как смог включил что-то в розетку.

Пришёл он через пять минут, взялся за аппарат, задрожал всем телом, потом стал краснеть, как рак в кипятке, и бросился за мной. Но я тоже бегаю неплохо, особенно, когда у него в руке какой-то инструмент, которым он явно хотел меня обучить и воспитать как молодого специалиста. Конец истории был очень печальный – перевели опять в разнорабочие. Забрали плоскогубцы с синими ручками и отвертку.

Славу всегда просили рассказать что-нибудь ещё. У него был бесконечный запас таких рассказов. Он любил читать книжки, и нас поражала скорость его чтения. Природный дар, данный богом на Ближних Мельницах.

После учебного пункта действительно тренировались два раза в день, сборы, поездки на соревнования. Не было никаких «спонсоров»: хорошо кормили, ездили мы по всему Союзу, жили на хороших спортивных базах, о нас заботилась большая страна. После «учебки» поехали на первенство погранвойск в Москву. Прошли в пограничной форме по Красной площади, всё думали, в каком месте площади отдать

честь Мавзолею,—так было положено по уставу. Потом искали парную баню. Когда спрашивали прохожих, нам несколько раз напомнили: «Кому что, а вшивому —баню!» Но нашли на станции Лосиноостровская старую бревенчатую, на дровах. Заведовала там седая старушка, обрадовалась нам, в пограничной форме, сказала, что она служила в системе ОГПУ-НКВД, была даже одной из секретарей, входивших в кабинет Ленина, а потом Сталина. Культурная такая бабуся. Рассказала, что Сталин всегда ждал покушения на него.

Нас тогда не очень интересовали подробности истории, жалею, что не поговорили подробнее. А тогда более важным казалось —вес подогнать в парной.

В спорте мы все были индивидуально неповторимы. Вот Вова Кротов мог обнять человека и сжать с такой силой, что дышать становилось невозможно, и это он ещё сдавливал не изо всей силы. А Витя Глазунов делал интересный приём: заходил на бросок, противник подхватывал его на контрприём, бросок через грудь, но Витя обвивал его ногу, и бросить можно было только на себя. Мы всей командой кричали, «подсказывали» противнику: «Ставь его на ноги!» Как только он ставил Витю на ноги, Глазунов продолжал его движение и делал красивый подхват, который приносил ему победу.

Коля Коцюба, большой, высокий, со спрятанной в нём огромной силой. И при этом всегда улыбка, юмор, шутка. Когда ему уже было лет за сорок, он мне помогал в селе ко-

пать колодец. Местные сказали, что для установки в колодец бетонной трубы обычно требуются восемь человек. Собрали, кого смогли, а работа не получалась. Коля попросил их отодвинуться, обнял, как медведь, тяжёлую трубу и поставил её на место в колодец.

Вот и весна пришла. Сидим мы в казарме, вдруг приходит наш легкоатлет, бегун на средние дистанции Саша Овсейчик. Довольный, улыбка до ушей.

—Представляете, познакомился с девочкой на КПП части, она к кому-то из солдат приехала. Пока его искали, я узнал, что её отец —председатель колхоза. Она толстовата и не очень симпатичная, но отец —в колхозе главный, у него там и рыба, и мясо, и коптильня! Я ей дал свой адрес, ну это почти любовь с первого взгляда. Вдруг прийдёт копчёной рыбы!

Сразу родилась идея разыграть его. Письмо от его «любимой» писали всей спорткомандой при отсутствии Овсейчика. Каждый добавлял по слову. Вова Кротов нарисовал на конверте печать почты. Осталось только подбросить его в пачку полученных писем, что мы и сделали.

Забегает Овсейчик в казарму и кричит: «Победа! Получил письмо от толстой!»

—Так читай вслух, нам всем интересно!

—Ух ты, типографской краской пахнет,—понюхал он именную печать Вовы Кротова.

—Да, свежак, только с почты. Читай уже.

«Здравствуй, Саша! Ты мне понравился с первого взгля-

да. У тебя глаза, як у Сокола. Большие и чёрные. Сокол — це наш бычок с фермы. Его так зовут. Ты похож на древнюю статую, но только в кирзовых сапогах и в солдатской форме».

—Ты смотри, она тебя оскорбить пытается.

—Нет, она меня уже любит. Посылку точно пришлёт.

—Для посылки ещё недостаточно любит, у быка может и есть что красивого, но не глаза. Так и у тебя тоже, читай дальше.

«Ты говорил, что занимаешься спортом, кудысь бигаешь. А я теж займаюсь акробатикой. Пока только дома, но ты меня ещё побачишь в обществе «Колос».

—Да вы её не видели, она такая толстая, какая там гимнастика-акробатика!

—Зачем так плохо говоришь о своей невесте? Не будешь любить —окорок не пришлёт!

—Если ещё и копченую рыбу—то буду любить. А вот здесь главное: «Отправляю тебе посылку со своими пожеланиями и чувствами». Что я вам говорил? А вы не верили, я её покори́л одним взглядом!

—Так ты покори́л одним взглядом и рыбу, и копчёные окорока! Вот сvezло!

—Это ещё не всё: «Вместе с письмом в этом конверте высылаю тебе денег, чтобы легче служилось».

Начал трясти письмо и конверт, заглянул в него, а денег нет.

—Наверное, червонец послала...

«Отец – председатель колхоза, четвертак тебе послали», – торжественно объявил Вова Кротов.

– Четвертак, – печально повторил Саша. – Пойду на почту ругаться, это они там вытащили!

– Конечно, иди, ещё и жалобу на них напиши, коллективную!

Он ушёл, а мы ещё долго спрашивали, получил ли он посылку или тоже на почте съели?

Руководил нашей спорткомандой старшина Бардюжа. В армии он служил с 1945 года. В пятидесятых – мастер спорта по метанию диска. У него была огромная, мощная кисть руки. Его рукопожатия мы боялись. Однажды в трамвае он заметил, что воришка полез к нему в карман. Он поймал руку воришки в кармане и начал медленно сжимать. Когда рука захрустела, вор заорал, Бардюжа его отпустил, и тот выпрыгнул из трамвая. Пассажиры даже не поняли, что произошло.

Он нам показывал тот подвал на Молдаванке, куда он во время войны толкнул двух патрульных румын, которые его задержали. Ему было 16 лет, и он возвращался из гостей уже с наступлением комендантского часа. Когда его вели в комендатуру, румыны слышали музыку из подвальчика, где торговали вином, и стали туда смотреть. Вот он и толкнул их вниз по лестнице, а сам перепрыгнул через забор и убежал. А то бы могли уничтожить, так как он был еврей. Потом они несколько месяцев скрывались в катакомбах. Совсем не Мойша из анекдота, советский еврей был Бардюжа. Ему да-

же мысль не пришла призывать в спорткоманду за деньги «левых» людей, чтобы служили в родном городе. Хотя и денег тогда лишних ни у кого не было. Всегда он был с сигаретой и между слов говорил странное слово-паразит «биомать». Родители нашего прыгуна в высоту Голубицкого приехали из Минска, он им рассказал, что Юра, биомать, хороший парень, биомать, и замечательный, биомать, спортсмен. Они потом спрашивали у Юры, не ругательство ли это. Он их успокоил, что всё в порядке. И правда, всё было в порядке.

2015 г.

Базарная, 25

Моему однокласснику и другу Валере 60 лет. Собрались у него на даче, на Фонтане, в уютном доме. На столе появились восточные блюда: Валерина дочь вышла замуж за сирийца. Валера рассказывает, что зять предложил обращаться к нему уважительно, как в Сирии к отцу жены: «жидо». Валера с улыбкой отказался—представил, что подумают соседи по даче. Это же Одесса.

—Вы тут на Украине ещё не привыкли к тому, что происходит в Дамаске, но если дальше вся политика не изменится, то привыкнете.

—К чему привыкнем?

—К тому, что ты можешь покупать овощи на базарчике и слышать, что на соседней улице идёт бой. Может упасть мина и взорвать тебя в любой момент, а ты продолжаешь покупать овощи.

Рядом со мной сидела мама Лены, Валериной жены. Не хочу употреблять слово «тёща», затёртое в анекдотах. Она уже пожилая женщина, сохранившая ясный ум. С такими всегда интересно поговорить. Они живые свидетели истории.

—А где Вы были во время войны?

—Там же, где сейчас живу, на Кирова, или, как сейчас называют, на Базарной, 25.

–Интересно, расскажите, что запомнилось больше всего.

–Запомнилось, как зимой 41-42 года из нашего двора угоняли евреев. Мы все жили до войны дружно, люди разной национальности –то же Одесса. Перед войной у нас поселилась женщина-дворник, приехала с Западной Украины. Всё пыталась как-то выслужиться перед советской властью, но когда пришли немцы, то она сразу оживилась, рассказала, что давно ждала «своих». Всем объявила, что она – представитель немецких и румынских властей в нашем дворе.

–И вы всем двором не могли её придушить?

–Тогда расстреляли бы заложников, просто жителей двора, без всякого разбора, 100 человек за убитого.

Я продолжу. В Одессе евреев угоняли «интернациональные» команды: во главе обычно был немец, в группу входили румыны и украинские националисты. В конце войны мы их называли «бандеровцы», а тогда ещё просто «фашисты».

И свою «надзирательницу» во дворе мы стали называть «бандеровкой». После войны, если ругались на кого-то матом или даже говорили «фашист», то драки ещё могло и не быть. Но если «бандеровец» –то это самое обидное, как гнусный предатель, тут уж драки не избежать. Ещё ведь после войны из медицинского и педагогического институтов многих распределяли на Западную Украину, и там их убивали бандеровцы. Официально об этом не объявляли, но мы знали.

А теперь вот как всю историю перевернули...

–Так расскажите, как угоняли евреев с Базарной, 25.

–Да, наша бандеровка составила подробные списки евреев, якобы для предстоящего «переселения», и отдала фашистским властям. Передала распоряжение о запрещении евреям выходить из своих домов. Многие догадывались, какое это будет «переселение», –уже были расстрелянные и повешенные по всей Одессе. За любой проступок.

А в нашем дворе жила любимица всего двора, семнадцатилетняя еврейка, красавица Марьяна. Очень добрая, скромная девочка, всегда готовая любому помочь, вежливая, отзывчивая. И когда пришли во двор фашисты за евреями, кто-то из местных жителей спрятал Марьяну на чердаке, заложив кирпичами и забросав всяким хламом. Бандеровка шла вдоль построенных в ряд евреев и прищулив глаза вглядывалась, вытянув шею, в лицо каждому. Она была близурочкой. Все ждали. Ну вот и дождались.

–Семён, а где Марьяна? Господин офицер, Марьяны нет!

Вся фашистская команда бросилась искать Марьяну. Нашли. Когда её выводили, все румыны и немцы замолкли: настолько она была красивой.

–Кто тебя спрятал?–кричала бандеровка.

Опять наступила тишина. За укрывательство евреев могли расстрелять.

–Я сама спряталась,–ответила Марьяна.

Её поставили в строй и увели. Никто из них не вернулся.

–А как освобождали Одессу?

—За неделю до освобождения Одессы наша «надсмотрщица» опять отличилась. Прямо над входом во двор была квартира, которую снял подпольщик или разведчик. К нему приходил связной—парень в кепочке, иногда приходили из подвала, где был вход в катакомбы. Наша бандеровка выследила подпольщика и рассказала фашистам. И даже объяснила, что из той квартиры можно было уйти через чердак, через запасной ход или в подвал и катакомбы. Все ходы перекрыли, и его арестовали.

Перед освобождением с самолётов разбрасывали листовки, в которых говорилось, что при наступлении не будут использованы тяжёлые бомбы, а только маленькие. Всех жителей просили не выходить на улицу и не подходить к окнам, тогда эти бомбы не принесут им вреда. В день начала освобождения Одессы жители двора закрыли тяжёлые железные ворота в арке при входе во двор. Хотя знали, что запрещено было не только закрывать на замок ворота, но даже двери в дом и окна. Бандеровка бросилась открывать, кричала, что она представитель администрации, все будут наказаны. Но её держали за руки. А немцы стали лупить прикладами в ворота с улицы. Но в это время началась обещанная бомбардировка, и бомба упала на улице возле дома напротив. Немцы убежали.

А когда вошли наши, фашистку сдали в контрразведку. Она отсидела 15 лет и вернулась в Одессу. Но её кто-то убил, так и не нашли, кто. Не очень и хотели искать.

–А какие были освободители Одессы, что запомнилось?

–Запомнилось, что они были смертельно усталые. Люди радовались, целовали их, звали в гости, предлагали у них отдохнуть, делились последними остатками сахара.

А потом мы пошли к морю, куда было запрещено ходить во время оккупации.

Разве можно запретить море в Одессе? Оно здесь везде, и оно наше.

2015 г.

Двадцать девятый трамвай

Потом его поменяли на чехословацкий. Рижский был тяжёлый, но вместительный. Он и запомнился. Раскачивается, гремит, но лучше тех вагончиков из ГДР, совсем узких для наших широких одесских граждан. Конечно, самый подходящий трамвай для наших габаритов – это «пятёрочка», что ходила в Аркадию. Два старинных уютных вагончика. В них легко перемещались широкоплечие мужчины и широкобёдрые девушки.

Ну а наш маршрут проходил от вокзала до Черноморки. Вот трамвай появился вдали, и надо бежать на остановку, называется «Третья станция Черноморской дороги». Там киоск, где продают газводу за копейку без сиропа, а за 4– с сиропом. Красный – «крюшон», желтый – «сливовый». Любишь сладкое – так можешь взять себе с двойным сиропом за 7 копеек и быстро выпить и быстро облизнуться, чтобы оса за губу не укусила. Она тоже любит с двойным сиропом.

Только бежим мы не попить от жары, а на трамвай. На полу в этом трамвае были резиновые коврики. Они иногда отрывались, загибались в трубку, и граждане пассажиры спотыкались о них в порядке очерёдности. Тут моя сестра едет, человек деятельный, но с плохим зрением без очков. Тоже споткнулась. Но в детстве читала правильные книги, не прошла мимо, а на месте решила поправить ситуацию. Верну-

лась, нащупала загнутый коврик и начала его разглаживать и трамбовать каблуком. Долго у неё это не получалось, и она склонилась рассмотреть процесс мелкого ремонта. Был бы молоток или кирпич под рукой – можно было бы посильней стукнуть. Но при ближайшем изучении это оказался не коврик, а нога. Худой двухметровый парень от удивления потерял дар речи и только с любопытством наблюдал сверху за действиями сестры. Тут она извинилась, что это всё вышло случайно. Вряд ли он поверил. Он же видел – девушка споткнулась об его ногу 46 размера, вернулась и начала мстить. Без лишних слов, а это удивляет и пугает. Так не кокетничают даже в одесском трамвае.

А весь трамвай едет на пляж. Почти все трамваи в Одессе умели ехать на пляж. Так рельсы были устроены. Когда на пляж – так это не на работу и не на Привоз, что в обратную сторону. На пляж – это другое настроение. Одесситы тогда ещё ездили на пляж. Так было принято. В понедельник утром все ехали на работу. В воскресенье – на пляж. Ночью город спал. Однажды я шёл ночью по центру города – ни машин, ни людей. Смелый храп из открытых окон первого этажа, которые были ещё без решёток. Скажете, что кроме храпа тогда и воровать было нечего? А хрустальная ваза? А джинсовый костюм «Монтана»? Маня продала за 150 рэ: её Миша плавал. А часы на стенке, с которыми отец пришёл с фронта? Воровали меньше. Все «свои», а у своих неинтересно и даже подло.

Жизнь имела приливы и отливы, как море. А море было чистое и лечебное. Если после шторма гниют водоросли – то вам точно посоветуют как раз вдыхать чистый йод. А если нет такого йода – то в любой аптеке он копейки стоит. Купи и дыши через пробочку, а лучше чистый озон на берегу. Постой вечером на причале, посмотри, как любитель ловли бычков швыряет свои снасти между головами плывущих к закату. И он ещё хмурится, что они там под водой болтают своими ногами и пугают его крупных бычков. Так это пляж или рыболовный траулер объединения «Антарктика»? Вдохни этот воздух. Будь счастлив. Всё пока бесплатно, и всё включено.

Стоп! Ещё день, и мы ещё в трамвае едем. Беседуют две одесситки.

– Ты посмотри, там перед домом так цветёт акация! Это же задохнуться можно!

– А что ты знаешь, у нас на работе одна девонька таки да, чуть ни задохнулась! Еле откачали.

– Ну так я тебе обо что говорю?

– Так слушай сюда, это был кошмар! Она закрыла у себя в доме все окна и двери. Ты представляешь, закрыла всё. Одна. Чтоб кто был помочь, – так тоже нет...

– Да, да, да. Представляю, все закрыла и акацию дома поставила!

– Да какую акацию? Полы покрасила!

На задней площадке слышится интеллигентный голос да-

мы:

–Мужчина, я понимаю, здесь тесно, но не ТАК тесно!

–Ой, я сейчас совсем от Вас отвернусь! Я уже не дышу и смотрю вдаль.

А мимо проносятся частные дома, черешня розовеет, акация цветёт, ветви деревьев иногда бьют прямо по окну трамвая, и он прорезает себе путь через листву. На пляж.

Пока солнышко греет.

2016 г.

Черешня

Виталька был художником. И в детском садике, и в школе, и после художественного училища. Он прекрасно понимал, что физика, геометрия и алгебра ему вряд ли очень понадобятся в жизни. Теперь уже точно можно сказать, что негодились. Но тогда ещё был выпускной класс, за окном солнечная весна, и надвигались экзамены.

Мы сидели за столом у меня дома. За открытым окном радостно щебетали воробьи, всем своим видом показывая разницу между свободной жизнью и подготовкой к экзаменам. Тут ещё и мама зашла в комнату, принесла большую тарелку крупной спелой черешни и пустую тарелочку для косточек.

К сожалению, мой рот был занят монотонным объяснением задачи по физике или геометрии, – уже и не помню. Поэтому я пододвинул обе тарелки поближе к Витальке и продолжил дружескую помощь отстающему.

–В условиях задачи сказано...

–Дзинь, – услышался звук падающей на тарелку косточки черешни.

–Из этого следует...

–Дзинь, – радостно отозвалась тарелочка. (Дзинь – это не старинная мера веса в Китае. Это конкретный звук падающей на тарелочку косточки от большой, тёмно-красной, запотевшей черешни.)

–Далее, мы решаем по формуле...

–Дзинь, дзинь, –согласилась тарелочка.

–В результате, мы получаем...

Объяснения становятся менее ясными, слова сбиваются. Мысли уходят в сторону черешни. Такая крупная. Нельзя её так активно жрать. Но пусть ест. Мне не жалко, не буду заглядывать в рот товарищу.

–Дзинь, дзинь, дзинь.

Скорость поедания черешни возросла. Можно расстояние от тарелки до рта поделить на время, и выясним скорость.

–Что мы получаем в результате?

Да уж. В результате мы получим гору костей от черешни. Да как он их глотает с такой скоростью? Нет, на это я должен посмотреть!

–Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь!

Я поворачиваюсь к Витальке, чтобы увидеть чудо скоростного поедания черешни.

На тарелочке была только одна косточка. Все остальные он радостно выстукивал карандашиком и ждал мою реакцию.

–Ну давай поедим черешню, не буду же я один её уничтожать, –предложил друг.

2018 г.

Самбо

Он лучше всех делал «подсечки». Ещё в детстве он увидел, как мастерски исполнил этот приём один из спортсменов, услышал щелчок мягких кожаных «борцовок» и увидел, как взлетели вверх ноги противника, и решил обязательно этому научиться. Прошло много лет в упорных тренировках, и его стали называть «королём подсечки». Он их делал из любого положения, даже если противник стоял, согнувшись до земли, пытаясь поймать ногу. И под опорную ногу противника, и под находящуюся в движении.

Голова, как компьютер, постоянно определяла, где у противника будет находиться центр тяжести в следующую секунду, в каком направлении эффективней сделать подсечку, как должны двигаться руки, чтобы помочь противнику оторваться от земли и сопроводить его в полёте, приземлив на спину.

Придумал, как «вкручивать» свою ногу под одну ногу противника, а другой через долю секунды выбивать опорную ногу. Для этого не надо было смотреть на ноги противника, это происходило на уровне подсознания.

(Не много ли ног в тексте? А что, «нижние конечности» лучше?)

Даже мышцы приспособились для этого приёма – мощные на спине и две мышцы на талии спереди. Мощные на бёдрах

и сухие, быстрые икроножные. Хоть тренера и инструктировали своих подопечных: «Берегись подсечки», но иногда всё заканчивалось на первой минуте схватки.

На пути серьёзной спортивной карьеры встала серьёзная учёба в Москве. Спорт стал увлечением. А вот и любовь, свадьба. На свадьбе надо было танцевать вальс. А как танцевать вальс, если никогда этого не делал?

Тут друзья-спортсмены посоветовали: «А ты заходи всё время на переднюю подсечку, но приёма не делай». Попробовал –получилось жалкое подобие вальса, но лучше, чем ничего. Но какой был соблазн! Невеста всё время легкомысленно переносила свой центр тяжести то на одну, то на другую ногу, это чувствовалось даже под свадебным платьем! Но он сдержался, потому что очень любил свою чудесную красавицу.

А тренер –очень уважаемый и известный. Всё говорил при встречах, даже через десятки лет: «Загубил ты свою спортивную карьеру. Ну хорошо, что добился успехов в профессиональной карьере. Талант – это уметь думать больше всех и, главное, работать больше других».

2016 г.

Робик

Он пришёл в спортзал самбо общества «Динамо». Молодой, улыбающийся, с живыми внимательными глазами. Усы и светлый пиджак «в ёлочку», как у артиста.

–Виктор Исаевич ушёл на пенсию, я ваш новый тренер. Зовут меня Роберт Самвелович.

Предыдущим летом мы, юноши лет по 12-15, тренировались на стадионе «Динамо», под навесом, в нескольких метрах от обрыва в сторону моря. Виктор Исаевич подвёл нас к обрыву и показал площадку внизу. До войны это был стадион «Динамо», а потом произошёл оползень. Стадион теперь построили новый, ближе к Пролетарскому, ныне Французскому, бульвару.

–Как это давно было, до войны. После войны уже прошло целых двадцать лет, – сказал кто-то из ребят.

–Не так давно, как вам кажется.

Большие бульдозеры военных превращали обрывы в ровный склон к морю, чтобы не было оползней.

Осень, пошли дожди, и мы перешли тренироваться в зимний спортзал. Можно себе представить спортзал «Динамо». Огромный, светлый. Нет, тот спортзал сейчас представить сложно. Говорят, раньше это была конюшня ветеринарной лечебницы на улице Эстонской, возле рынка Привоз, во дворе, возле трамвайного депо. Её переоборудовали в спортзал,

где помещался только один борцовский ковёр. В углу, на обкладных матах, понуро свесив головы, сидели два брезентовых чучела: одно побольше, другое поменьше. Как два брата: старший и младший. Две гири – 16 и 32 килограмма. Пучок цепей килограмм на шестнадцать, с ручкой, как у спортивного молота.

(Сразу вспомнилось, как Робик отправлял крутить над головой эти цепи будущего чемпиона Витю Погорилера. Все тренировались на ковре, а он всё крутил цепи, пока не сбросил лишний вес и физически не подготовился к борьбе.) Со всем маленькая раздевалка, душ с горячей водой, которая нагревалась дровами. Печку рано утром топила жительница этого двора «Тётя Катя». Огромная и физически сильная женщина. Роберт Самвелович говорил, что никто из нас её не поборет.

Может, это и была правда, но женской борьбы тогда не существовало.

И в этом маленьком пространстве мы отдавали все свои силы, чтобы стать хорошими спортсменами. Здесь же кипели страсти на первых наших соревнованиях. Говорят, что в старых церквях место «намолено» поколениями верующих. А это место было наполнено нашими упорными тренировками.

Роберт Самвелович Бабаянц, или, как его все звали между собой, – Робик, создал в этом маленьком зале не просто успешную спортивную секцию. Это была целая система вос-

питания мужчин. Там старшие помогали младшим. Опытные делились своими секретами борьбы с новичками. Мы запомнили, что такое порядочность, мужество, настойчивость и труд на тренировке. Все помнят такие крылатые выражения Робики: «Борцу не больно, а приятно»; «Остановились, выпили чашечку кофе и пошли дальше работать!» Запомнил, как один юноша не пришёл на соревнования без уважительной причины, подвел команду. Робик на тренировке всех нас построил, объявил своё решение об отчислении из секции этого спортсмена. Мы запомнили, что понятие «команда» – это очень важно для того, чтобы оставаться не только спортсменом, но и человеком.

Тренироваться у Робики – это было престижно. Но не каждый выдерживал регулярной работы на тренировках.

Приходили к Робику обычные пацаны, кто-то начнёт тренироваться и приводит желающих со своего района. Так появились в спортзале Вова Кротов, Коля Коцюба, Валера Стеценко с Черноморки. Суярко, Волынский, Кузнецов с «Третьей станции Черноморской дороги». Из центра города братья Ярмаки, чуть позже пришли братья Лосины – Гена и Валентин. С Ближних Мельниц Фомин, Витя Глазунов, Слава Малецкий, братья Розенмейеры. Из Аркадии – братья Коньковы, Александр и Владимир. Многих и не помню, как они появились в спортзале «Динамо», такое впечатление, что они были там всегда. Это Андрей Чернецкий, Яша Еленецкий, Рухлядев, Шнайдер. Эти ребята были постарше меня.

А из младших выделялись в те годы Павловский и Карпенко. Все очень разные личности. Но к каждому находил подход Роберт Самвелович. В младшей группе дети часто называли отчество Робики «Самбелович». По ассоциации со словом «самбо». Всё правильно: куртка для самбиста, на ногах «самбовки», а главный тренер по самбо должен быть «Самбеловичем».

В маленький спортзал на Эстонской часто ходили через рынок Привоз.

Там возле огромных бочек стояли колхозницы в фартуках и продавали мочёные яблоки. Покупатели пробовали продукт. И нам тётки с улыбкой давали попробовать яблок.

А после тренировки заходили в гастроном, выпить фруктового сока. Значительного разнообразия не было: в больших стеклянных конусах с краником внизу продавался яблочный сок по 12 копеек стакан, томатный – по 10 и виноградный по 14 копеек. Но это был натуральный сок, без консервантов, красителей, ароматизаторов и прочей дряни.

Через сорок лет зашёл в огромный спортзал, где проходили соревнования в честь юбилея Робики. Подошёл к нему, поздоровался, спросил, как ему нравится современная борьба.

–Ты знаешь, Юра, когда вы боролись, это был театр характеров, и драма, и комедия, и трагедия. А сегодня, посмотри на них. Вон, на том ковре, парнишка безвольно проиграл и улыбается. Виснут друг на друге и не хотят активно работать.

Вы были другими.

–Да, мы когда-то в детстве в весе 55 килограммов сражались с Витей Глазуновым. Выигрывал то он, то я. Когда прозвучал свисток судьи – у нас был равный результат, и победителя тогда определяли по результатам взвешивания.

–Да, я помню такие поединки, – улыбнулся Робик. Витю уже похоронили. Хороший был человек.

–Роберт Самвелович, а как так получилось, что он, замечательный спортсмен, и начал выпивать лишнего?

–А ты помнишь, какой он был на тренировках? Он полностью отдавался работе, без оглядки на свои силы и возможности. Такой он во всём. И в этом нехорошем увлечении он оказался таким же «заводным».

Да, как сказал Робик, «театр характеров». На каждых соревнованиях мы боролись с Валерой Стеценко. С переменным успехом, но отдавались полностью борьбе. Помню тяжёлые схватки с Дорониным.

На ковре были и драмы, и комедии.

В Харькове на одном из соревнований. Борьба за выход в финал. У меня солидное преимущество, схватка заканчивается, жду свистка судьи. Вот и свисток. Отпускаю противника, иду в свой угол ковра. Противник догоняет меня и бросает на ковёр. Думаю, с ума сошёл, после свистка. Оказывается, свисток был на соседнем ковре, и я проиграл. Робик всё видел.

–Что, Юра, «упустил птичку», – смеялся он. – Вниматель-

нее надо быть.

Трагедии не делал из таких ситуаций.

Или ещё показательные выступления в Парке Победы на японской выставке города – побратима Одессы, Йокогамы. Народа собралось много. Мы бросали друг друга, повыше и покрасивее, демонстрируя технику.

В конце моего выступления с партнером Робик, как в старинном цирке, произнёс дежурную фразу:

–Кто из зрителей желает побороться с нашими силачами?

Подразумевалось, что никто не захочет. Но тут вдруг выходит молодой крепкий парень, в форме курсанта мореходного училища. Робик подошёл ко мне.

–Отдай все силы, но накажи наглеца.

Видно было, что парень занимался классической борьбой. Сильные руки и стойка в наклоне до самого ковра. Пытается поймать за ногу. Вспомнил, как отрабатывал хитрый приём Андрея Чернецкого. (У него было много хитрых приёмов.) Надо подойти поближе, не вырывать у противника пойманную им ногу, а засунуть её как можно глубже под него, развернуться, чтобы он сидел верхом на ней, и с сильным махом ноги произвести бросок «подсад». Я так и сделал. Во время падения у моего противника с громким треском лопнул морской китель вдоль всей спины. Зрители были довольны, Робик тоже.

Не помню его ругающимся, как некоторые тренеры. Он всегда с улыбкой, над нашими недостатками подшучивал,

помогал исправлять.

–Слава, если ты во время борьбы не будешь думать, то твои мозги никто на Привозе не купит!

–На Привозе всё купят, –ворчал в ответ Слава Малецкий.

–Так денег не захотят платить, – настаивал Робик.

Вот ведь запомнилось. Но в результате тренировок голова не отключалась в стрессовых ситуациях, которые случались в жизни.

В 90-е годы, когда всё разваливалось, часто заходил к Робикку пообщаться.

Подходит ко мне бывший сотрудник КГБ. Теперь уже СБУ.

–Ты лучше не общайся с Робиком, он «под колпаком» у СБУ и МВД по делам организованной преступности, сам попадёшь на учёт. Некоторые его ученики стали лидерами групп, занимающихся рэкетом.

–Наденьте эти колпаки себе сами знаете на что. Как общался, так и буду общаться с тренером. Кто-то пошёл в бандиты, кто-то в милицию, кто-то торгует на рынке. Но причём здесь тренер? Спорт в упадке.

Относился Робик к нам, как к родным. По четвергам мы ходили в парную баню на улице Асташкина. Там он со знанием дела проветривал помещение парной, потом поддавал пара и веником парил нас, его учеников. Он шутил, много рассказывал о жизни, но мы всегда чувствовали грань, что он учитель, а мы ученики.

Запомнился разговор Робика с парнем по фамилии Винокуров. Он сказал тренеру, что нельзя быть фанатиком в спорте. А Роберт Самвелович серьёзно и терпеливо ему объяснял, приводил примеры, что в спорте, науке или искусстве успеха добиваются люди, увлечённые своим делом до фанатизма.

Время было такое, что и вся система способствовала увлечениям. Для спортсменов всё бесплатно, уважение, помощь при поступлении в институт или трудоустройстве. На спортивных сборах – бесплатное полноценное питание. Не станем искать недостатков в том, что было разумным.

А что я хотел сказать, вспоминая про Робика? Хороший был человек, да и для многих с ним связана часть жизни. Самая интересная её часть, где молодость, дружба, сила и достойное мужское дело. Спорт.

2017 г.

Это для Лены

Было очень странно проснуться после крепкого сна в маленьком сквере напротив аэровокзала Минеральные Воды.

Первая мысль: «Как я сюда попал»? Накрыт палаткой, под головой рюкзак с ледорубом, верёвками, продовольствием и привычными: «миска, ложка, кружка».

Возле сквера стояли автобусы, в них садились люди. Да, вчера не оказалось в кассе №1 обещанной записки с указанием, куда пойдёт группа горных туристов, к которой я собирался примкнуть. Это был спортивный горный туризм, а не то, что пишут сейчас в декларациях при посещении бывших советских республик: «Цель посещения –туризм».

Ребята из одесского клуба «Романтик» ходили по Главному Кавказскому хребту и увидели перевалы, где после боя с фашистами не ступала нога человека. Не похоронены солдаты, много мин и снарядов.

Группа намеревалась подняться в те места с сапёрами Закавказского военного округа. Потом я узнал, что с военными договориться не удалось из-за воинской бюрократии. Поэтому и записки для меня не было. И я решил присоединиться к какой-нибудь группе туристов в Черкеске. Но вот уже и проспал автобус, который ушёл в 6 утра.

А какая мне теперь разница, куда ехать? Не возвращаться же в Одессу! Кавказ– вот он, а отпуск идёт. Собираю вещи,

подхожу к автобусу—идёт посадка на Терскол. Значит, и мне туда. В соседнем ущелье был, а в Терсколе—нет. В автобусе вижу ребят в штормовках, как и я. Спросил, где можно приютиться в Терсколе? Ребята рассказали, что есть хороший мужик, начальник метеостанции. Он пускает к себе на постоя таких туристов. Тем более с гитарой.

Есть ещё турбаза Министерства обороны, там делают неплохие походы, если устроиться. Я выбрал военную турбазу.

Ну, думаю, одни военные морды будут в походе. Устроился. В номерах по два-три человека, душ, из которого идёт минеральная вода. Большая столовая. Так я ещё не ходил в походы.

Отправили меня в медпункт на осмотр. Там висел странный плакат:

«Случайные связи опасны для здоровья». «О чём это они?»—подумал я.

Это же горный туризм, а не дом отдыха. Понял о чём, когда вошёл в столовую. Ожидаемых военных морд не наблюдалось, зато большинство – молодые девушки. Сразу обратил внимание на симпатичную девушку с красивой улыбкой и пухленькими губами. Не такими, как сейчас делают, вроде как пчелы покусали мультяшного утенка, а реально интересной формы. Но все места за её столиком были заняты. Она тоже взглянула на меня. А я тогда был с усами, бородой и кудрявой шевелюрой. Как я узнал позже, она подумала: «Ну и дикобраз!»! А я ошибочно прочитал её мысль: «Посмотрите только, какой молодой красавец-мужчина появился!»! И подумал, что у меня есть шанс. Нет, ну если бы знал тогда про дикобраза, может, и про шансы не подумал.

А познакомились на канатном подъёмнике. Он был двухместный, а я встал в очередь за ней. Мы медленно плыли над землёй. Под нами паслись бараны. Они поднимали к нам свои бараньи лица и кричали разными голосами: «бе-е-е». Лена, девушку звали Лена, так заразительно и звонко смеялась, что всем вокруг становилось веселее. Даже баранам. С ней было легко шутить, легко общаться.

Она была из другого отряда, который уходил в горы рань-

ше нашего. Хитрый инструктор хотел иметь в группе опытного человека и с гитарой, поэтому подослал Лену с подружкой, для смелости, переманить меня в их отряд. У Лены бы и у самой хватило смелости. Но кто же тогда знал? А меня и переманивать не надо было. Я был готов.

Уже на следующий день мы пошли туда, где Шхельда гордо смотрит на нас, где кончаются сосны и начинаются ледники, которые пахнут арбузами. Там такой чистый снег, что его можно смешать со «сгущёнкой», и

получается мороженое. В горах, в походе, долго притворяться невозможно, там как на войне, человек виден, «там поймешь, кто такой», как у Высоцкого в песне. А Лена мне всё больше нравилась: и как говорила, и как смеялась, как ходила, как слушала мои песни, и как морщилась и не хотела перед сном глотнуть водки из холодной кружки, чтобы согреться.

Запомнилось, как мы пошли с ней за дровами, взяв двуручную пилу, чтобы пилить упавшие деревья.

Я для смеха выбрал самое толстое дерево, а она согласилась пилить его, уцепилась за ручку пилы с явной решимостью перепилить. Да, можно было бы испугаться, что девушка с таким характером и меня перепилит на дрова... Но не было таких мыслей. Только радость.

Походка у неё была такой энергичной! Она всегда спешила, быстро стучали каблучки, ноги были как из пружин. Всё подпрыгивало при ходьбе: и тело, и причёска.

Под взглядом её зеленых глаз я был готов и сальто сделать на песке среди камней, а когда предложили для экзотики и фотографий прыгнуть на страховке в глубокую ледниковую трещину, –и это было сделано легко. Только под её взглядом.

Конечно, я задержался в Терсколе ещё на несколько дней. И деньги кончились. И она делилась со мной своими небогатыми денежными запасами. Повела в шашлычную, заказала шашлык и шампанское. Шампанское было тёплое, я это почувствовал только руками, а не языком: открыл, и оно выскочило с пеной сразу и полностью. Запивали шашлык Нарзаном из родника. С ней было хорошо, тепло и уютно.

И пусть я ехал домой в Одессу в общем вагоне и без денег на еду, но впереди была встреча с Леной в Москве и целая жизнь.

2015 г.

Это про пейджер

Это было в тот год, когда первые владельцы пейджеров цепляли их на ремень как доказательство своего статуса и благополучия. Платить надо было за него в красивом офисе, где сидели за компьютерами отборные красавицы. А в Одессе их есть с избытком.

Подхожу к одной из них, самой красивой, с пышным бюстом, чуть спрятанным за обтягивающую голубую кофту. Её большие глаза, ещё более голубые, чем кофта, прикрывались ресницами в такт дыханию груди. Стою я, отдал деньги и наблюдаю за процессом, и тут голубые глаза открываются в мою сторону и что-то спрашивают.

Прислушался, повторяют: «Вам чек выписать?»

Сосредоточиваюсь и отвечаю:

«Не нуда».

Чувствую по выражению голубых глаз: что-то не то сказал. Исправляю ошибку:

«Не нажно».

Опять что-то не то говорю. Тогда улыбаюсь и произношу:

«Ну, в общем, вы меня поняли по смыслу».

И к выходу от гипнотизирующего взгляда.

У древних греков сирены пели, чтобы моряки теряли рассудок и тонули. А у нас в Одессе это могут сделать одним взглядом.

2016 г.

Маньяк

Шёл дождь. Я уже пятый час за рулём. Еду по шоссе, что вдоль Днепра в Киев. Вон впереди стоят двое, голосуют под дождём. Бабушка и девушка, внучка, по-видимому. Заберу, чтоб не мокли.

–Вам куда?

–В Киев.

–Садитесь, нам по пути.

Села только внучка–бабушка оказалась провожающей. Включил посильней печку–пусть сохнет. В мокрой руке зажата какая-то купюра.

–Я бесплатно везу, спрячьте денежку, в Киеве мороженое себе купите. Расскажите, как вы живёте в селе, чем занимаетесь.

–Работы у нас нема, еду в Киев на работу на три дня в продуктовый торговый центр. В селе делать нечего. Школу закрыли и медпункт тоже.

–А фермеры у вас имеются?

–Яки там фермеры, выращивают свиней в частном хозяйстве с помощью «мультиков» –мультикомплексов, от которых свиньи очень быстро растут, но сало и мясо получаются невкусными и вредными. Толстеют люди от такого мяса.

Тут ей звонят по мобильному. Я выключаю музыку. Телефон у неё работает очень громко. Звонит бабушка.

–Ты мени скажи, той дядька, шо тебя везёт, не маньяк?

–Та ни, всё нормально.

Проходит минут десять. Опять звонок.

–Я дуже турбуюсь, беспокоюсь, он правда не маньяк? Или уже маньяк?

–Та ни, нормальный дядька. Не звони мне.

Прошёл ещё час, подъезжаем к Киеву. Звонок.

–Так он и зараз ще не маньяк?

–Да ни капли вин не сексуальный маньяк, успокойся. Мы вже приехали.

Даже как-то обидно стало, что я ни капли не сексуальный и не маньяк.

Просто дождь идёт.

2015 г.

Поход выходного дня

В одесской городской газете «Знамя коммунизма» летом печатались приглашения принять участие в походе выходного дня по Тузловской косе.

Уже не стало и знамени, и коммунизма, и походов выходного дня. Всё осталось в прошлом веке. А мы решили возродить. Родить заново поход выходного дня. Не всё потеряно. Мы есть, Тузловская коса на месте. И выходные не отменены. Тряхнем с Леной стариной! Собираем рюкзаки. Да это же совсем просто! Люди ходили как на прогулку в выходной день. А мы же опытные, даже познакомились в походе в Приэльбрусье. Понимаю, давно это было. Возраст надо учитывать.

Взглянул я на карту, приложил линейку, посмотрел масштаб карты, получилось километров тридцать. (Если не считать все мелкие изгибы береговой линии.) За один день не пройдёшь, да ещё по песку. Значит, выйдем в пятницу, прогулочным шагом, с двумя ночёвками. Совсем просто. Хотя имеется и сложность. Питьевую воду надо брать с собой. Август, жарко, хотя бы литра по два в день на каждого. Получается по четыре литра воды. Плюс еда, топорик, палатка, спальники не берём, возьмём одеяла. Зато для комфорта двухместный надувной матрас. Тяжёлый, собака. Успокаиваем себя, что воду будем выпивать, и рюкзаки станут легче.

Автобусом до Приморского, Татарбунарского района. Обязательно надо обозначать район: с таким названием несколько сёл в Одесской области. Плохо было с фантазией у сельских жителей. Теперь те самые сельские жители ещё и город Ильичевск обозвали Приморском.

Едем по селу Приморскому к самому морю, где базы отдыха. Знакомые места.

Показываю Лене, где в поле старый коровник. А его уже нет. Ну вот там, дальше – новый коровник, к нему идёт асфальтированная дорога, много доярок. К сожалению, и от нового коровника торчат одни стены. Дорога заросла бурьяном. Коровы ушли в прошлое под «знаменем коммунизма». Не вписались в рыночную экономику вместе с доярками и коровником. Их заменили фермеры? Нет, мешок сухого молока из Китая.

Да, многое меняется. А мы пройдем маршрутом похода выходного дня и сохраним хоть что-то от прошлого. Докажем, что мы не коровы, нас не убьешь рыночной экономикой. Нас не сотрешь в сухой китайский порошок. Есть ещё неизменный степной воздух, море и длинная песчаная коса.

Начало маршрута – между подстилками на пляже. Идем себе с большими рюкзаками, ни на кого не наступаем.

Подстилки быстро закончились. Дальше только море, чайки и песок.

Идти по пляжу в обуви, да ещё с рюкзаком очень сложно. Пробовали по сухому песку. Получается медленно, и много

сил теряется. В обуви по прибойке – набивается в кроссовки песок, идти невозможно. Разуваемся и идём по мокрому песку, где накатывают волны. Так легче. Но в некоторых местах под песком оказались намытые во время шторма водоросли. Ноги проваливались, как в болото. Даже сомнения появились,

не переоценили ли мы собственные силы. Сил не так много, но дух романтики гнал нас только вперёд. Или это призрак комсомольцев семидесятых толкал нас на подвиги? Прошли старый маяк, вечерело. Огромный пляж, справа море, слева залив, куда садится солнце, вода двадцать семь градусов, и ни одного человека! Чайки удивлённо взлетают перед нами. Пора останавливаться на ночлег.

Ужин. Бутылочка тёплого вина, сыр, помидоры, копчёное мясо. Совсем не как в походе.

Ночь. В палатке уютно. А на берегу – тепло. Огромное звёздное небо.

Тихий прибой. От тишины звенит в ушах? Нет, это возле ушей летают комары. Лучше сразу в воду. Ночное купание в августе. Когда безлунная ночь. Мы плывём в зелёном сиянии планктона. Ощущение нереальности, сказочности. Как в звёздном небе.

А на берегу комары с надеждой смотрят на наше купание. Ждут, когда выйдем. Но мы из моря и в палатку, пусть они содохнут от голода. Или летят с попутным ветром в Приморское, Татарбунарского района. Там много пищи.

Утро. Дельфины плавают. И мы искупались.

–Как будем идти дальше, –спрашивает Лена.

–Прогулочным шагом. Сорок пять минут прогулки, пятнадцать – двадцать минут купания. Обязательно после купания переодеться, чтобы мокрые плавки не натерли тело при ходьбе. Поход оказался нелёгким.

Постепенно стираются ногти на больших пальцах ног, но это издержки, ногти отрастут. Зато темп ходьбы по мокрому песку нормальный.

Удивительно, что в разгар сезона отпусков, Чёрное море, и никакого присутствия

человека. Да, внедорожники туда не проедут. Во время наводнения на Дунае в море вынесло много деревьев и кустарников. А шторм их выбросил на косу. Природа защитилась на время от автотуристов.

А любителей ходить ногами совсем мало.

Присутствие человечества ощущалось. На каждом шагу виднелись надувные игрушки, мячи, спасательные круги и пластмассовые бутылки.

А вот и люди показались. Моторная лодка причалена к берегу. Браконьеры разбираются со своим уловом камбалы.

–А мы пойдём на север, а мы пойдём на север, –закричал один из них, увидев нас. Такой маленький худой мужчина, ему очень подходили эти слова. Мы поприветствовали рыбаков и продолжили путь.

В советское время коса была немного обжита: вон кое-где сохранились столбы линии электропередачи. Работало кефальевое хозяйство, ходили пограничники. Остатки ушедшей цивилизации. А тут полное одичание и безлюдье.

Впереди показалось что-то странное. Из песка торчали огромные рёбра, похожие на скелет кита. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что вода вымыла из песка остатки очень старого деревянного судна. (на фото)

За день сильно устали на солнцепеке. Воды выпили больше нормы. Каждый раз нам казалось, что вдали виднеются тополя Лебедёвки. Но подходили ближе, и это оказывались дикие оливковые деревья. Палатку ставили уже после купания и ужина. Сил не было. Ночью вдали заметили огоньки. Это уже точно было село Лебедёвка. Завтра дойдем. Питьевая вода уже заканчивалась. Такая вкусная. Делили крайние глотки.

А ночью была гроза. Проснулись от сильнейших раскатов грома.

–В нас не попадёт молния? – спрашивает Лена.

–Спроси у того, кто их бросает с неба.

–Наша палатка возвышается на косе, как ударит в неё!

–Там ещё есть пара столбов от старой пограничной линии связи. Пусть в них целятся.

–В них целятся, а попадут в нас.

–Меня больше волнует, что брызги летят через шов палатки. А когда её продавали в магазине, то рассказывали, какой большой столб воды она выдерживает. Как они на неё этот китайский столб ставили? Может, предварительно замораживали воду?

–Завтра высохнем.

Утро было ясное. Жажда погнала нас к Лебедёвке. Да и рюкзаки уже избавились от еды и воды. Вот и развалины ке-

фалевого хозяйства, даже ещё присутствие человека обозначено. А вот и первый киоск Лебедёвки, где продают воду.

Ура! Мы прошли маршрут прошлого века. Поход выходного дня.

2017

Балет

У Андрея отец профессор и мать научный работник. Очень заботятся о культурном развитии сына. Да и друзей у сына полный двор: время советское, и друзей ещё не заменили гаджеты. Тогда этим словом можно было оскорбить интеллигентного человека. Так вот, они решили повысить общий культурный уровень всего двора и купили нам сразу восемь билетов на французский балет в Одесский театр оперы и балета.

–Ты идёшь на балет? – спрашивает меня Андрей.

–Конечно, там в буфете такие вкусные миндалевые пирожные. Откусишь –вязнет на зубах и тает во рту. И сок яблочный по 12 копеек стакан.

–А французские балерины?

–И они тоже, но пирожные привлекательнее. Балерины не тают во рту. И зрители одеваются очень красиво.

Одесские женщины надевали всё лучшее, что привозили моряки из-за моря.

В назначенный день мы собрались все, при пиджаках, культурные, красивые. Идём в театр. Нас обгоняет человек с подпрыгивающей походкой. И руками размахивает при ходьбе. Длинный Сергей пристраивается за ним и идёт такой же походкой. Следом за ним пристраиваемся все мы. Человек заметил весёлую реакцию прохожих на эту картину. остано-

вился, повернулся к Сергею: «Тебе что, в морду дать?» Сергей моментально поворачивается к следующему: «Тебе что, в морду дать?» Этот вопрос задали все по цепочке. Человек сам не выдержал и засмеялся. Но больше мы за ним не шли.

Вот и театр. Места у нас фильдеперсовы, в самом партере на четвертом ряду. Слышно, как по деревянному полу сцены балерины скачут на своих пуантах. Слишком громко, как боевые кони. Изображают лебедей. Четвёртый ряд – это слишком близко.

В соседнем ряду сидела бабушка в старинном одеянии, явная театралка. При красивых па балерин она начинала первая хлопать в ладоши с частотой примерно 600 выстрелов в минуту. И весь зал её поддерживал. Тут кто-то из наших предложил: «Забьем Мике баки. Заберём у старушки первенство». Мы стали по сигналу яростно аплодировать в не очень подходящие моменты балета. И весь зал нас поддержал. Примерно пять раз. Потом знатоки начали коситься и шипеть на нас. Эксперимент прекратили. Через много лет я вспомнил, как толпа ведётся за недобросовестными или подкупленными лидерами. Когда настала пора «цветных революций». Народ может повестись на «развод» до 4-5 раз. Потом сознание включится.

Французские лебеди не отличаются от одесских лебедей. Лебеди везде одинаковы. Мы внимательно проследили за кончиной одной особи, а пирожные и сок были отменные. Да и культурный уровень определённо вырос.

2017 г.

Иглотерапия

–Вам предлагается новое место службы. Убыть с Камчатки в Туркмению.

Это был конец 1991 года. Союз раскололся. Наши судьбы раскалывались.

–Что будет с моей «забронированной» в городе Одессе квартирой на период службы на Камчатке?

–Квартиру придётся сдать государству Украине в установленном порядке.

–Тогда у меня встречное предложение, уволить меня в запас с офицерской службы. Выслуги льготной у меня набралось уже двадцать девять лет.

Так я оказался гражданским человеком в городе Одессе. Привез с собой «длинные восточные рубли». Тут их и укоротили, ввели украинские купоны. Пошёл я в местный исполком, завели меня в комнату, где заседала комиссия из молодых девушек. Они проголосовали «единогласно» за то, чтобы мне обменять двести рублей на купоны. Остальные деньги пропали.

Мрачные времена. Работы нет. Пенсии хватало на одну канистру бензина.

Бензин нужен, чтобы уехать на дачу, выращивать картошку и прочую еду.

И тут меня нашла работа. В Одессу приехали из Китая два

врача иглоукальвателя, которым срочно понадобился переводчик.

Так я стал переводчиком у профессора народной медицины Китая доктора Лю Гоцяя. Ему было 62 года. Необычно высокий для китайца, под два метра ростом, худой. Мои соседи в страхе спрашивали: «Кто этот страшный человек?» Он приходил ко мне в гости в длинном чёрном плаще, купленном в СССР в пятидесятые годы. Гангстерский вид дополняла чёрная шляпа. Длинный и ровный, как чёрный столб в шляпе. Страшно.

Второй врач был молодой, окончивший медицинский институт в Пекине. Звали его Кан Ча.

—Скажите, доктор Лю, Вы учились на иглоукальвателе?—поинтересовался я.

—Я учился у отца с матерью. Они занимались иглоукальванием. Больных в Китае было много, а западных лекарств — мало. С восьми лет я помогал отцу и матери, а с 16 лет не было дня, чтобы я не принимал меньше двадцати больных. А медицинские курсы прошёл уже в зрелом возрасте. Зато на результаты моей работы ссылаются в научных трудах в Канаде, США и во Франции.

Наш разговор услышал Кан Ча и ревниво мне объяснил, что у Лю Гоцяя древние понятия о причинах заболеваний. И пишет он древними иероглифами, полным написанием, без сокращений. Почему ревниво? Да потому что результаты в лечении больных у «древнего» китайца были значительно

лучше, чем у него, знающего современную науку.

Диагностика заболеваний по пульсу. Сразу тремя пальцами, три пульса поверхностных, три глубоких показывают состояние шести разных органов.

Многие больные старались сами объяснить свою «историю болезни», чтобы помочь доктору. Но запомнились и другие случаи. Вот пришёл лысый мужчина с женой.

–Мы не скажем, в чём проблема, пусть сам поймёт и докажет, что вся эта диагностика не шарлатанство.

Доктор Лю положил свои три пальца на пульс недоверчивого.

–У Вас проблемы с сердцем, очевидно, был инфаркт, а сегодня Вы выпили грамм 100 коньяка, чего Вам нельзя делать.

Лысина у мужчины начала краснеть. Подала голос жена.

–А вот и неправда. Он после инфаркта уже два года спиртного в рот не берёт.

–Может быть, а сегодня выпил коньяка, – настаивал на своём доктор.

–Откуда он узнал?– начал сознаваться мужчина. –Не употреблял очень давно, а сегодня в гараже друзья предложили, не смог отказаться.

–Как Вы узнали, что это был коньяк? – перевёл я вопрос.

–Если человек выпил вина – сердце работает как пьяное, вялое. Если водки – тоже как пьяное, но бьётся сильнее, чем от вина. А после коньяка – с характерным подрагиванием.

Жена начала сверлить взглядом своего мужа. Она ему всё скажет дома.

Решил поговорить с Лю Гоцаем о причинах болезней, вспомнив реплику Кан Чи о древних понятиях доктора.

—Одна из причин – проникновение влаги и женского начала в организм. С холодом, обычно через ноги. Нарушение баланса между женским и мужским началом. В результате – несогласованная работа сердца, печени, почек. С помощью иглоукалывания можно настроить работу организма, восстановить баланс между женским и мужским началом. Это как мотор автомобиля, если будут работать несогласованно зажигание, поршни и смазка, то машина не поедет.

—А можно «настроить мотор» без иглоукалывания?—интересуюсь я.

—Можно, особенно у молодых людей, правильной физической нагрузкой и упражнениями. А очень старым, у которых не осталось жизненных сил, и иглотерапия не поможет.

—А как Вы относитесь к нашей медицине?

—Нормально. Только очень критически отношусь к гормональным препаратам. После употребления «цзи су» (гормональных) иглоукалывание теряет эффективность. И ещё, ваши врачи, если не знают причину заболевания, любят устанавливать диагноз «аллергия». А вот, например, многие кожные заболевания происходят от нарушений функций половых органов или других органов.

—Доктор Лю, а как найти вот эту точку возле позвоночни-

ка? Может, можно измерить линейкой?

—Она расположена на расстоянии полцуня от позвоночника. Но надо учитывать, что у большого человека большой цунь, а у маленького —маленький. Но бывают случаи, когда у большого —маленький цунь. А у маленького может быть очень большой цунь. Поэтому нам помогает только опыт и интуиция. Цунь — это фаланга большого пальца руки, а не то, что вы могли подумать.

Кан Ча хвастается, что выучил русский алфавит и может прочитать вывеску на магазине. Читает: «Саки». Я его поправляю: «Соки». Но слога «со» нет в китайском языке, только «са». Опять повторяет: «Саки». Объясняю смысл произнесённого им слова. Смеются с Лю Гоцаем, комментируют, как бы им налили такого сока.

—Кан Ча, в китайском языке нет звука «р», как же у вас рычат тигры?

Доктор преобразился, наморщил лоб, пальцы согнул, как когти у тигра, и заревел, как тигр: «А-а-а-а».

Я внимательно наблюдал за работой Лю Гоца. Иногда мне казалось, что больше значит психологический эффект лечения, чем само иглоукалывание. Вот пришёл мальчик, лет тринадцати, с очень сильным заиканием. Его возили на лечение в Москву и в Европу, да не помогло.

Лю Гоцай объяснил, что он с помощью иголок усилит волю мальчика, а в период лечения надо стараться больше говорить и читать вслух. После третьего сеанса радостный

мальчик пришёл без заикания и рассказал, как хорошо отвечал на уроке русской литературы. На следующий день была целая очередь из заикающихся людей. Откуда так быстро узнали?

А я не знал, куда девать подаренные больными бутылки спиртного. Традиция подарков. Пару раз благодарные клиенты напоили доктора Лю в ресторане, а утром он вёл приём больных с торчащими из головы иголками от головной боли.

У женщины после иглоукалывания исчезли камни в желчном пузыре. Имелось УЗИ до лечения и после.

—Как это может быть? — спрашиваю доктора.

—Главное— не разбивать камни или растворять, а устранить причину их образования. Тогда организм всё сделает сам.

А о причинах излечения у него лучше не спрашивать, опять расскажет про «инь» и «янь».

Мужчина привёз свою молодую жену, которой в больнице рекомендовали срочно удалить одну грудь из-за запущенного мастита. У девушки были красивые голубые глаза, немного портил внешность горбик на «загровке».

Доктор Лю взялся её лечить. Иглоукалывание и обкалывание груди по точкам антибиотиками. И прижигание моксой (это полынная сигарета).

Девушка выздоровела. Так ещё баночным массажем и иглоукалыванием за три месяца он смог выровнять ей горбик. Это было чудо. Знакомые перестали узнавать девушку, так

изменилась её осанка.

Так прошёл год. Я освоил медицинскую лексику, сидел вечерами учился, узнал много о болезнях. Китайцы называли меня Юла, а больные – Юра-переводчик. За всю мою службу мне не сказали столько раз «спасибо», сколько я это услышал от больных за год работы с доктором Лю Гоцаем.

Уехали они домой в свою больницу города Цицикар. Я их провожал до Москвы. Доктор Лю и в поезде продолжал лечить людей. В соседнее купе зашла женщина, у которой после поднятия чемодана появилась резкая боль в пояснице. Она легла и заплакала, не могла встать. Я позвал доктора Лю. Он своими пальцами всё прощупал, поставил диск позвончика на место и рассказал ей, что на позвонке имеются шипы и наросты, поэтому лучше не ходить к костоправам, которые могут сломать шип – и потребуются срочная операция. Женщина встала на ноги без боли. Доктор ей сказал, чтобы чемодан забрали из вагона встречающие, чтобы избежать нагрузки на позвончик, не повторить травму.

После отъезда врачей меня часто встречали в городе больные. Многих из них я уже и не помнил. Они задавали один и тот же вопрос: «Когда вернутся китайцы»? Я всем отвечал: «Китайцы приедут осенью». Вот ещё один солидный мужчина, я его слабо помню, улыбается мне в троллейбусе и хочет что-то сказать. Я его опережаю: «Китайцы приедут осенью». Он делает удивлённое лицо:

– Это что, пароль? Мы вместе печку строили на даче Юно-

ны Дмитриевны год назад.

Да я уже и сам вспомнил, что это её товарищ, известный хирург.

Китайцы не приехали осенью. А жаль. Где они сейчас? Жив ли Лю Гоцай в далеком Цицикаре? У него много внуков, он хвастался. Каждый день делал добро людям. Такая сложилась у него жизнь.

2017 г.

Одесская шляпа

Шурик – это такой солнечный парень, всегда с улыбкой и запасом самых последних одесских анекдотов. Он работал дизайнером на одном из одесских предприятий ещё в то время, когда все считали, что «Дизайнер» – это такая у него фамилия.

Вот опять улыбается, рассказывает про новый розыгрыш в их конторе. Контора – это то, что теперь гордо называют офисом.

Начальник был у них очень общительным, как и большинство одесситов. Вот пришёл на работу в отличном настроении и в новой шляпе. Похвастался. Все заметили, девочки произнесли дежурную фразу: «Вам так идёт!»

А потом у него распухла голова. Первой заметила секретарша.

– Николай Иванович, а что у вас с головой?

– Я что-то забыл? У кого-то день рождения или свадьба сегодня?

– Нет, я по форме, а не по содержанию. У вас вроде голова выросла.

– Умная голова должна быть большой, – улыбнулся директор, но на всякий случай посмотрел в зеркало и причёсался.

Следующим зашёл сотрудник отдела.

– Николай Иванович, у вас голова распухла!

—От ваших отчётов и предложений она давно должна была распухнуть! Вы сговорились с Леночкой? А в чём прикол?

Тут появилась ещё одна заботливая красавица.

—Ой, лишенько, а что у вас с головой?

—Знаешь, девонька, голова моя постоянно распухает от руководства этим отделом. Кто из вас заплатил три рубля уборщице, чтобы она помыла с мылом статую Дюка к приезду в город товарища Брежнева? А потом все прилипли к окну и наблюдали, как уборщица со своей лестницей инструктировала подошедшую милицию и как искусствовед прикрыл Дюка своим телом. Кричал, что бесценную патину нельзя смывать. Хорошо, что всё обошлось без последствий.

—А у вас размер головы увеличился, — заметил ещё один подошедший.

—Да, мне уже доложили, сегодня не первое апреля, идите, работайте.

Вот и кончился рабочий день, все напряженно ждали. Выходит из кабинета Николай Иванович. Весь отдел стал похож на китайских чиновников: трудящиеся скосили глаза и незаметно следили за развитием событий. Вот он берёт свою новую шляпу, надевает её, смотрит в зеркало и бледнеет. Лицо от удивления вытягивается. Шляпа стала совсем мала, смешно легла на самую макушку головы. Не стали доводить любимого директора до инфаркта.

—Сюрприз!—закричали хором. И Леночка вручила ему шляпу его размера. А эту маленькую купили в обеденный

перерыв, когда шли с обеда в столовой пароходства. Все туда ходили обедать, там вкуснее и дешевле. Увидели в магазине такую же шляпу, как у директора, за двенадцать рублей, родилась мысль, купили самый маленький размер. Скинулись по рублю за удовольствие.

Больше всех смеялся сам директор. У него отлегло от сердца. А может, просто чувство юмора. А что? Одесса.

2018 г.

Про кирпич, не для детей

Началось благоустройство дачи. Можно построить печь своими силами.

Мы всё можем, когда молодые и полные энергии. Так и кирпичи перевезти на дачу легковой машиной.

Количество можно посчитать. А сколько же весит один кирпич?

Так у нас на балконе завалился один. Взвесим. Чем взвесим?

Жена нашла выход.

— У соседа, молодого прапорщика, имеется такое приспособление с пружиной для взвешивания, как там оно называется, пойду одолжу.

Звонок в дверь, открывает прапорщик.

— Здравствуйте, у вас есть кондом?

Мужчина широко открыл глаза и пробормотал:

— Кажется, имеется.

— Вы могли бы его одолжить на пять минут? Мы с мужем попользуемся и вернём.

— Не понимаю, зачем возвращать? — испугался прапорщик. — Не надо возвращать.

— У вас что, их много?

— Да не очень, но хватит.

— Ну нам тоже он не нужен, чтобы хранить. Мы быстренько

взвесим кирпич и отдадим.

–Это у вас так называется?

–А вы это как называете?

–По-всякому, но не «кирпич взвесить».

–Так дайте мне этот кондом с пружинкой.

–У нас нет с пружинкой, это что-то новое. Зачем вам с пружинкой? Вы молодые, спортивные...

–Спасибо за комплимент. А ваша жена говорила, что есть, с его помощью что-то взвешивали неделю назад...

–А, так вам кантор нужен, а не кондом. Сейчас дам.

2015 г.

Катя из Москвы

Она подарила мне чемодан. Мы расстались друзьями. Потом этот чемодан на китайской границе я передарил водителю ГАЗ-69 Саше, на дембель. У него не было хорошего чемодана и анодированных блестящих пуговиц. Пуговицы я срезал со своего парадного кителя. Думал, потом куплю в городе и пришью. Так и не купил, не пришил. Мне тогда ничего не было жалко для хороших людей, да и сейчас не жалко. Чемодан коричневый, со змейкой, югославский или венгерский.

Она сказала, что не мыслит свою жизнь без столицы, а мой путь шёл в сторону китайской границы. Это стало ясно после моей стажировки на Дальнем Востоке и предварительного распределения. И я получил в подарок чемодан на радость её родителям и многочисленным родственникам.

Бог всё хорошо устроил. Кате лучше было в Москве, а мне встретила Лена.

Так, я рассказываю о Кате. Ей было девятнадцать лет, она учила английский язык в педагогическом институте. От неё пахло свежестью, как от кошки, которая погуляла на морозе. Если у кого-то есть кошка – он знает. А может, это запах детских волос.

– Почему ты совсем не пользуешься парфюмерией, как другие девушки? – спрашиваю её.

–Ты знаешь, я буду пользоваться, когда постарею. Ну так, хотя бы лет в двадцать пять. Или совсем в двадцать девять. А сейчас и так яркости да свежести хватает.

–Да, это тебе от бабушки армянки досталось. И румянец на щеках.

Действительно, привлекательности хватало. Я старался её провожать, если занятия в институте заканчивались поздно. Но не всегда это получалось. То у меня тренировки, соревнования, то выезды на учения за город, в Балашиху.

А тут ещё какой-то пьяный напал на Катину подружку Любу. Что придумать для безопасного возвращения домой вечером? Да ещё и в Чертаново, которое продолжало строиться.

Для начала выучили простейший приём самозащиты. Освобождение от захвата спереди. Надо не уходить от противника, а шагнуть ближе к нему, под него. Затем, выпрямляя опорную ногу, ударить нападающего коленом между ног. Одновременно резко поднять свои руки между рук противника, сорвать захват и бежать. Можно обеими руками ударить по шее или ушам, но девушке лучше сразу бежать.

Следующий раз встретились, когда я уже забыл про разученный приём, а она помнила. И попробовала на мне. Я долго отходил от удара, а она удивлялась, что мне больно.

–Всё-таки я не смогу это сделать в реальной ситуации, – предположила Катя. – Не смогу преодолеть страх. В детстве за мной уже бежал по лестнице в подъезде какой-то страш-

ный человек. Я так кричала, что отец услышал на девятом этаже и бросился навстречу меня спасать. И преследователь убежал. На других этажах никто не открыл дверь, хотя мой крик не могли не слышать.

–Надо было кричать: «Пожар!» Тогда бы открыли.

И тут я вспомнил, что знакомый милиционер подарил мне огромный чёрный свисток. Я его предложил Кате.

–А свистнуть в него сможешь, если придётся?

–Да это и ребёнок может.

Предчувствия меня никогда не обманывали. Прошло совсем немного времени, и этот свисток пригодился.

Она возвращалась домой вечером, когда совсем стемнело. На улице было безлюдно. Сзади шли двое мужчин. Когда она проходила мимо стройки, они поравнялись с ней, схватили за руку и потащили за забор в темноту.

–Не кричи, а то хуже будет, –сказал один из них.

Страх сковал всё тело, мыслей об активном сопротивлении не было. Но одна рука свободна, и в кармане свисток. Она вынула его и приготовилась свистеть. В темноте они не заметили, продолжая тащить её на стройку. Кате казалось, что она собрала все силы и сейчас засвистит. Но ужас так сковал грудь, что свисток издал только тоненький писк. Тем не менее, эти двое услышали этот звук и увидели у неё большой милицейский свисток.

–Бежим, она «подсадная утка»!–закричал один из нападавших.

Второй толкнул её на кучу кирпичей. Падать было больно, но она ничего не почувствовала. Тут и дыхание вернулось, и она громко засвистела вслед убежавшим извращенцам.

После этого случая я старался всегда провожать Катю до самой квартиры.

Вспоминаются и забавные истории, связанные с этими проводами домой.

Подходим к подъезду. У подъезда стоит человек высокого роста с явным избытком веса.

– Меня ждёт, – объяснила Катя.

– Зачем?

– Говорит, что меня любит, и вручает каждый раз свои музыкальные сочинения, сонеты.

Мы поздоровались. Мужчина как-то зло посмотрел на меня и вручил бумаги Кате. Я проводил её до дверей квартиры.

– Как ты думаешь, он не опасный тип? Что-то он посмотрел на меня, как маньяк-убийца.

– Да вроде нет. Живёт в соседнем доме, музыку пишет.

Перед выходом из подъезда я представил, что человек взял дубину или кирпич и ждёт, когда я открою дверь, чтобы ударить. Мотив преступления имеется. Убийство из ревности.

Я надел на правую руку тонкую кожаную перчатку, чтобы бить, а на левую – не надевал, чтобы перехватить руку и сделать подсечку. Подготовился. Очень резко открыл дверь. Того, что я увидел, я не мог даже предположить. На меня

прыгнуло что-то похожее на большого лохматого чёрта. Рефлекс сработал, я ударил правой навстречу. Услышал визг. И увидел, что это была собака породы «водолаз». Она возвращалась домой и привыкла прыгать на дверь подъезда. Ей не повезло. Какой-то псих, с её точки зрения, резко распахнул дверь и ударил в лоб.

Пришлось извиниться перед пострадавшей и её хозяином. А «композитора» и близко не было.

А вот мы возвращаемся после праздничного вечера. Было шампанское. Его бы можно было вытерпеть. Но ещё кофе и кофе. Это было лишнее, и уже очень хотелось в туалет. А Катя рассказывала что-то интересное из области культуры, и прерывать этот разговор бегством в кусты или за гаражи было совсем не в тему беседы. Мужчина должен уметь терпеть.

Вот мы остановились возле подъезда. Я посмотрел через дорогу, где тогда был пустырь и кусты. Уже наметил маршруты.

—О чём ты сейчас подумал? – спросила Катя.

—Да так, ни о чём.

—Нет, у тебя был такой взгляд, как будто ты думаешь о чём-то гениальном.

—Ты даже не представляешь, насколько близки гениальность и простота.

—Я готова услышать, какие гениальные в своей простоте мысли делают взгляд таким умным.

—Я тебе потом расскажу, о чём я думал. Сейчас не будем

тратить время на сложные объяснения.

Да я уже и не мог тратить время. Так и не рассказал о гениальной простоте. В мужчине тоже должна быть загадка.

Мы склонны приписывать людям то, что хотим видеть. Вот она написала мне чудесные стихи, которые начинались фразой: «Подари мне лучик от своей улыбки». Это у неё «лучик улыбки». В девятнадцать лет. А мне уже целых двадцать три. И служба в армии позади. И двенадцать лет меня этим «лучиком» тёрли ковёр на борьбе самбо. И бреюсь я уже каждый день. Какой тут «лучик»? Улыбка как улыбка. Не красавец. И достижения все— в спорте, да ещё и китайский язык.

Теперь я понимаю, что мы были красивые в студенческие годы, и сами эти времена были прекрасны.

И коричневый чемодан был хорош собой.

2018 г.

Ошибка

Майор Батраков опять загулял с очередной любовницей, в чём был немедленно уличён женой. Партийная организация получила на своего аморального члена сигнал от Валентины Семеновны, жены Батракова. Это была жалоба на двух стандартных листах. Организация, кто морщась, кто завидую, обязана была отреагировать.

—Она у меня ненормальная, всё придумывает,—возмутился Батраков.

—А мы должны проверить каждый эпизод, указанный в жалобе,—бубнил секретарь партийной организации с боевой фамилией Стреляй.

—Обнажайте правду, не было ничего!

—Вот мы сейчас и будем обнажать по телефону.

Смотрит в список телефонов под стеклом на столе и вместо Батракова набирает мой номер телефона. А там моя сестра, которая тоже Валентина Семеновна, сидит дома с грудным ребёнком.

—Алло, здравствуйте, это звоню я, Стреляй.

—Подождите минутку, я запишу.

Сестру я проинструктировал, что если по работе будут звонить, не переспрашивать, а всё записывать. Вот она записывает: «Пароль – «стреляй»».

—Это Валентина Семёновна? – сомневается секретарь ор-

ганизации.

–Да, Валентина Семёновна.

–Валентина Семёновна, вы помните, как к вам приезжала «Скорая помощь»?

Два года назад, во время беременности, приезжала «Скорая помощь».

–Да, помню, приезжала.

–А теперь расскажите, что было потом. Про измену.

–Какую измену? Я не помню, что было потом. Ничего не было.

–Подождите минутку, мы посоветуемся здесь.

–Вот видите, я же говорил, что она сумасшедшая, «здесь помню, а здесь не помню»! – вдохновился удивлённый Батраков.

Берёт трубку заместитель начальника отдела.

–Алло, Валентина Семёновна?

–Да, Валентина Семёновна.

–Это с Вами говорит Миронович, здравствуйте.

–Здравствуйте.

–Что-то я ваш голос не узнаю по телефону, –загорелась искра догадки у начальника. Но сразу же и погасла.

–Мы с Вами раньше никогда не говорили по телефону.

–Действительно. Валентина Семёновна, вспомните Ваш эпизод со «Скорой помощью», кого Вы ещё обнаружили в своей комнате?

–Да, никого не было, я одна.

–Вы не волнуйтесь, Валентина Семёновна, давайте поговорим о другом. Где сейчас Ваши дети?

–Мой ребенок сейчас спит.

–В этом возрасте и сейчас спит? (Сыну Батракова было 15 лет.)

–Он всегда спит после обеда.

–Странно.

Возникла пауза и опять совещание.

–Я же говорил, что она всё придумывает, –осмелел Батраков. –Сын сейчас в мореходном училище на занятиях!

Опять берут трубку и задают главный вопрос вконец изумлённой сестре.

–Это Валентина Семёновна Батракова?

–Нет.

–Извините, ошиблись номером.

2018 г.

Соевый соус

Владивосток. Языковая практика на четвертом курсе изучения китайского языка. Послали меня к китайцу, который жил в районе Уссурийска. И дали с собой подарок для него – большую бутылку соевого соуса «Цзян ю». Это сейчас его продают в каждом магазине, неизвестно какого качества. А тогда это была редкость. Китайцы варят пресный рис и поливают его таким соусом перед употреблением внутрь.

Положил я в свою дорожную сумку драгоценную бутылку и отправился на вокзал. Бутылка закручивалась пластмассовой пробкой. Подкрутил я её на вокзале, чтобы не пролилась. Да силы было много. Больше, чем способности предвидеть варианты последствий. Пробка треснула. Это что, все мои вещи будут в чудесном китайском соусе? А я буду пахнуть среднестатистическим китайцем? Надо срочно искать выход. В мозгу пронеслись все виды закруток, которые были на бутылках с лекарствами или пищей. Это же 1977 год, разнообразие небольшое. Ничего подходящего.

В зале вокзала тишина, скучающие пассажиры. Это сейчас все уткнулись бы в гаджеты и ничего не видели и не слышали вокруг. А тогда они всё замечали, видели и слышали.

Это я к чему? А к дальнейшему. В центре небольшого зала аптекарский киоск. Пожилая женщина в белом халате скушает, стоя за прилавком.

Меня осенило. Надо купить презерватив! В нём спасенье! Замотаю крышку, и не прольётся соус на мою одежду! Подхожу к киоску. А что мне стесняться, шептать, чтоб пассажиры не услышали, что я там покупаю? Мне для благородных целей. Можно сказать, для международных отношений. Не забыть бы только снять изделие с бутылки до вручения получателю.

– Дайте мне, пожалуйста, презерватив, – чувствую, публика напряглась, незаметно поглядывают, оценивают.

– У нас нет этого сейчас. Сходите в аптеку в городе.

– У меня нет времени, я уже билет купил.

Внимательно смотрю на прилавок.

И вижу то, что мне точно подойдет. Запомнил даже цену. Две прозрачные коричневатые детские соски на бутылку, по три копейки за пару.

– Дайте мне тогда две соски за три копейки. – Извращённая публика захихикала, тактично отвернув свои морды. Вроде о своём смеются. Совсем не подслушивают.

– Молодой человек, я не хочу вреда вашему здоровью, возьмите противозачаточные таблетки.

Чувствую, как у меня покраснели щеки. И уши.

– Нет, мне две соски, – настаивал я. Пассажиры стали издавать кошачье фырканье.

– Вы что, издеваетесь надо мной? Шутите?

– Нет, мне не до шуток, мне очень подойдут эти соски.

Какая-то девушка у окна не выдержала, прыснула, сделала

вид, что закашлялась.

Придётся вытащить соевый соус «Цзян ю» и продемонстрировать женщине– аптекарю и всему залу. Но как-то неудобно. Разоблачать фокус? Разочаровывать публику? Они уже всё обо мне представили себе. Но какое им дело, куда я буду надевать соску? Я культурный человек и не буду бездоказательно обвинять пассажиров в подслушивании.

Расскажу словами.

– Мне бутылку закрыть, чтобы не текло в дороге.

Женщина расслабилась и продала соски. Публика расслабилась и сделала вид, что не подслушивает чужие разговоры.

А соски и одной хватило. И снять не забыл перед вручением китайцу.

2017 г.

Страховой случай

У каждого свой «Клуб кинопутешественников». Хотите в Китай? Тогда поехали.

Звонит директор агентирующей фирмы, которая работает в Одесском порту.

– О, я Вас нашёл!

– «О» – это зачем?

– Затем, что мне надо найти такого человека, который указан в договоре страховой фирмы. Чтобы был переводчик китайского языка с дипломом. У Вас есть диплом?

– Да, имеется.

– Ну вот я Вас и нашёл. Хочу предложить поехать сопровождать в Шанхай заболевшего китайского моряка.

– Чем заболевшего?

– Шизофренией, он с ума сошёл. Но он очень мирный. Немного не в себе. Совсем чуть-чуть. Мы надеемся, что Вы его сопроводите один, без нашего агента. Фирма хорошо заплатит. Если Вы согласны, то завтра с нашим агентом надо заехать в психбольницу, врачи хотят задать вопросы больному.

Приехали в психбольницу. Привели китайского моряка. Врачи начинают опрос.

– Спросите, сколько ему лет.

Спрашиваю по-китайски.

–Фыфыфы, – отвечает китаец. Зубы у него торчат вперёд, рот плохо закрывается. Шипящие звуки все становятся одинаковыми «фы». К этому надо привыкнуть. Немного программу перевода перестроить в своей голове.

«Спокойно, – говорю себе, – ты справишься».

Повторяю вопрос, слышу опять «Фыфыфы» и вижу демонстрацию на пальцах «сы ши сы», сорок четыре. Врачи напряглись, вижу. Выражения их лиц напомнили мне рассказ преподавательницы китайского языка Огороковой Н. А. В 50-х годах (уже надо сказать «20-го века») она была переводчицей на строительстве железной дороги КВЖД. Там не смогла перевести китайскому инженеру что-то про кривошипно-шатунный механизм. Он улыбнулся нашему инженеру и козырнул знанием языка: «Надя хуёза».

Вот это же слово было написано на лицах врачей. Но я уже освоился со спецификой произношения китайского моряка.

– Спросите, почему он бросался с ножом на экипаж судна, а потом выпрыгнул за борт.

Так, думаю, себе спокойный дядька, сопровождать будем только вдвоём. Перевёл, – ответ был неаппетитный. Команда, по его подозрениям, сушила свои фекалии, растирала и подсыпала ему в еду. Ему казалось, что для них это самое подходящее хобби, чтобы скрасить серые трудовые будни моряка. Но ему не понравились эти «восточные» пряности и приправы. Вот он и выразил свою гражданскую позицию и протест.

– Китайский Вам и не придётся использовать, – инструктировал директор фирмы, – в Шанхае все знают английский. Наш агент всё разъяснит встречающим страховщикам.

Но я подготовил текст своего выступления на китайском, – а вдруг с английским не получится. Тем более, всё оплачено.

Летим через Стамбул. Ждём несколько часов пересадки на Шанхай.

Наш подопечный вёл себя спокойно. Всё-таки мы его везли домой и ничего не сушили и не подбрасывали ему в пищу. Ну туалет он перепутал мужской с женским. Я ему показал разницу в значках на двери, так он там встал и даже научил каких-то арабов, куда правильно заходить.

В психбольнице больные ходили по коридору со взглядом, направленным внутрь себя.

И здесь он ходил по аэропорту. Я его попросил ходить по кругу, чтобы нам не топтать за ним. Он согласился и объяснил, что когда ходишь, тёмная отрицательная энергия из окружающего мира не задерживается в теле, а стекает с носа, волос и пальцев в пространство. К такому объяснению прислушались бы многие наши любители обнимать деревья и заряжать воду.

Садимся в Шанхае. Китай шагнул вперёд на наших глазах. Вот ещё в 79 году они собирали колоски на полях у границы, пользовались старинными советскими комбайнами и грузовиком «Ка Зы» – это они так называли старинный

советский «ГАЗ». А теперь только успевай повторять слова «огромный» и «современный». Аэропорт, стоянка для автомобилей, город.

Встречала нас целая делегация. Во главе с директором компании. Директор и парень в больших очках понимали по-английски. Для китайцев очки – это признак ума и образованности. Некоторые носят очки с простым стеклом именно как показатель интеллигентности. Беседу решили провести за чаем в кафе-чайной. Чай, может, у них и хороший, да вот вода пахла тиной, и это чувствовалось в чае. Может, сейчас уже очищают.

Мой попутчик на хорошем английском языке рассказал суть дела всего за 20 минут. Китайцы внимательно слушали и тактично кивали. Когда он закончил выступление, молодой человек в очках скромно заметил, что речь была слишком быстрая и они ничего не поняли. Попросили повторить по-китайски. Хорошо, что я подготовил текст. Справился за 5 минут. Сдали своего китайца «на поруки» и отправились в гостиницу.

Свою экскурсию по Шанхаю я начал рано утром с вида из окна. Сверху были видны пятиэтажки, «хрущёвки» по-нашему. Может, у них «маоцзедуновки»? На балконах сушилось бельё. Только не на веревках, а на бамбуковых палках. Палок так много, что дома были похожи на ежей. Со стороны проезжей улицы и гостиницы дома закрывались большими рекламными щитами. Видно, городские власти недолюб-

ливали ёжиков. По тротуару люди шли на работу. Заметно, что китайцы работают за весь мир. Людей было очень много – непрерывный поток. Они двигались через нерегулируемый перекрёсток, и водители, чтобы проехать, делали вид, что хотят их задавить. Тогда толпа расступалась и пропускала автомобили. Картину оживлял грузовой велосипедист на трёхколесном велосипеде с кузовом, который перевернулся на повороте и рассыпал большие вилки капусты. Теперь ползал между пешеходами, собирал овощи. Первое впечатление – китайцев много.

Второе впечатление – все красивые китайки – администраторы в гостинице, остальные – на телевидении. (Да ещё встречались официантки в ресторане отеля. Когда мы были в Китае вместе с Леной, женой, одна из них, с большими глазами-маслинами, говорила со мной по-китайски и оказывала такое внимание, что Лена сухо произнесла: «Никогда бы не подумала, что есть такие пучеглазые китайки».) Шанхай – город контрастов? Теперь все народы живут контрастно. Вот ещё кубинцы остались с «равенством и братством». (Сев. Корея – это другой разговор.) А тут и шикарные автомобили, и разносчик зелени с корзинами на коромысле. Идём по Шанхаю. Вывески мучают голову подзабытыми иероглифами. Вот уже что-то и вспоминается. Ресторан. Пора пойти пообедать. Сразу скажу, кто не знает китайской кухни, берите пельмени. Вареные или жареные, «готхе». Они как наши или с добавлением капусты, зелени. И порции

большие. А мы взяли рыбу. Хотели две рыбы, но официантка стала нас убеждать, что рыба очень большая и мы её не съедем. Официантка была совсем маленькая, а рыбу обещала совсем большую. Мир контрастов. Мы представили себе большого сома или гигантскую щуку, размером с официантку, и согласились.

Принесли что-то вроде леща, небольших размеров. Мы его поделили по-братски и не стали заказывать ещё одного, чтобы не тратить время.

Идем по знаменитой набережной Шанхая. Это место прогулок. Третий человек подходит к нам и предлагает купить часы «Ролекс» за 50 долларов. Удивляется, что я ему объясняю по-китайски, что «Ролекс» – очень дорогие часы. И долго кричит нам вслед: «Это дешёвый Ролекс, купите Ролекс! Дешёвый Ролекс!» Это мы потом с Леной были в Пекине, так к нам привязался человек с часами, ходил за нами, купили за 15 долларов, чтоб отвязался, и через час выкинули намертво вставшие часы.

И вот мы в аэропорту. Да, в огромном. Вот стоит служащий аэропорта, кокетничает с девочкой в униформе. Старательно выдерживая тона, спрашиваю, как нам пройти к стойке, где наша регистрация. Он объясняет, также старательно следит за тонами. Девочка улыбается пародисту.

В аэропорту встречаю бывшего офицера – пограничника. Не верю своим глазам. Он работает в Гонконге, охраняет плавучее казино. Такой тесный стал мир. Или людей так

разбросало политическими завихрениями. Пусть лучше будет тесный мир. О плохом – ни слова.

Август 2016 г.

Фабрика

Сочинение на тему А. Блока

Живу в селе. Соседний дом у меня – школа. Туда на жёлтом автобусе свозят детей со всего района. Обычно вечером, а тем более в выходные дни, в школе свет не горит. А вчера там был избирательный участок, и окна светились жёлтым светом. Там считали людей. И сразу вспомнился А. Блок. Он сейчас есть в школьной программе? А я до сих пор помню.

Фабрика

В соседнем доме окна жолты.

По вечерам – по вечерам

Скрипят задумчивые болты,

Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,

А на стене – а на стене

Недвижный кто-то, чёрный кто-то

Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:

Он медным голосом зовёт

Согнуть измученные спины

Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,

Навалят на спины кули.

И в жолтых окнах засмеются,

Что этих нищих провели.

Какое-то абстрактное стихотворение. Что хотел сказать нам гениальный поэт? Вот лично мне что он говорит? Виноваты ли нищие, что их «провели»? Может, они бессильны против продуманной технологии наваливания кулей на спину? Почему в стихотворении «задумчивые» только «болты»? Может потому, что они, по народному выражению, «болт забили» на всё и скрипят себе? А что могут сделать болты, будь они в тысячу раз задумчивее народа, который можно легко провести? Сойти с петель, чтобы ворота звезданулись, да ещё придавили кого-нибудь? Зачем? Народ и через упавшие ворота войдёт. И не заметит, что ворот нет. Только посмеётся, что болт сломался. Да порадуется, что больше никто не скрипит своими мыслями. А вот лично болту будет конец. Вместе со всей его «задумчивостью». Вот умный, практичный да хитрый болт не скрипит. Так что и задумчивому лучше было бы смазаться и затихнуть до лучших времён. Так ведь скрипит, старый.

2015 г.

Шумахер

Это потом он стал Шумахером, известным на нашей фирме. А когда мы его принимали на работу, то долго сомневались. С одной стороны – мастер спорта по вольной борьбе. Значит, трудолюбивый, настойчивый и мужественный. Вот и уши поломанные, как видимое доказательство. Два доказательства по бокам головы. Сомнения – между ними. Недостаточно образован и сообразителен. Это с другой стороны, раз уж я сказал с одной.

Для нашего сотрудника главное – голова. Сообразительность. Это основное мужское достоинство. Но поломанные уши сказали своё слово. И мы его приняли на работу.

И стал он охранять автосалон «Ниссан». Это который в конце жилого массива возле кладбища. Представили? Десяностые годы, Одесса, автосалон возле кладбища, который взялись охранять бывшие пограничники и афганцы. Но это совсем другая тема.

С директором автосалона поддерживал дружеские отношения владелец сети продовольственных магазинов. Солидный товарищ. Нет, уже господин. Нет, товарищ, – ещё вчера комсомольцем был. Лидером молодых коммунистов.

Жил он недалеко и автомобиль ставил во дворе автосалона. Видная по тем временам машина. Большая, низенькая, белая.

Вот опять поставил своё транспортное средство. Увидел нашего охранника.

– У тебя права есть? – спрашивает его.

– Да, получал в селе на грузовик и трактор.

– Это не трактор, но дизельная машина. В холодную погоду плохо заводится. Ты, пожалуйста, часов в 6 утра заведи её и прогрей.

– Хорошо, прогрею, – ответил будущий Шумахер.

Вот и настало то утро. Охранник сел в белую машину и успешно её завёл. Потом он увидел такую интересную ручку автоматической коробки передач. Его пытливый ум стал интересоваться, а как же она переключается, совсем без сцепления. Мощной рукой борца он чуть-чуть подвигал этой красивой ручкой передач.

Случилось чудо. Автомобиль поехал. Охранник от испуга упёрся ногами в пол. А там оказалась педаль газа. Машина взвыла, пробуксовала по асфальту и прыгнула на бетонную стену салона. Раздался удар. Тут наш водитель совсем испугался, ногу с газа не снял, а начал дёргать ручкой коробки передач. Автомобиль рванулся назад и врезался в бетонный забор. Он мог ещё повторить манёвр, но двигатель заглох.

Пришёл выспавшийся хозяин машины.

– Ну что, прогрел мотор? – спрашивает охранника.

– Да, прогрел, – и вернул ключи хозяину.

Тот посмотрел на свою машину и сначала не узнал её.

– А где мой автомобиль?

– Да это он. Я его так прогрел.

Хозяин лишился дара речи.

Когда мы приехали в автосалон разбираться, он уже обрёл дар речи и стал кричать, что сюда приедут известные бандиты, которые «крышуют» его магазины. Мы ему объяснили, что приехали решить с ним вопрос о компенсации ущерба. Если приедут бандиты, то этот вопрос не решится.

В результате мы купили для пострадавшего автомобиль у нашего знакомого. Разбитый автомобиль отремонтировали, продали и остались ещё с прибылью. Все довольны, а борец охранник получил прозвище «Шумахер».

Он быстро уволился, но память о водителе Шумахере живёт.

2018 г.

Эх, дороги

Для друга Вячеслава

Сначала был мерседес. А только потом появилась мысль. «Вот если появятся лишние деньги – на радость соседям отремонтирую в селе дорогу к даче». Собственно, это не дача, а дом в селе. С большим садом и огородом.

Друг, большой любитель авто, всё рассказывал, что мерседес – это совсем другой уровень автомобильной мысли, это не только транспортное средство, но и большое удовольствие. А мы всегда падки на удовольствия.

Тут пришла пора менять старую машину. И я купил себе удовольствие. Снаружи всё прекрасно: большая, блестящая, с чёрным кожаным салоном. Совсем затемнённые стёкла, и номер оставили старый, козырный: все цифры одинаковые, а буквы «ОК». Только потом обнаружил, что она была восстановлена после аварии, поставлен новый мотор, который откровенно враждовал со старым компьютером, иногда отказывался работать в самый неподходящий момент или шутил с нами. Стоим на перекрестке, в центре города. Он начал глохнуть, работая с перебоями в такт раскачивания машины. В результате машина раскачалась «вверх-вниз», что чуть ли не начала подпрыгивать на месте. Пешеходы остановились и стали смотреть с удивлением.

–Открывай скорей затемненные стёкла, а то они уже о нас

чёрт те что думают, – забеспокоилась жена Лена.

– Да бог с ними, не загдохнуть бы на перекрёстке.

А вот и старенькая мама просит отвезти урожай капусты из села в Одессу. Дорога из села проходит мимо Паланки, через молдавскую таможню. А я как раз наполировал автомобиль, весь сияет.

Капуста, к сожалению, хорошо уродила. А дорога в селе совсем расплзлась. Я загрузил весь большой багажник и полностью задние кожаные сидения. Автомобиль под грузом стал ещё ниже и красивей. Утюгом через колдобины. Вот и таможня.

– Что везёте? – спрашивает таможенник, пытаясь что-то разглядеть через чёрное стекло.

– Капусту, – отвечаю со вздохом.

– В каком смысле «капусту»? – оживился таможенник. – Если это американские доллары, то так и говорите, без всяких жаргонных словечек.

– Да нет, настоящую капусту везу.

– Покажите, – не поверил удивлённый чиновник.

Я опустил заднее стекло. Через окно стали высовываться зелёные головы.

– Проезжайте. – На такой машине капусту здесь ещё не возили.

А вот и деньги появились. Повезло с клиентами и заказами. Или в результате упорной работы, можно и так сказать.

Прощай, мерседес, поменял это «удовольствие» на новую

машину с повышенной проходимостью, но обещания, данные себе, остались. Отремонтировать дорогу. Она идёт вдоль склона, ручьи её сносят. Надо сначала вставить две бетонные трубы в местах протекания ручьёв, всё засыпать гравием и разровнять. Может сделать всё одна организация, но очень дорого. Пришлось собирать участников операции по ремонту дороги из разных организаций района. Всё получилось по-военному. Местный экскаватор выкопал глубокие траншеи под трубы, которые подвезли вовремя и опустили туда подъёмным краном. Затем приехали грейдер и колонна машин с гравием. До вечера дорога была отремонтирована.

На следующий день пришли жители села.

–Вы скажите, за кого голосовать. У нас всегда, если что-то делается в селе, значит, надо на выборах отдать свои голоса за «благотворителя».

–Нет, ваши голоса оставьте себе на память. Это для нас для всех. Мы тут живём.

Они были очень удивлены. А с дальней улицы –возмущены, что у них не произведён ремонт дороги.

Пришла старенькая соседка, принесла курицу. Плачет.

–Спасибо за ваше доброе дело. Я так боялась, что меня выронят из гроба, когда повезут по нашей улице хоронить! Теперь я успокоилась.

–Да, теперь живите спокойно ещё сто лет.

А как мы родник за селом, что в сторону леса, благоустроивали! Раньше за ним ухаживал старый Маркович, сосед. Но

он уехал, и родник заилился, пришёл в запустение. И тут мы. Кто же ещё?

Главное – вылить бетонную конструкцию с трубкой, через которую потечёт вода. Сделали. Только она оказалась неподъёмная. Собрали всех, подняли, погрузили на машину. Решили, что такая общественная работа последняя. Таких сил уже нет. Но подвезли, доволокли, докатили, установили. Вымостили камнями площадку, скамейку из камней. Поставили большую кружку, пить воду добрым людям. Всё. Теперь лечить спины.

Через неделю кто-то заткнул трубку, сделал запруду и охладил там пиво. Глаза бы не видели этого.

Спасибо мерседесу, теперь на нашей улице есть дорога. Там выросли большие красивые деревья, которые мы посадили. Там стоит дом, что мы построили. Там течёт родник. Там нас помнят.

Там теперь нет нас, но это уже совсем другая история.

2018 г.

Водный аттракцион.

Здесь всегда лето. Это Шарм-эль-Шейх, Египет. Жара. Как в такую жару можно было пирамиды строить? Без кондиционера в бульдозере и без самого бульдозера.

Мы не строили пирамиды, мы пошли в аквапарк. Там не жарко. Аттракционы, разноязыкая речь, но русской больше. Сели на лежаки отдохнуть и позагорать. Рядом египтянки, закутанные в черную одежду. Почему черная одежда? Традиционно, чтобы лучше прогревались. Арабы все любят горячих женщин. А правильно было бы их охлаждать в жарком климате. Вовка говорит, что большой нос и уши у южан – это радиаторы, для охлаждения. Красная Шапочка спросила бы у слона: «Зачем тебе такие большие уши?» Правильный ответ был бы: «Для охлаждения своего сложного компьютера, головы!» А вы думали, что большие губы у африканцев, чтобы целоваться? Нет, чтобы облизываться, и охлаждать свои мозги! Вовка знает, он врач, операции делает, иногда вскрывает эти «компьютеры» и все видит. Хватит думать, надо просто смотреть по сторонам.

А вот и немцы. Он молодой, важный, белый и очень упитанный. Питался хорошо в Германии и упитался. А она – просто немка. Вот представьте себе молодую немку – это она. Увлеченно фотографируют друг друга.

Прямо перед нами аттракцион. Большая бочка постепен-

но заполняется водой, потом переворачивается, и вода падает на очередного клиента. Брызги, солнце, восторг.

Тут и немец решил сфотографироваться под потоками воды из бочки. Пока она заполнялась, он все придумывал торжественные позы под прицелом фотоаппарата соотечественницы. Вот он задумчивый, вот руку выбросил вперед, как Ленин, который памятник. Остановился на позе важного серьезного человека. Большого начальника, или императора, но только в плавках. Уже устал стоять с втянутым животом, а вода все ещё не наполнила бочку до конца.

Египтянки заинтересовались зрелищем, да и другие загорающие следят за мастерством супермодели и его фотографа.

Ну, наконец, бочка наполнилась и перевернулась. Мощный поток воды полетел с трехметровой высоты вниз. Девушка начала быстро щелкать своей камерой. Поток воды оказался слишком мощным. Он сорвал с немца плавки. Тот не заметил и еще некоторое время продолжал стоять в позе римского императора. Египтянки громко засмеялись и закрыли свои лица черными платками. Через платки тоже хорошо видно. Фигура «писающего мальчика, который изображает императора». Фотограф остановила съемки и закричала что-то на немецком. «Император» быстрым движением поймал свои плавки на ногах и натянул на упитанную задницу. Подбежал к подружке, взял фотокамеру, и стал уничтожать замечательные фотографии. А зря. Мог бы посме-

яться. Да, над собой не каждый может. Это понятно. Концерт окончен. Зрители расслабились, подставляя свои обмозанные кремом плечи горячему египетскому солнцу. Водный аттракцион удался.

2018 г.

«Сателлит» еще одна жизнь

Все пели "С чего начинается Родина"? А надо было подумать, как и чем она может кончиться. Не подумали, не предотвратили. Или наоборот, те, кто об этом мечтал – подумали, спланировали, нашли исполнителей и осуществили. А теперь вбивают в голову обманутому народу «гениальную» мысль: « Кто не жалеет о развале СССР – не имеет сердца. А кто мечтает о его восстановлении – не имеет головы». И тут, главное, чтобы никто не усомнился и не спросил: «А почему?» Если с маршрута ушли в болото, то почему не вернуться? Зачем тонуть? Конечно, не всё восстановится, нужны будут корректировки, изменения. Тут и сердце и голова нужны будут.

Для нас Родина кончилась увольнением с офицерской службы и поиском способов заработать "на хлеб с маслом". Мы сняли зелёные фуражки, мы – это Коля, я и чуть позже Олег. Как из нас сделать коммерсантов? У нас на лбу сохранился след от фуражки, на голени не растут волоски – стёрты сапогами, а в голове – "работа-это выполнение долга перед народом, Родиной".

Но Бог нам подослал Дэвида. Он был директором "экспедирующей и агентирующей" фирмы "Еврохем шиппинг". Они оказывали услуги в порту. А порт по советской инерции ещё активно работал – трудно сразу убить всю экономику

большой страны.

Дэвид многому нас научил. Брать деньги за работу. Работа— охрана и безопасность. Да, кем мы ещё могли стать: кто возглавлял банки— стали банкирами, кто на складах или в магазине — приватизировали добро, партийные руководители — тоже похватали, кто сколько мог. Все делились с бандитами. А нам осталась охрана и безопасность. Маленький островок между морем бандитов и быстро превращающейся в бандитов милицией.

Так я о Дэвиде. Некоторые его выражения цитируем до сих пор.

—Кола, мы здесь были первый и последний лишний раз!

—Мне кажется, что этот человек идиёт!

—Если ты не отдал деньги за работу, то будут крутиться вокруг тебя, а если отдал за ещё неоконченную работу, то будешь крутиться сам.

— Если я должен отдать деньги сегодня, но могу и завтра, то лучше отдать послезавтра.

К Дэvidу приезжал из Израиля отец. Я его сопровождал в Киев. Он хотел посмотреть на город, где лечился в госпитале во время войны. Он служил артиллеристом в "Войске польском". В музее, возле памятника Родине-матери, он обнял пушку "ЗИС-3", с которой воевал, и расплакался. Потом подобрал каштан "на память".

—На каком языке Вы думаете, — спросил его я.

—На польском.

–Значит по определению известного учёного Даля, Вы поляк, а не еврей.

–Нет, я еврей. Польского происхождения.

И вот мы сопровождали грузы из порта в разные города бывшей страны, стали получать деньги, хватало на жизнь! Зарегистрировали охранную фирму. Лена оставила учительскую работу и переквалифицировалась в бухгалтеры, сначала целый год без зарплаты, на общественных началах. Названия придумывали с Колей. В это время я ещё подрабатывал переводчиком у китайцев и носил с собой словарь. Мы ткнули пальцем в этот китайско-русский словарь, попали в слово "сателлит" – так и назвали фирму. Тут стали звонить знакомые, говорят, посмотрите в политический словарь, это же плохое слово, выразитель чужой воли, а не "спутник". Взяли энциклопедию, а там "сателлит" – в переводе с латинского "вооружённый охранник". В древнем Риме рабов для охраны мог позволить каждый, а свободных наёмников, "сателлитов" – только богатые граждане. Так что мы правильно попали пальцем. Бог за нас.

Теперь про Колю. В двух словах и не скажешь. Сказать "советский офицер-пограничник" – не поймут. Про семью рассказать, так с чего начать? С его жены – красавицы Ани, за веселой беззаботностью которой скрывается умный и принципиальный воспитатель – стоит только посмотреть на очень достойных детей, которые на наших глазах стали взрослыми. Генетика? Или это такая там, в Усатово, почва и вода, кото-

рая определяет характер человека, как в одной китайской легенде. Или Анина мама Валюша помогает воспитывать трудотерапией, где есть и почва, и вода,— на огороде?

Во время войны, когда фашисты отступали, из Усатово уходил национальный батальон, созданный немцами из народов Поволжья. Кто-то из партизан стрельнул по колонне и убил двоих фашистов. Вся колонна развернулась назад в Усатово и пошли по дворам убивать местных жителей: и женщин, и детей. Сотни людей побежали спасаться в церковь. Но их и там расстреляли. А в дом, где теперь живёт Колина семья, забежал немецкий офицер, увидел много детей, всех быстро передал на чердак, открыл огонь из автомата по окнам, и когда подошли к дому люди из батальона, он им сказал, что все уже убиты.

А рядом с огородом – старый колодец. На глубине 25 метров есть боковой вход в катакомбы. Мы туда спускались, увидели остатки железной кровати. Нам рассказали, что во время войны там пряталась еврейская семья, а местные им опускали продукты в колодец.

Вернемся в 90-е годы. Запомнилось, как мы попали на бандитскую стрелку. Очень неожиданно. Родственник нашего клиента попросил подъехать, подстраховать, чтобы его не ограбили или не побили во время передачи денег за ремонт автомобиля. Мы подъехали на улицу Дидрихсона на Молдаванке, а там оказалась толпа бандитов, человек сорок. Они перекрыли машинами дорогу с двух сторон. Несколько че-

ловек с пистолетами встали за деревья. Остальные – на тротуаре. У нас в машине – один "помповик", я остался прикрывать, а Коля решительно направился к "бригадным".

– Кто здесь старший, с кем можно говорить? – по-военному чётко спросил Коля. Бандиты не ожидали такого подхода и стали соображать.

– Ты кто, кого представляешь?

– Я Коля! – Они опять стали соображать, кто такой смелый Коля. Они привыкли иметь дело с "мурчащими" уголовниками или с "блеющими" от страха людьми.

Потом все-таки нашли "старшего", сели на корточки, заняли весь тротуар, стали "разруливать ситуацию". Оказалось, что это бандиты "Болгарина". Мы нашли возможность проинформировать их главного о ситуации. Выяснилось, что они действовали без его ведома, за что он им «объявил выговор с занесением в морду лица».

Звонит Дэвид.

– Юра, мы потеряли в дороге Колю!

– Где потеряли? Он же не пять копеек.

– Где-то между Мариуполем и Таганрогом.

Оказывается, остановились возле леса, сходить в туалет. Вышли трое, один вернулся и хлопнул дверью. Водитель микроавтобуса услышал, не проверил, все ли на месте и уехал. Ночь, мороз, два мужика идут по шоссе и голосуют. Кто же остановится?

Так и дошли к утру до городка. Денег хватило в карманах

на билет до Одессы в общем вагоне. На постель уже не хватило. Проводница морщилась, что «бомжи едут, без простыней спят».

Сколько у нас было клиентов и работ за 23 года! Всего и не вспомнить! Смотришь записи в старых блокнотах – всякие ситуации и интересные и опасные, которые уже и забылись.

А Олег, точнее, Олег Тимофеевич, прошёл все, что можно пройти за службу на границе и в Афганистане. Все у него в порядке и со способностями, и с академическим образованием, и с памятью, вот только подлизаться к начальству не умел, поэтому и уволился подполковником, а не генералом.

Да и указание было не продвигать по службе раненых и контуженных: они могут не сдержаться и за несправедливость дать в морду начальнику, что уставом не предусмотрено. Говорят, у них обостренное чувство справедливости. Или пониженный порог терпимости. А Тимофеевич и раненый, и контуженный. Не слышит высоких звуков. Поэтому звонки телефона настраивает на басовые мелодии, а из пения птиц слышит только, как «поют» вороны.

Я его попросил подробно рассказать, как его ранили в плечо.

Это было в ущелье Куфаб, в районе кишлака Нижний Карнив, где Пянджская ДШ, (десантно-штурмовая группа) где Олег был заместителем начальника штаба, проводила операцию. Он запомнил, что на тропе появились султанчики от пуль, а потом почувствовал сильный удар.

Казалось, что это ударила нечеловеческая сила, какой-то тяжелый лом, или фантастическая обезьяна "Кинг-Конг". А потом была ночь в ожидании вертолета. Когда огрубел от засыхающей крови камуфляж. Фельдшер грамотный, всё правильно сделал, спас. Нерв был перебит, сшивали в Москве. Рука теперь не очень хорошо работает, а голова нормально. И командирские качества, – когда выезжали на стрельбище, умел всех построить и чётко организовать, приятно посмотреть. Практическая организация мероприятий – это у него не отнимешь.

Более 20 лет мы работали и никогда не ссорились. Похожие судьбы и отношение к деньгам без жадности, деньги – одно из средств, а не цель жизни. Когда они есть – хорошо, нет – не смертельно. Заработаем.

Однажды на нас "напала" большая и хорошо оплачиваемая работа. Российские олигархи возили через Украину груз – чугунные чушки. Может, Украина и не от слова "украсть", но здесь груз растаскивался тысячами тонн, принося ворами прибыль, а хозяевам груза многомиллионные убытки. Нам предложили поработать. Мы не очень верили в успех: кого оттащишь от корыта, где воруются миллионы долларов. Но решили попробовать.

Я написал подробный план мероприятий, всё по науке, с охранными действиями, оперативными, информацией, дезинформацией и прочими мерами для достижения успеха. Тимофеевич изобразил все это на карте, как учили в акаде-

мии. Коля, который может убеждать и вливать в дело энергию, поехал в Москву на доклад. На удивление, нам дали эту работу. И чем можно гордиться— мы с ней справились. Все шло по плану. Мы ошиблись только в одном: думали, что во главе системы воровства стоят бандитские авторитеты, а оказалось, что большие милицейские чины. Но и это мы преодолели, и показатели воровства упали до минимума на целых семь лет. У нас уже подросли прекрасные свои кадры для этой работы: Сережа Котов, Сережа Наконечный, Андрей Волчков, Женя Левицкий, Саша Ткаченко, Рома Петушков, Виталий Терещенко, Сережа Ильин, Саша Никитин, Юра Стецюк и другие ребята. Мы нашли десятки честных милиционеров, которые нам помогали. Отказывались брать от нас денежные премии за успехи, говорят: "Взятка". Пока я им ни прочитал в уголовном кодексе, что "взятка— это получение денег за неисполнение или недолжное исполнение своих обязанностей". А у нас — премия за добросовестное исполнение, да ещё и деньгами, с которых налоги уплачены! Саше Ткаченко хорошо давалась работа с людьми, дающими нам информацию, а Игорь Куприненко— это наш компьютерный мозг и техник. Он говорит, что у меня "чёрный язык", дар предвидения отрицательных последствий.

—Игорь, будешь устанавливать камеру на стене, не ленись, возьми лестницу, не пытайся залезть по решётке окна бельэтажа.

—Я возьму лестницу.

–Правильно, иначе будут неторжественные похороны. Все будут пересказывать, как усопший поленился поставить лестницу, полез по старой решётке, она отвалилась, ленивый упал, решётка догнала его голову. Все будут мерзко смеяться и испортят траурное мероприятие.

Возвращаюсь в офис – у Игоря ссадина на лбу.

–Что, не поставил лестницу?

–Нет, поставил, установил камеру. Потом убрал лестницу, а захотелось чуть-чуть повернуть камеру... Решётка не вся оторвалась, а только кусочек возле форточки. Она меня ударила, но я не упал. Чёрный язык, – ворчал Игорь.

Так вот, он смог создать такую программу, которая анализировала результаты перевески грузов, график движения, остановки и определялись предположительные места хищений. Когда появилась аппаратура GPS, наши сотрудники на станции Хутор-Михайловский, подсоединяли на мощных магнитах аппаратуру к вагонам, и мы наблюдали весь процесс их движения.

Однажды воры, по ошибке, украли 90 тонн нашего груза. И уже повезли под охраной ГАИ к потребителю в Кривой Рог. Когда узнали, что это "наш груз", развернулись и разгрузили его возле Ильичёвского порта. Мы его завезли в порт и взвесили– оказалось на 20 тонн больше: чей-то еще чугуна привезли. Впервые за всю историю, украденное было возвращено!

Если бы не политические потрясения мозга, продолжа-

лась бы эта работа, приносящая миллионы Украине и нам на "хлеб с маслом".

Всё вернется. «Сателлит» ещё жив. И дай бог ему здоровья.

"То, что сжимают – расширяется.

То, что ослабляют – укрепляется.

То, что уничтожают – расцветает.

Кто хочет отнять что-нибудь у другого, непременно потеряет свое".

Лао-цзы. 5 век до н.э.

2016 г.